

ТРУДЫ

В. Г. ВАСИЛЬЕВСКАГО.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ.

ИЗДАНИЕ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

— * —

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1912.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Май 1912 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Ольденбургъ*.

Академическая Коммиссія по изданію трудовъ В. Г. Васильевскаго пользовалась при изданіи этого тома помощью академиковъ А. А. Шахматова и Н. Я. Марра (вошедшаго послѣ избранія въ Академію и въ составъ Коммисіи) и профессоровъ Э. А. Брауна и В. Н. Бенешевича. Послѣднимъ, а также членомъ-корреспондентомъ Академіи профессоромъ Г. А. Воскресенскимъ и завѣдующимъ Московской Синодальной Библіотекой Н. П. Поповымъ исполнены были сличенія нѣкоторыхъ славянскихъ рукописей, потребовавшіяся при изданіи пятой статьи тома.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Русско-византійскіе отрывки.

	СТР.
I. Два письма византійскаго императора Михаила VII Дуки къ Всеволоду Ярославичу.....	3
II. Къ исторіи 976—986 годовъ. (Изъ Ал-Мекина и Іоанна Геометра).....	56
III. Замѣтка о пѣшихъ и конныхъ	125
IV. Записка греческаго топарха	136
V. Хожденіе апостола Андрея въ странѣ Мирмидоняѣ ...	213
VI. Житіе Стефана Новаго	297
VII. Житіе Іоанна Готскаго	351

VI.

ЖИТИЕ СТЕФАНА НОВАГО ¹⁾.

1.

Святой Стефанъ, прозванный Новымъ въ отличіе отъ первомученика Стефана, былъ главнымъ представителемъ православнаго монашества въ борьбѣ съ иконоборческою ересью и пострадалъ за свои убѣжденія при второмъ изъ иконоборческихъ императоровъ, Константинѣ Копронимѣ. Житіе его, написанное менѣе чѣмъ черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ его смерти, признается и всегда служитъ ближайшимъ и важнымъ пособіемъ для изученія соответствующаго періода византійской исторіи, такъ какъ даже съ внѣшней, фактической стороны оно дополняетъ краткія и сухія извѣстія хроникъ Амартола, Теофана и патріарха Никифора. Но еще болѣе драгоцѣнно оно тѣмъ, что содержитъ въ себѣ много живыхъ подробностей для характеристики современнаго герою и автору византійскаго быта, какъ церковно-монашескаго, такъ и государственно-общественнаго, — такихъ подробностей, какихъ мы никакъ не найдемъ въ чисто-историческихъ сочиненіяхъ. Въ этомъ отношеніи Житіе Стефана Новаго, однако, не вполне еще оцѣнено и исчерпано, ибо до сихъ поръ еще не написано византійской исторіи, сколько-нибудь удовле-

1) <Журн. Мин. Нар. Пр. Часть 191 (іюнь 1877 г.), отд. II, стр. 283—329.>

творяющей современнымъ требованіямъ исторической науки и по возможности представляющей дѣльное изображеніе всѣхъ сторонъ византійской жизни.

Съ другой стороны, памятникъ, на который мы обращаемъ вниманіе, имѣетъ несомнѣнное, хотя болѣе косвенное отношеніе къ вопросамъ первоначальной русской исторіи, на что отчасти ужъ и указано другими. Житіе Стефана Сурожскаго, въ концѣ 284 русской редакціи котораго находится разсказъ о походѣ русскаго князя на южныя области Крыма отъ Корсуня до Керчи, составляетъ, какъ думаютъ, сколокъ съ болѣе древняго греческаго подлинника, излагающаго жизнь соименнаго мученика, пострадавшаго при Копронимѣ. Вопросъ о томъ, когда и кѣмъ написано Житіе Георгія Амастридскаго, слѣдовательно, вопросъ о томъ, суть ли Руссы, въ немъ упоминаемые, въ самомъ дѣлѣ до-Рюриковскіе Руссы, или же напротивъ тѣ самыя, которые сдѣлались извѣстны въ 865 году патриарху Фотію — значить, только современные Рюрику, — этотъ вопросъ можетъ быть подвинутъ къ рѣшенію только при помощи подробнаго и сравнительнаго изученія другихъ однородныхъ памятниковъ византійской письменности за весь иконоборческой періодъ: Житіе Стефана Новаго должно служить при этомъ точкой отправленія. Наконецъ, въ этомъ послѣднемъ Житіи есть данныя для исторіи Крыма, которыя необходимо будетъ припомнить при объясненіи Житія Іоанна Готскаго, сочиненія, имѣющаго прямое отношеніе къ первоначальной русской исторіи.

Намъ кажется, что по возможности полное и тщательное изученіе всѣхъ сейчасъ названныхъ произведеній агіографической литературы стоитъ въ настоящее время на очереди. По крайней мѣрѣ, мы можемъ сослаться въ этомъ на замѣчанія, высказанныя двумя учеными, наиболѣе знакомыми съ положеніемъ дѣла. Одинъ изъ нихъ пишетъ: «Въ виду высказанной (другими) догадки, что обѣ легенды, и Амастридская и Сурожская, взяты изъ одного древнѣйшаго греческаго источника, восходившаго въ первоначальной редакціи за 865-й годъ, и что амастридское житіе (или часть его) оказывается подлогомъ, весь составъ его слѣдуетъ подвергнуть строгой повѣркѣ»; а «Житіе Стефана Сурожскаго, по особымъ извѣстнымъ причинамъ, должно быть

изслѣдовано не иначе, какъ въ совокупности съ Житіемъ его соименника», то есть, Стефана Новаго¹⁾. Другой ученый, нѣсколько измѣняя свои прежнія болѣе положительныя мнѣнія, признаетъ, что «легенда о походѣ Руси на Сурожъ была бы въ высшей степени важнымъ свидѣтельствомъ о существованіи славянской, до-варяжской Руси, если бъ оно было достаточно выяснено современною критикою», и ограничивается относительно этого свидѣтельства, равно какъ и относительно Амастридскаго Житія, однимъ заявленіемъ своего несогласія съ 285 чужими мнѣніями²⁾. Въ своихъ предшествующихъ статьяхъ, посвященныхъ пересмотру византійскихъ источниковъ и отдѣльных извѣстій, относящихся къ русской исторіи, именно въ отрывкѣ, посвященномъ извѣстіямъ о крещеніи Владиміра, мы также не сочли возможнымъ коснуться Сурожской легенды, хотя мы знали, что существуютъ извѣстныя основанія и авторитетныя мнѣнія, приурочивающія ее не къ какому-либо до-рюриковскому князю, а именно ко Владиміру. Намъ тоже казалось, что вопросъ о Сурожскомъ Житіи и легендѣ требуетъ еще критической провѣрки въ связи съ другими подобными вопросами. Рѣшившись въ настоящее время взяться за эту задачу, мы такимъ образомъ увидѣли, что для установленія болѣе прочныхъ и широкихъ основаній критическаго изученія обѣихъ легендъ, какъ Сурожской, такъ и Амастридской, необходимо сначала близкое знакомство съ Житіемъ Стефана Новаго. Съ него мы и начинаемъ рядъ статей, долженствующихъ затѣмъ слѣдовать въ такомъ порядкѣ: 2) Житіе Іоанна Готскаго, 3) Житіе Георгія Амастридскаго и 4) Житіе Стефана Сурожскаго.

Этотъ порядокъ соотвѣтствуетъ содержанію самыхъ памятниковъ, имѣющихъ быть предметомъ изученія, хронологической послѣдовательности тѣхъ событій византійской исторіи, о которыхъ въ нихъ главнымъ образомъ идетъ рѣчь. Послѣдней мы никакъ не хотимъ опускать изъ виду. Въ какой степени результаты нашего изслѣдованія будутъ прочны и несомнѣнны по отношенію къ вопросамъ первоначальной русской исторіи, — за

1) А. А. Куникъ, О запискѣ готскаго топарха въ Запискахъ Академіи Наукъ, XXIV, 103.

2) С. А. Гедеоновъ, Варяги и Русь, т. II, въ концѣ.

это впередъ трудно поручиться. Но во всякомъ случаѣ мы постараемся извлечь изъ данныхъ — не всѣмъ доступныхъ — источниковъ все то, что можетъ имѣть цѣну и значеніе какъ для русской, такъ и для византійской исторіи. Подробное изложеніе самаго содержанія всѣхъ Житій и, гдѣ нужно, буквальные изъ нихъ извлеченія предназначаются для этой цѣли, то есть, служить матеріаломъ прежде всего для византійской исторіи.

Житіе Стефана Новаго издавна существуетъ въ двухъ редакціяхъ. Одна изъ нихъ, болѣе краткая, переведена съ греческаго на латинскій языкъ Билліемъ и была издана имъ вмѣстѣ съ сочиненіями Іоанна Дамаскина (*S. Ioannis Damasceni opera, conversa per Jacobum Billium Prinaeum, Parisiis, 1603*); греческій подлинникъ, принадлежащій, по всѣмъ признакамъ, Метафрасту, нигдѣ не былъ напечатанъ¹⁾, но, сколько можно заключать по изложенію Димитрія Ростовскаго, онъ послужилъ источникомъ для Житія Стефана въ Макарьевской Миней за ноябрь мѣсяцъ²⁾. Болѣе полный и несомнѣнно первоначальный текстъ найденъ былъ Балюзомъ, который намѣренъ былъ издать его вмѣстѣ съ другимъ, приписываемымъ Метафрасту, но послѣ передалъ сдѣланный имъ списокъ съ манускриптовъ Монфокону; уже этотъ послѣдній напечаталъ, но только вновь найденный полный текстъ — въ Бенедиктинскомъ изданіи «*Analecta Graeca*», въ первомъ томѣ (1692 anno). А отсюда онъ перепечатанъ въ Греческой Патрологіи аббата Миня (*Migne, Patrologia graeca, t. 100*). Различіе въ двухъ редакціяхъ именно таково, какимъ оно оказывается и въ другихъ случаяхъ при сличеніи древнихъ житій съ обработкой ихъ, сдѣланною въ X вѣкѣ Симеономъ Метафрастомъ: сокращеніе коснулось главнымъ образомъ довольно длиннаго вступленія, гдѣ первоначальный авторъ объясняетъ свои личные побужденія, внушившія ему трудъ, а также заключенія, въ которомъ содержится молитвенное обращеніе къ святому. Помимо того, уже самимъ Метафрастомъ были, безъ сомнѣнія, сдѣланы тѣ же мелкія измѣненія въ языкѣ и стилѣ, ко-

1) «Нѣкоторыя извлеченія напечаталъ М. I. Γεδεών въ изданіи 'Ο ἐν Κωνσταντινουπόλει Ἑλλ. Φιλολογικὸς Σύλλογος, Ἀρχαιολογικὸν δευτεῖον, παράρτημα τοῦ χδ' — χστ' τόμου (1896 г.), стр. 76—79.»

2) «Ср. Сергія, Полный мѣсяцесловъ Востока, изд. 2, I 500 и II 487.»

торыя потомъ обнаруживаютъ себя какъ въ латинскомъ переводѣ Биллія, такъ и въ извлеченіяхъ Баронія (въ Церковныхъ Лѣтописяхъ). Эти измѣненія не всегда безразличны для изслѣдователя византійской исторіи. Напримѣръ, мы дальше увидимъ, что въ Житіи Стефана Новаго говорится нѣсколько разъ о такъ называемыхъ «силенціяхъ», т. е., государственныхъ собраніяхъ, въ которыхъ императоръ вступалъ въ прямыя сношенія и объясненія съ своими подданными. Въ первоначальномъ подлинникѣ при этомъ дѣло вездѣ представляется въ такомъ видѣ, что силенцій есть непосредственная бесѣда царя съ народомъ, напоминающая отчасти нѣкоторыя сцены русской исторіи, происшедшія на Красной площади. Одно въ высшей степени живое описаніе такой бесѣды Константина Копронима прямо указываетъ на присутствіе именно въ собственномъ смыслѣ народной толпы. Между тѣмъ въ латинскомъ изложеніи при этихъ случаяхъ говорится только о присутствіи сенаторовъ, то есть, имперскихъ сановниковъ: *accita et coacta senatorum classe*. Есть основанія думать, что такое отличіе фразеологіи соотвѣтствуетъ дѣйствительнымъ измѣненіямъ въ формахъ византійской государственной жизни, происшедшимъ въ промежутокъ отъ иконоборческой эпохи до времени Симеона Метафраста. Во всякомъ случаѣ оно не должно быть опускаемо изъ виду при рѣшеніи вопроса о томъ, какъ относился народъ и, въ частности, столичное населеніе къ реформамъ императоровъ-иконокластовъ. Ради 287 нашихъ цѣлей мы, конечно, должны держаться только греческаго первоначальнаго текста, оставляя въ сторонѣ всякія позднѣйшія редакціи и переводы¹⁾, въ которыхъ сглаживаются именно болѣе дорогія подробности и черты быта и нравовъ.

Въ самомъ заглавіи Житія, сообщаемомъ рукописями Парижской Національной Библіотеки, указано имя и званіе автора: это былъ діаконъ Константинопольской церкви, по имени также Стефанъ; послѣднее, то есть, имя, могло быть, впрочемъ, угадано и безъ того, такъ какъ въ заключительномъ молитвенномъ обращеніи авторъ указываетъ на свою соименность со святымъ,

1) Между прочимъ, Житіе Стефана Новаго, какъ назидательное чтеніе для христіанина, изложено весьма подробно въ Душеполезномъ Чтеніи за ноябрь 1860 года. Источникомъ служили русскія печатныя Четы-Миней.

къ которому онъ обращается. Какъ видно изъ вступленія въ Житіе, діаконъ Стефанъ писалъ его спустя сорокъ-два года послѣ кончины святаго. Такъ какъ годъ смерти Стефана Новаго отмѣченъ въ хроникахъ Теофана и Никифора и относится къ 765 году, то изъ этого слѣдуетъ, что Житіе составлено около 808 года, то есть, въ царствованіе Никифора Логоета и въ промежутокъ между двумя иконоборческими періодами и династіями.

Произведеніе это написано было, какъ показываютъ частыя обращенія къ слушателямъ, «къ участникамъ духовнаго торжества», для публичнаго чтенія въ церкви, вѣроятно, въ день памяти мученика. Самое предисловіе начинается размышленіемъ объ обязанности хранить память праведныхъ съ похвалами и о пользѣ письменнаго ея закрѣпленія. При этомъ книга сравнивается съ иконою, чтѣ составляетъ довольно обычную тему у писателей того же періода. И книга, и икона служатъ одной и той же цѣли, только одна — посредствомъ слуха, другая посредствомъ зрѣнія; одна готовится знающимъ искусство художникомъ, другая можетъ быть написана только человѣкомъ, получившимъ образованіе и духовное просвѣщеніе свыше. Діаконъ Стефанъ чувствуетъ, что ему недостаетъ ни того, ни другаго; сомнѣнія его, впрочемъ, представляютъ общее мѣсто, часто повторяющееся въ другихъ того же рода сочиненіяхъ, и онъ все-таки обращается къ своей задачѣ на томъ основаніи, что если его хвала не будетъ соответствовать достоинству и подвигамъ святаго, то это не послужитъ ему въ осужденіе, а напротивъ того, молчаніе, когда есть какая-либо способность говорить, было бы преступленіемъ въ отношеніи къ святому и ослушаніемъ въ отношеніи къ тому, кто просилъ его взяться за трудъ. Послѣ мы узнаемъ (уже въ заключеніи), что порученіе описать жизнь Стефана Новаго возложено было на краснорѣчиваго ритора, діакона Стефана, монахомъ Епифаніемъ, отшельникомъ, поселившимся въ той же самой пещерѣ, которая нѣкогда была мѣстомъ подвиговъ соименнаго автору мученика. Діаконъ Стефанъ и потому не долженъ былъ уклоняться отъ возложенной на него задачи, что въ его время существовала еще возможность, которая могла вскорѣ затѣмъ утратиться, со-

брать вѣрныя и полныя свѣдѣнія о жизни и подвигахъ святаго. Эти свѣдѣнія онъ получилъ отъ «правдивыхъ людей», отъ учениковъ и посѣтителей Стефана Новаго; онъ предпринималъ для своей цѣли немалые труды, путешествовалъ по разнымъ мѣстамъ и, какъ пчела, собиралъ медь со многихъ цвѣтовъ. Вслѣдъ за этими объясненіями авторъ изъясняетъ намѣреніе не удлиннять рѣчи длинными отступленіями и приступить къ своему предмету и, дѣйствительно, попросивъ у «священнаго собранія православныхъ» ихъ молитвъ, которыя могли бѣ укрѣпить его силы, а также вниманія, онъ начинаетъ свое изложеніе. Прибавимъ, однако, что уже введеніе, переданное нами только въ его существенныхъ чертахъ, показываетъ какъ сильную склонность автора къ риторическому многословію, такъ и его большую опытность въ этомъ искусствѣ, хотя онъ и сообщаетъ намъ, что собственно въ повѣствовательномъ родѣ, то есть, въ сочиненіи жизнеописаній, онъ прежде не упражнялся.

Затѣмъ мы переходимъ, вслѣдъ за нашимъ руководителемъ, къ первоначальной біографіи Стефана Новаго.

2.

Авторъ, самъ житель Константинополя, съ особеннымъ удивленіемъ останавливаетъ вниманіе слушателей на томъ обстоятельстве, что святой, о которомъ онъ держитъ рѣчь, есть тоже уроженецъ столицы. «Винovníкъ этого священнаго торжества не какой-либо пришлецъ въ Византію и не чужой обитателямъ царственнаго града; онъ нашъ по рожденію своему и воспитанію, его знали наши отцы и видѣли его своими глазами». Во времена императора Артемія или иначе Анастасія, въ первый годъ его правленія (6222 = 714), жилъ въ Константинополѣ одинъ человекъ, не отличавшійся ни высокимъ саномъ, ни богатствомъ, нечестиво приобретеннымъ, но кормившій себя трудами рукъ своихъ и еще удѣлявшій отъ своей скудости милостыню бѣднымъ и убогимъ. Съ своимъ семействомъ, которое состояло изъ жены, не уступавшей мужу въ благочестіи и благонравіи, и двухъ дочерей, онъ жилъ на склонѣ большой цар-

ской улицы, тамъ гдѣ съ одной стороны стоитъ зданіе, именуемое Ставрїонъ, а насупротивъ — дома, называемые «Конста». Обѣ дочери были воспитаны родителями не только въ страхѣ Божіемъ, но и — черта, которая должна быть въ нашемъ изложеніи особенно отмѣчена, — обучены были грамотѣ. Не одно только разбираемое нами Житіе, но и другія того же рода сочиненія, относящіяся по своему содержанію къ эпохѣ иконоборческой и писанныя близкими современниками, свидѣтельствуютъ о значительномъ распространеніи школьнаго образованія и грамотности въ византійскомъ обществѣ. Здѣсь мы видимъ, что сознаніе этой потребности приписывается не какой-либо богатой или зажиточной фамиліи, а простой семьѣ рабочаго, и что она простирается не только на мужескій полъ, но и на женскій, что учили грамотѣ даже въ низшихъ классахъ не только мальчиковъ, но и дѣвочекъ. Совершенно фактическая вѣрность этихъ указаній подтверждается тѣмъ историческимъ фактомъ, что когда вслѣдствіе борьбы за иконы усилилось греческое выселеніе въ Италію, и когда папа Захарій, по происхожденію тоже Грекъ, отвелъ для греческихъ монахинь особый монастырь, то онѣ прежде всего устроили въ немъ греческую женскую школу¹⁾.

Мужъ и жена, приближаясь уже къ старости, печалились о томъ, что при двухъ дочеряхъ у нихъ не было ни одного сына. Особенно горевала объ этомъ жена. Подражая ветхозавѣтной матери Самуила, имя которой она носила, новая Анна искала помощи въ молитвѣ и съ особеннымъ усердіемъ посѣщала церкви, посвященныя Богородицѣ, которыхъ въ Константинополѣ было нѣсколько, чаще же всего ходила въ знаменитый храмъ Влахернской Богоматери. Уже въ VIII вѣкѣ, какъ мы узнаемъ изъ нашего Житія, въ этомъ храмѣ совершалось еженедѣльно съ пятницы на субботу то продолжавшееся цѣлую ночь бдѣніе и пѣснопѣніе, о которомъ упоминается въ позднѣйшихъ источникахъ, не только византійскихъ, но въ западныхъ и русскихъ, съ какими-то несовѣмъ ясными намеками на по-

1) Rodotà, Dell' origine, progresso, e stato presente del rito greco in Italia, II, p. 71; Zambelli, Meletem., p. 312.

стоянно повторявшееся «обычное чудо». Въ разсказѣ о взятіи Константинополя Латинами, находящемся въ нашихъ лѣтопис- 290 ныхъ сборникахъ, это чудо передается въ такихъ выраженіяхъ, что «у Святой Богородицы, иже въ Лахернѣ, Духъ Святый схождаше на вся пятницу»¹⁾. Въ одномъ средневѣковомъ латинскомъ сочиненіи (Belethi, Rationale divinatorum officiorum), безъ сомнѣнія, то же самое чудо разумѣется при слѣдующемъ описаніи: «Быль нѣкогда въ Константинополѣ, въ одной церкви, образъ Святой Дѣвы, предъ которымъ висѣлъ покровъ, совершенно закрывающій его; но въ пятницу на вечернѣ этотъ покровъ безъ всякаго содѣйствія ниспадалъ самъ собою и божественнымъ чудомъ какъ бы поднимался къ небу, такъ что всѣ это могли ясно и вполне видѣть; а въ субботу покровъ нисходилъ на прежнее мѣсто и оставался до слѣдующей пятницы».

Утомленная усердною молитвою и земными поклонами, Анна заснула, и вотъ ей во снѣ явилась жена, совершенно похожая на ликъ Влахернской Богоматери, то есть, на изображеніе иконы, предъ которою она молилась на яву. Какъ бы ударивъ спящую въ нижнюю часть живота (τὴν ψάαν πατάξασα), видѣніе произнесло слѣдующія слова: «Иди съ миромъ, ибо ты имѣешь сына». Анна съ радостію воротилась домой и вскорѣ узнала, что понесла во чревѣ.

Затѣмъ слѣдуетъ эпизодъ, относящійся къ одному изъ тѣхъ событій въ византійской жизни, которыя вызывали участіе и даже волненіе во всемъ населеніи столицы. Патріаршескій престолъ, остававшійся въ это время празднымъ, былъ замѣненъ новымъ избранникомъ, который теперь готовился къ торжественному вступленію (ἐνθρονίσις) на свою кафедру: это былъ знаменитый Германъ, будущій защитникъ иконъ и страдалецъ

1) Что должно быть принято именно это чтеніе, а не другое, говорящее о Пятидесятницѣ, это дѣлается несомнѣннымъ изъ сопоставленія находящихся въ текстѣ мѣсть. А что чудо, подобное тому, которое описано у Белета (Migne, Patrolog. lat., t. 202, col. 57 sq.) въ 51-й главѣ, могло быть названо схожденіемъ Духа Святаго, это легко понять, особенно если мы припомнимъ, что и въ путешествіи игумена Даниїла схоженіе огня къ гробу Господню тоже называется «пришествіемъ Духа Святаго». Мы уже прежде <Т. I, стр. 173> имѣли случай сдѣлать догадку, что «обычное чудо» въ разсказѣ Анны Комнины <XIII 1, pp. 376 АВ ed. Paris.> — все то же самое пятничное чудо Влахернскаго храма.

за ихъ почитаніе. Его избраніе замѣчательно, прежде всего, въ томъ отношеніи, что оно представляло одно изъ рѣдко допущавшихся уклоненій отъ церковнаго правила, запрещавшаго мѣнять одну епархію на другую: Германъ уже ранѣе былъ епископомъ города Кизика, такъ что его возведеніе на патріаршество было собственно «перемѣщеніемъ» (μετάθεσις), а законность такихъ перемѣщеній и послѣ оставалась сомнительною, несмотря на этотъ и другіе прецеденты. Сверхъ того, нашъ авторъ говоритъ, что избраніе Германа совершилось по «жребію Божію» (Θεοῦ ψήφῳ). Такое выраженіе давало бы намъ поводъ подразумѣвать тотъ особый способъ избранія жребіемъ, который послѣ употреблялся у насъ на Руси, именно въ Новгородѣ, и, дѣйствительно, не чуждъ былъ византійской церковной практикѣ, особенно при избраніи монастырскихъ настоятелей, но это предположеніе было бы ошибочно¹⁾. Мы имѣемъ подлинный актъ поставленія Германа на патріархію, который свидѣтельствуетъ о другомъ — обычномъ — способѣ избранія и представляетъ, кажется, древнѣйшій случай употребленія извѣстной въ настоящее время формулы поставленія²⁾.

Какъ бы то ни было, въ августѣ 715 года Германъ торжественно вступилъ на патріаршескій престолъ Константинопольской церкви. «Со всей подсолнечной», — говоритъ нашъ авторъ, — «стеклись сюда люди всякаго возраста и пола; старъ и младъ, даже малые младенцы хотѣли участвовать въ радостномъ торжествѣ». Анна со своимъ мужемъ также находилась вблизи Софійскаго Великаго храма, гдѣ собственно совершалась церемонія, и хотѣла туда проникнуть; однако, необозримая толпа народа, страшная тѣснота и давка испугали ее и заставили вспомнить о своемъ положеніи. Но ея усердный къ вѣрѣ и

1) Кромѣ типика, даннаго императрицей Ириною, женою императора Алексѣя Комнина, основанному ею женскому монастырю, гдѣ подробно излагается способъ избранія игуменни тремя жребіями, то же самое мы находимъ и въ уставѣ для мужскаго монастыря, основаннаго въ концѣ XI вѣка извѣстнымъ писателемъ Михаиломъ Атталадскимъ (см. Sathas, Biblioth. gr. medii aevi, t. I, p. 27). Здѣсь, впрочемъ, кладутся на престолъ и послѣ литургіи выносятся дитятей или отрокомъ только два жребія, а не три.

2) Она сохранилась у Θεοφανα подъ 6207—715 годомъ и у Амартола (p. 626 Mur.).

церкви супругъ не склоненъ былъ послѣдовать приглашенію своей жены и отказаться отъ зрѣлица: надѣясь на свою физическую силу, которою онъ превосходилъ многихъ, онъ сказалъ Аннѣ, чтобъ она крѣпко держалась за его бока, и затѣмъ, работая локтями направо и налево, раздавая и самъ получая толчки, все-таки успѣлъ пробраться впередъ и вступить въ преддверіе (паперть) святой Софіи. Отсюда они вошли уже безъ особеннаго труда въ ту часть храма, которая отдѣлялась находящимися впереди ея колоннами отъ самой внутренности его¹⁾, 292 и, вставъ на скамью (πρὸς σκάμνον ἀνιόντες), ожидали вступленія новопоставленнаго іерарха. Когда Германъ проходилъ мимо, Анна, какъ бы движимая божественною силою (θεόθεν κινηθεῖσα) — такъ, по крайней мѣрѣ, она сама клятвенно утверждала предъ тѣми, отъ которыхъ слышала объ этомъ діаконъ Стефанъ, писатель Житія, — громко воскликнула: «Благослови, все-святой отецъ, во чревѣ сына моего». Патріархъ съ кротостію обратилъ свои глаза туда, откуда раздался голосъ, и отвѣтилъ: «По вѣрѣ твоей, жена, молитвами Богородицы и первомученика Стефана, да благословитъ Господь плодъ чрева твоего». Итакъ, Анна не только получила желаемое благословеніе, но въ упоминаніи мученика Стефана, которое не могло быть случайнымъ, узнала, какое имя нужно будетъ дать имѣющему родиться сыну.

По прошествіи нѣсколькихъ дней этотъ сынъ обѣтованія дѣйствительно родился; въ восьмой день онъ принесенъ былъ во храмъ и нареченъ Стефаномъ; затѣмъ, въ сороковой день его мать, подобно преславной Аннѣ (ἡ πολυθρόλλητος Ἄννα), матери Самуила, принесла вмѣстѣ съ мужемъ новорожденнаго во храмъ Влахернскій, гдѣ она получила первую надежду на исполненіе своего моленія. Предъ тою же самою иконою, предъ которою ее посѣтило видѣніе, она произнесла теперь благодарственную хвалу (χαριεπισμός) Богородицѣ и, приложивъ младенца къ ногамъ ея изображенія на иконѣ (τοῖς ποσὶ τῆς ἀγίας ἐκείνης εἰκόνοσ το βρέφος ἐνείρασα), она не только поручила его особому покровительству Богоматери, но и обрекла его тѣмъ самымъ на

1) Patr. gr. 100, 1077 B: Κἀκεῖθεν ἀνετοὶ εἰσῆλθον ἐν τῇ πρὸ τῶν τοῦ νεῶ πυλῶνων στοῶ.

служеніе ей, то есть, на монашескую жизнь. По древнему обычаю, крещеніе младенца было отложено до наступленія торжественнаго праздника Пасхи и совершилось наканунѣ его, въ Великую Субботу—въ крещальнѣ (τὸ φωτιστήριον) Великой церкви, при чемъ крестилъ и помазывалъ вмромъ самъ патриархъ Германъ. Діаконъ Стефанъ, авторъ нашего Житія, дѣлаетъ здѣсь отступленіе въ видѣ благочестиваго размышленія о знаменательности рассказанныхъ фактовъ и предупреждаетъ читателей указаніемъ на то, что всѣ знаменія особаго избранія послѣ оправдались въ событіяхъ и подвигахъ жизни святаго. Возвращеніе къ теченію повѣствованія своимъ приеомомъ и выраженіями напоминаетъ подобныя же мѣста и обороты въ другихъ житіяхъ¹⁾.

293 Когда дитяти исполнилось шесть лѣтъ, то вмѣстѣ съ этимъ наступило обычное время, когда начиналось у византійскихъ Грековъ первоначальное школьное обученіе. Родители отдали Стефана въ наученіе начаткамъ Священнаго Писанія (*παραδιδόσιν αὐτὸν εἰς τὴν τῶν ἱερῶν γραμμάτων μάθησιν προπαιδείας*); изъ этихъ выраженій можемъ заключать, что въ VIII вѣкѣ, какъ и послѣ въ XI, обученіе чтенію совершалось по Псалтыри: Пселлъ говоритъ это прямо о своей дочери²⁾. Если бы рѣчь шла о дитяти зажиточныхъ и знатныхъ родителей, то за этимъ непременно было бы упомянуто о такъ называемомъ «Энкиклическомъ образованіи», которое соотвѣтствуетъ латинскому *trivium* и *quadrivium* и встрѣтится намъ въ одномъ изъ слѣдующихъ житій, подлежащихъ разбору. Само собою разумѣется, что чудесное дитя молитвы должно было отличаться и особенными дарованіями, и особенными успѣхами; такъ это и представляется въ нашемъ житіи. Судя по одному выраженію, указывающему на сожителство Стефана съ его товарищемъ по обученію, какимъ-то всехвальнымъ Тимоѳеемъ (τοῦ πανευφήμου Τιμοθέου σύσκηρος),

1) Ibid. 1081 B: Ἄλλὰ γὰρ ἔλαθον ἑμαυτὸν εἰς τοῦσδε νῦν τοὺς λόγους παρεξελθὼν καὶ καταλείψας τὰ πρότερον λεχθῆναι ὀφείλοντα... Ἐνθεν λοιπὸν τοῦ λόγου τὴν νόσσαν αὐθις ἐπὶ τὰ πρόσω φέρω.

2) Послѣ элементовъ грамоты, смѣшенія слоговъ и составленія словъ (μίξεως συλλαβῶν καὶ ὀνομάτων συνθήκης), она перешла къ псалмамъ Давидовымъ; см. Sathas, Biblioth. gr., V, 65. То же самое въ житіи Никиты Мидикійскаго, которое относится тоже ко времени иконоборства, какъ и житіе Стефана Новаго: τὰ ἐξ ἔθους γράμματα, — εἶτα τὸ ψαλτήριον; см. AA. SS., April. t. I, p. XIX cap. 5.

слѣдуетъ думать, что оба они не только ходили въ школу, пови-
димому, находившуюся при монастырѣ, но и жили при ней. Общій учитель ихъ служилъ для нихъ также примѣромъ благо-
честія и строгаго соблюденія церковныхъ обрядовъ и постовъ. Въ праздничные дни, посвященные памяти святыхъ, Стефанъ
посѣщаль, уже вмѣстѣ съ матерью, обычныя бдѣнія, продол-
жавшіяся тогда цѣлыя ночи. Во время чтеній, когда обычай
позволялъ слушать сидя, онъ становился «предъ священною рѣ-
шеткою» (πρὸ τῆς ἱερᾶς κιχλίδος) и такъ внимательно слѣдилъ
за читаемымъ, что, будь это житіе или мученіе какого святаго
или же поученіе какого отца, онъ запоминалъ и послѣ могъ по-
вторить наизусть прослушанное, особенно если это было сочи-
неніе Златоуста, который преимущественно внушалъ ему чув-
ство расположенія и любви. Преусиѣвая въ изученіи Писанія,
Стефанъ уже въ отрочествѣ обнаруживалъ стремленіе сдѣлаться
ревностнымъ подражателемъ тѣхъ святыхъ мужей, о которыхъ
въ немъ говорилось.

Между тѣмъ произошелъ рядъ политическихъ переворотовъ, 294
и наступили тяжелыя времена для церкви. Артемій-Анастасій
былъ свергнутъ съ престола вслѣдствіе возмущенія во флотѣ,
отправленномъ противъ Агарянъ; на его мѣсто, противъ соб-
ственного желанія, былъ избранъ и провозглашенъ императо-
ромъ бывшій сборщикъ государственныхъ податей Θεодосій
изъ города Адрамитія, человѣкъ благочестивый и тихій; онъ
пытался было спастись отъ страшнаго ему трона бѣгствомъ въ
горы, но былъ отысканъ и посаженъ на престоль. Но и Θεодо-
сій Адрамитинъ царствовалъ не долго — отъ 25-го марта
716 года по августъ 717: не желая, чтобъ изъ-за него проли-
валась кровь христіанская, онъ добровольно уступилъ свое мѣсто
Льву Исавру, который явился ему соперникомъ, бывъ сна-
чала партизаномъ Анастасія; при посредствѣ патріарха Гер-
мана, Артемій-Анастасій успѣлъ, по крайней мѣрѣ, спасти свою
жизнь, постригшись въ монахи. Въ первые годы своего правле-
нія — говорится въ нашемъ Житіи, — Левъ Исавръ, изъ уваже-
нія къ патріарху Герману, скрывалъ, какъ волкъ подъ лисьею
шкурою, свои злыя намѣренія и выказывалъ притворное благо-
честіе; но послѣ онъ снялъ съ себя личину.

3.

Изъ начальной исторіи иконоборства Житіе Стефана Новаго передаетъ только наиболѣе главные факты, и притомъ не совсемъ въ точномъ видѣ. Въ десятый годъ своего правленія императоръ Левъ, этотъ новый Валтасаръ, заразился манихейскою ересью; собравъ подвластный ему народъ (*τὸν ὑπ' αὐτοῦ λαὸν ἐκκλησιάσας*), онъ зарычалъ передъ нимъ по львиному, и отъ своего гордаго сердца на подобіе горы Этны, извергающей огонь и сѣру, изрыгнувъ такую жалкую рѣчь: «Такъ какъ приготовленіе иконъ есть дѣло идольскаго искусства, то не слѣдуетъ имъ поклоняться». Такія слова произвели смятеніе въ православномъ народѣ, который ясно выразилъ свое неудовольствіе; замѣтивъ это, «тиранъ» тотчасъ замолчалъ и повернулъ рѣчь на другое. Между тѣмъ узнавъ о такой попыткѣ, направленной противъ церкви, патріархъ Германъ и не замедлилъ обличеніемъ, при чемъ съ своей стороны заявилъ, что онъ самъ готовъ умереть за иконы и никогда не согласится на ихъ отмѣну. Нисколько не убѣдившись доводами патріарха, но раздраженный его сопротивленіемъ, «беззаконный» царь послалъ въ патріаршій домъ «вооруженныхъ мечами сатраповъ» (*ξιφῆρεις σατράπας*), которымъ приказано было выгнать оттуда святаго съ побоями и поруганіями. Патріархъ оставилъ свой престолъ и удалился въ монастырь, гдѣ сталъ вести жизнь простаго инокъ; весь городъ провожалъ его съ плачемъ и рыданіемъ¹⁾.

Въ эти бѣдственные дни, при помощи военнаго насилія (*στρατιωτικῶς*), занялъ архіепископскую кафедру нечестивый Анастасій, который все принадлежащее церкви предалъ во

1) Буквально въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ все это повторено въ такъ называемомъ синодальномъ посланіи восточныхъ церквей къ императору Теофилу, которое совершенно неосновательно приписывалось Іоанну Дамаскину (см. *Combesis, Rerum Constantinopolitan. manipulus*, Paris, 1664, p. 122; ср. *E. von Dobschütz, Christusbilder*, стр. 207** сл.). а далѣе рассказъ Житія во многомъ сродственъ съ текстомъ Амартола по нѣкоторымъ болѣе извѣстнымъ редакціямъ. Этого обстоятельства мы не имѣемъ возможности объяснить вполне удовлетворительно и довольствуемся замѣчаніемъ, что житіе Стефана Новаго несомнѣнно древнѣе и хроники Амартола, и посланія къ Теофилу.

дворецъ. При немъ тиранъ сталъ дѣйствовать въ пользу ереси уже вполне властно и тотчасъ замыслилъ снять и сжечь икону Христа, находившуюся надъ царскими воротами, въ томъ мѣстѣ, которое ради иконы называется *ἀγία Χαλκῆ* (святая мѣдная) или же, по другимъ, Халкопратіями, чтѣ и было исполнено. Но при совершеніи нечестиваго дѣйствія нѣкоторые благородныя женщины, подкрѣпленныя божественною ревностію, бросились къ подставленной лѣстницѣ и, оттащивъ ее, повергли на землю спавшаго, на котораго было возложено порученіе, а потомъ тутъ же на мѣстѣ разорвали его и предали смерти. Затѣмъ онѣ ворвались въ патріаршій домъ и бросали камнями въ нечестиваго Анастасія, такъ что тотъ долженъ былъ спастись бѣгствомъ. Онъ прибѣжалъ къ тирану и убѣдилъ его казнить мечемъ этихъ святыхъ женъ.

Главная ошибка такого повѣствованія заключается въ анахронизмѣ относительно патріарховъ Германа и Анастасія. Все, чтѣ рассказано нами вслѣдъ за авторомъ Житія, дѣйствительно совершилось въ десятый годъ царствованія Льва Исавра, но только ни патріархъ Германъ въ этомъ году не былъ низложенъ, ни Анастасій не занималъ его мѣста. Правда, нашъ главный источникъ для времени иконоборства, хронографъ Теофанъ, говоритъ, что императоръ Левъ началъ «вести рѣчь» объ удаленіи иконъ въ девятый годъ своего правленія, но Кедринъ и Зонара не слѣдуютъ ему, а также стоятъ за десятый годъ правленія Льва, то есть, за 726 по Р. Х. Вопросъ окончательно рѣшается совершенно несомнѣннымъ и документальнымъ свидѣтельствомъ, находящимся въ одномъ изъ двухъ посланій, которыя папа Григорій II писалъ къ императору по поводу преслѣдованія иконъ. Здѣсь папа говоритъ Льву Исавру: «Десять лѣтъ ты по милости Божіей ходилъ правымъ путемъ и не заводилъ рѣчи о святыхъ иконахъ, а теперь говоришь, что онѣ забираютъ мѣсто идоловъ»¹⁾.

Сверхъ того, къ этому же 726 году относится то необычное явленіе природы, которое, по свидѣтельству и Теофана, и

1) Mansi, S. Conciliorum nova et ampliss. coll., t. XII, p. 959; Migne, P. L., 89, 512. (Ср. К. Schenk въ Byz. Zeitschr. 5, 300 сл.).

патріарха Никифора, заставило императора прямо выступить съ его мыслию объ отмѣнѣ поклоненія иконамъ, до тѣхъ поръ питаемою втайнѣ. Между кикладскими островами Эирой и Эирасіей (къ сѣверо-востоку отъ Крита) внезапно поднялся надъ моремъ вулканъ, который извергалъ въ продолженіе нѣсколькихъ дней огонь и камни съ такою силою, что послѣдними усыпаны были берега Малой Азіи, острова Лесбоса, Македонія и Абидосъ. Затѣмъ образовался новый островъ, соединившійся съ островомъ Гіерой. Императоръ и его главный совѣтникъ Висирь будго бы увидѣли въ этомъ знакъ грознаго суда Божія за почитаніе иконъ и поспѣшили приступить къ своему дѣлу.

Разрушеніе иконы Халкопратійской дѣйствительно было одною изъ первыхъ мѣръ Льва Исавра и должно быть относимо къ тому же 726 году. Вообще нужно замѣтить, что общепринятое представленіе этихъ мѣръ, по которому дѣло началось не съ уничтоженія иконъ, а только съ того, что ихъ повѣсили выше и устранили такимъ образомъ возможность прикладываться къ нимъ или цѣловать, — совершенно невѣрно. Большинство иконъ въ византійскихъ церквахъ были изображенія живописныя или мозаичныя, то есть, не могли быть отдѣлены отъ церковныхъ стѣнъ, часть которыхъ онѣ составляли, и притомъ онѣ и безъ того часто находились на значительной высотѣ. Ошибочное представленіе основано также на Житіи Стефана Новаго, но только не на первоначальной и подлинной его редакціи, а на латинскомъ переводѣ, сдѣланномъ, повидимому, съ позднѣйшей передѣлки Симеона Метафраста. Тамъ сказано, что императоръ, желая успокоить народъ, взволнованный его первымъ заявленіемъ, прибавилъ, что «онъ не хочетъ уничтожать иконъ, но только повѣситъ ихъ выше, чтобы къ нимъ нельзя было болѣе прикасаться устами». Ничего подобнаго нѣтъ въ подлинномъ текстѣ. Что касается происшествія, ознаменовавшаго уничтоженіе иконы на «мѣдныхъ воротахъ», то оно рассказано также у Теофана и 297 еще съ большею отчетливостію въ первомъ упомянутомъ выше посланіи папы Григорія. Онъ пишетъ: «Свидѣтель Богъ, что твои письма (которые были писаны ранѣ возстанія противъ церкви) мы всегда предлагали вниманію и сердцу королей запада, рекомендуя имъ миръ съ тобою и осыпая тебя похвалами,

сообразно съ твоимъ прежнимъ поведеніемъ. Отъ того они принимали твои *laurata* (изображенія), воздавая честь, приличную въ сношеніяхъ между царями (*reges*). Это было до тѣхъ поръ, пока они не услышали о твоёмъ начинаніи и попыткѣ, которыми ты заявилъ свое возстаніе противъ иконъ (*cum pondum incoeptum hoc sonatumque tuum, quo adversus imagines insurrexisti, audivissent*). Когда жъ они узнали и до нихъ дошли слухи, что ты посылаешь Іовина, спаарокандидата въ Халкопратіи, для сокрушенія и уничтоженія (*ad evertendum et confringendum*) Спасителя, прозываемаго Антифонитомъ, — тогда они бросили на землю и потоптали ногами твои изображенія». Въ описаніи самой сцены, дѣятелями которой были извѣстныя благородныя женщины (жены спаарокандидатовъ, по словамъ Григорія II), сообщается между прочимъ та подробность, что Іовинъ ужъ успѣлъ три раза ударить сѣкирою по лицу иконы¹⁾. Итакъ, и здѣсь при исполненіи мѣры, которая была началомъ иконоборчества Льва Исавра и, слѣдовательно, должна относиться къ десятому году его царствованія, какъ она въ самомъ дѣлѣ и относится Теофаномъ, дѣло шло не о поднятіи вверхъ иконы, которую и безъ того можно было достать только при помощи лѣстницы, а о совершенномъ ея уничтоженіи.

Преслѣдованіе иконъ началось и первое время совершалось помимо патріарха, который былъ защитникомъ иконъ. По всей вѣроятности, первоначальныя мѣры не имѣли общаго характера. Примѣръ, поданный въ Константинополь, относился собственно къ одному изъ общественныхъ зданій, а не къ храму; его подражателями были только тѣ епископы, которые уже ранѣе питали убѣжденія, враждебныя иконопочитанію, и по всей вѣроятности, внушили свои воззрѣнія императору. Таковы были упомянутый въ посланіи папы Григорія Теодосій Ефесскій, сынъ бывшаго императора Апсимара, Константинъ, епископъ города Наколіи (во Фригіи), и Тома Клавдіопольскій (въ Пафлагоніи или же въ Исавріи, такъ какъ въ обѣихъ есть города съ именемъ Клавдіополя), извѣстные по письмамъ патріарха Германа, помѣщеннымъ въ актахъ седьмаго вселенскаго собора. Въ епархіяхъ такихъ епископовъ церкви съ самаго начала были очищаемы

1) Mansi, XII, 969; Migne, P. L., 89, 518 sq.)

298 отъ образовъ; въ другихъ епархіяхъ, во главѣ которыхъ стояли единомышленники патріарха Германа, все оставалось по старому, по крайней мѣрѣ внутри храмовъ. Чтобы приступить къ рѣшительнымъ и общимъ мѣрамъ, необходимо было порѣшить предварительно вопросъ о патріархѣ, то есть, или склонить его къ отмѣнѣ иконопочитанія, или же низвергнуть. Теофанъ рассказываетъ подъ тринадцатымъ годомъ Льва (729 г.), что царь пригласилъ къ себѣ патріарха и повелъ съ нимъ рѣчь сначала въ дружелюбномъ тонѣ. Германъ замѣтилъ ему: «Изъ одного предсказанія мы знаемъ, что дѣйствительно будетъ когда-то уничтоженіе иконъ, но только не въ твое царствованіе». Императоръ пожелалъ узнать имя царя, при которомъ предсказаніе должно было исполниться. Отвѣтъ Германа былъ «при Кононѣ». «Но», объявилъ царь, — «мое имя, данное мнѣ при крещеніи, въ самомъ дѣлѣ есть Кононъ». Удивленный патріархъ съ горестію произнесъ: «Да не будетъ, государь, чтобы это зло совершилось въ твое царствованіе; потому что имѣющій исполнить предсказаніе есть предтеча Антихриста и разрушитель божественнаго домостроительства». Послѣ этой бесѣды императоръ Левъ еще болѣе прежняго сталъ питать враждебныя намѣренія противъ патріарха Германа и всячески искалъ предлога обвинить его въ измѣнѣ или оскорбленіи величества. Онъ нашелъ себѣ помощника въ лицѣ патріаршаго синкелла Анастасія, который по честолюбію стремился къ достиженію патріаршескаго престола. Но происки оказались излишними. Когда императоръ, во вторникъ седьмого января XIII индикта (730 г.), созвалъ силенцій противъ святыхъ иконъ въ трибуналѣ девятнадцати возлежащихъ (зданіе, знаменитое своею красотою, названное такъ потому, что здѣсь императоръ обѣдалъ въ день Рождества по *sedendo, sed recumbendo*), то пригласилъ сюда и патріарха Германа, все еще надѣясь склонить его къ подписанію эдикта противъ иконъ. Но святой мужъ вмѣсто того снялъ съ себя омофоръ и сказалъ: «Если я Иона, то бросьте меня въ море; безъ вселенскаго собора я не могу, царь, вводить что-либо новое въ дѣлѣ вѣры». Вслѣдъ затѣмъ онъ удалился въ свой наслѣдственный домъ, гдѣ и уединился; а 22-го числа того же января рукоположенъ былъ въ патріарха нечестивый Анастасій.

Итакъ, удаленіе патріарха Германа и восшествіе на его мѣсто Анастасія относится къ 730 году, и никонимъ образомъ Анастасій не могъ быть патріархомъ во время Халкопратійской исторіи. Единственная неточность въ хронологіи Теофана заключается только въ томъ, что число мѣсяца, назначенное для силенція, не совпадаетъ съ отмѣченнымъ также днемъ недѣли, 299 но это не болѣе какъ очень обыкновенная неисправность текста или ошибка писца, легко объяснимая¹⁾.

Уже первый періодъ иконоборства вызвалъ въ народѣ и особенно среди столичнаго населенія глубокое волненіе, выразившееся въ томъ, что многіе покидали родину, искали убѣжища въ дальнихъ странахъ на окраинахъ имперіи и въ уединенныхъ горныхъ обителяхъ — движеніе, которое послѣ въ широкихъ размѣрахъ направилось въ Южную Италію и въ Тавриду. Родители Стефана принадлежали къ числу лицъ, которыя не хотѣли примириться съ ересью и ради собственнаго спасенія предпочитали бѣжать отъ соблазна. Ихъ останавливалъ, однако, вопросъ о судьбѣ сына, котораго, согласно съ даннымъ объ томъ, слѣдовало посвятить Богу (τὴν ἐγγύην πλῆρωσαι), то есть, постричь въ монашество. Полагая, что неудобно и опасно было бѣ отдать его въ какой-либо изъ столичныхъ монастырей, они рѣшились на разлуку съ нимъ и проводили его на другую сторону моря. Переплывъ проливъ, благочестивая чета, сопровождаемая обреченнымъ Богу юношею, прибыла въ пристань Халкидонскую и направилась по пути, ведущему къ знаменитой тогда «горѣ Святаго Авксентія». Это былъ одинъ изъ болѣе высокихъ холмовъ, возвышавшихся на сѣверной сторонѣ Никомидійскаго залива, находившійся въ Виеини, въ десяти миляхъ отъ Халкидона, носившій первоначально названіе Остраго (Ὀξεία)²⁾.

Въ описываемое діакономъ Стефаномъ время вся горная цѣпь, опоясывающая Никомидійскій заливъ, уже была усѣяна

1) Седьмое января 730-го года было въ субботу, а не во вторникъ. Поправка должна состоять или въ томъ, что вмѣсто 7-го числа нужно читать 17-е, или же вмѣсто ἡμέρα γ' (вторникъ) предположить ἡμέρα ζ' (суббота).

2) См. примѣчанія Дюканжа къ исторіи Зонары, въ изданіи Диндорфа, Zonar., t. VI, p. 123.

множествомъ монастырскихъ обителей¹⁾. На холмѣ или горѣ Острой, въ уединенной пещерѣ на ея вершинѣ, еще при императорахъ Маркіанѣ и Львѣ (около половины V вѣка) подвизался святой Авксентій, а затѣмъ преемственный рядъ отшельниковъ, оставившихъ свои имена въ церковной памяти: Сергій, Венди-
 300 Григорій и Анна привели своего сына, прося сподобить его «ангельскаго чина», такъ какъ онъ еще до рожденія обреченъ былъ на жизнь монашескую. Постриженіе совершилось предъ входомъ въ святую пещеру, ибо внутрь ея никому не было доступа. Совершивъ обычный канонъ, Іоаннъ потребовалъ изъ рукъ Стефана принесенныя имъ ножницы и посвятилъ его въ чинъ иноческій. Юношѣ шелъ тогда только шестнадцатый годъ возраста: слѣдовательно, событіе относится къ 730 году.

Затѣмъ описываются съ большою подробностію монашескіе подвиги Стефана. Онъ до такой степени извурялъ себя постомъ, что старецъ, сдѣлавшійся его руководителемъ, принужденъ былъ умѣрять его ревность, ссылаясь на суровый холодъ и рѣзкіе вѣтры, господствовавшіе на горѣ, и на большіе труды, которые ему приходилось переносить при такой обстановкѣ²⁾. И въ жаръ, и въ холодъ Стефанъ долженъ былъ совершать трудные переходы по горнымъ тропинкамъ, чтобы доставлять все нужное для несложныхъ потребностей своихъ собственныхъ и своего учителя. Путешествіе изо дня въ день совершалось въ одномъ направленіи. На южной сторонѣ горы, тамъ гдѣ она опускалась болѣе ровною покатостію, находился женскій монастырь, основанный еще св. Авксентіемъ и ради суроваго характера мѣстности или же суровой жизни его обитательницъ прозванный монастыремъ Трихинарей (Τριχιναρίας): этотъ монастырь снабжалъ жизненными пригасами отшельниковъ верхней пещеры. Случалось иногда, что къ прозорливому Іоанну прихо-

1) Patr. gr. 100, 1092 D: Πολλὰ γὰρ ἦν τότε ἐν αὐτοῖς τοῖς ὄρεσι μοναστήρια.. Въ Житіи нѣсколько ниже говорится, что эти монастыри были потомъ разрушены и сравнены съ землею Константиномъ Копронимомъ, что при томъ объясняется не одною его ненавистью къ монахамъ, но и его страстью къ охотѣ звѣриной.

2) Patr. gr. 100, 1092 A: διὰ τὴν τοῦ ὄρους πάνυ χριμύδη στιφότητα καὶ τῶν ἀνέμων τὴν σφοδρὰν ζέφυρσιν.

дили монахи изъ обителей, разсѣянныхъ въ горахъ по сосѣдству, а Стефанъ между тѣмъ находился въ отсутствіи. Тогда его замѣнялъ другой вѣрный прислужникъ, безсловесный, но почти разумный. Святой Іоаннъ звалъ «по имени» своего пса, привязывалъ къ его шеѣ небольшую записку (πιττάκιον), въ которой обозначалъ то, въ чемъ нуждался для пріема посѣтителей, и наказывалъ собакѣ такъ, чтобы гости слышали: «Ступай внизъ къ игуменьѣ, отнеси эту грамотку и не медля возвращайся назадъ». Собака убѣгала, являлась при келіи игуменьи и начинала лаять: тамъ уже знали, что это значитъ, и просьба исполнялась. Сообщая такую подробность, нашъ жизнеописатель, понятно, находитъ здѣсь нѣчто сверхъестественное и чудесное.

Между тѣмъ къ отшельникамъ приходили страшныя и грозныя вѣсти изъ столицы, зараженной иконоборствомъ. Однажды 301 Стефанъ засталъ своего учителя погруженнымъ въ глубокую скорбь: онъ положилъ голову на дверцы (θύρίδιον) пещеры и горько плакалъ. На вопросъ о причинѣ печали, Іоаннъ предсказалъ, что это святое мѣсто, имѣющее возрасти и прославиться при Стефанѣ, будетъ при немъ же разорено иконоборцами.

Вскорѣ послѣ того Стефанъ получилъ вѣсть о смерти своего отца, все-таки оставшагося въ столицѣ. Онъ отправился въ Константинополь, засталъ еще послѣднія минуты своего родителя, а послѣ его кончины продалъ все имущество своей семьи. Самая семья прекратила затѣмъ свое мірское существованіе, исчезла для жизни общественной, то есть, какъ это весьма часто случалось даже при болѣе многочисленномъ составѣ членовъ, ушла въ монастырь¹⁾. Мать Стефана Анна, а также одна изъ его сестеръ послѣдовали за сыномъ и братомъ и поступили въ монастырь Трихинареи; другая сестра еще ранѣе постриглась въ какой-то столичной обители. Сынъ, посвященный уже въ схиму, сдѣлался духовнымъ отцомъ своей матери и сестры.

Пришло и время кончины подвижника Іоанна, предусмотрѣнное и предсказанное имъ самимъ. Когда онъ произнесъ свое послѣднее наставленіе вѣрному ученику, гласившее о близкой

1) Нужно припомнить исторію Теодора Студита и Платона.

опасности и внушавшее бодрость въ неизбѣжной борьбѣ, Стефанъ ударилъ въ било (τὸ χροῦμα δέδωκε), и на его глухой погребальный звукъ со всѣхъ сосѣднихъ горъ и холмовъ, изъ долинъ и лѣсовъ, сталъ собираться «хоръ» подвижниковъ, чтобъ отдать послѣднее цѣлованіе собрату и затѣмъ предать его погребенію.

Оставшись одинокимъ, Стефанъ показалъ себя достойнымъ наслѣдникомъ великихъ добродѣтелей своего наставника и прежде обитавшихъ въ пещерѣ преподобныхъ отцовъ. На тридцать-первомъ году своей жизни (слѣдовательно, около 745 года) онъ также заключился въ тѣсномъ обиталищѣ подземной пещеры, какъ бы пчела въ ульѣ (οἶονεὶ σίμβλον τινί). Онъ доставалъ себѣ пропитаніе трудами собственныхъ рукъ, занимаясь плетеніемъ рыболовныхъ сѣтей и перепискою книгъ, такъ какъ онъ былъ искусенъ въ искусствѣ каллиграфіи.

Городъ, стоящій на верху горы, не можетъ остаться скрытымъ. Подвижническая жизнь Стефана сдѣлалась извѣстною на далекомъ пространствѣ, и со всѣхъ сторонъ стали приходиться къ 302 нему любители иноческаго житія. Стефанъ не могъ отказывать ихъ просьбамъ о поступленіи подъ его руководство и, хотя неохотно, принималъ приходящихъ въ сожительство. Скоро число братій достигло двѣнадцати человѣкъ; писатель Житія знаетъ по именамъ половину ихъ (Маринъ, Іоаннъ, Захарія, Сергій и т. д.). Гора населилась и получила видъ и устройство киновіи (общежитія); устроено было все нужное для божественной службы, усыпальница (κοιμητήριον) и другія потребныя зданія.

Нѣкоторое время Стефанъ оставался во главѣ образовавшагося монастыря и наставлялъ братію въ терпѣніи и смиреніи; когда же число монашествующихъ достигло двадцати, то онъ поставилъ экономомъ и вмѣстѣ своимъ намѣстникомъ Марина; а самъ, сохраняя любовь къ уединенію и подвижничеству, удалился въ мѣсто еще болѣе суровое. Вершина горы св. Авксентія кончалась громадною скалою, за которою, на южной сторонѣ, образовалась какъ бы нѣкоторая впадина; здѣсь-то и былъ расположенъ монастырь и прежняя пещера прозорливаго Іоанна, прикрываемая и защищаемая скалою отъ холодныхъ зимнихъ

вѣтровъ сѣвернаго и западнаго¹⁾. Теперь Стефанъ взобрался на эту самую скалу, которая прикрывала пещеру и монастырь, и на верху ея построилъ себѣ келію, до такой степени узкую и тѣсную, что все ея пространство имѣло 1½ локтя въ ширину и 2 въ длину; неподалеку отъ нея, на восточной сторонѣ, онъ устроилъ маленькое мѣсто, какъ бы раковину (*κογχάριον*) для молитвы, въ которомъ едва могъ установиться одинъ согбенный человекъ. Пещера же, назначенная для житія, не имѣла сверху крова, и не рукотворенною крышею здѣсь служило само небо. Кто видѣлъ это обиталище, тотъ говорилъ, что это скорѣе гробница, чѣмъ какое-либо возможное жилище. Видно, что еретики даже ставили въ упрекъ святому такую необычайную внѣшнюю обстановку его подвижнической жизни; по крайней мѣрѣ биографъ защищаетъ его противъ идущихъ съ этой стороны обвиненій въ излишней гордости, стремящейся превзойти прежнихъ святыхъ. Въ оправданіе приводится то обстоятельство, что, по преданію, и св. Авксентій здѣсь же, на этой вершинѣ скалы, имѣлъ свою особую подвижническую пещеру (*τὸν κλουβὸν τῆς αὐτοῦ ἀσκήσεως*).

Удаленіе Стефана изъ монастыря относится къ 42 году его жизни (слѣдовательно, къ 756 по Р. Х.). Тайно отъ учениковъ, не знавшихъ о назначеніи приготовлявшейся пещеры, въ сопровожденіи одного Марина, отправился онъ на высоту скалы. Когда ученики пришли утромъ къ прежнему его обиталищу и, сотворивъ обычное преклоненіе (*μετάνοιαν*), ожидали благословенія, они поражены были безотвѣтною тишиною пещеры. Удивленіе ихъ еще болѣе увеличилось, когда они и внутри ея не нашли своего учителя: они прикладывали руки къ своимъ устамъ и указывали впередъ пальцами (восточные жесты изумленія). Со слезами, сопровождаемыми біеніями въ грудь, они отправились къ склону холма (*ἐπὶ τὸ πρανὲς τοῦ βουνοῦ*). Здѣсь услышалъ ихъ святой Стефанъ и постарался ихъ успокоить. Ученики просили позволенія покрыть, по крайней мѣрѣ, крышею новую пещеру учителя, но получили въ отвѣтъ, что для него достаточно крова облаковъ небесныхъ. На новомъ мѣстѣ продолжа-

1) Patr. gr. 100, 1101 A: τοῦ τε βορρᾶ καὶ λιβός.

лись прежніе подвиги съ новою ревностію. И въ лѣтній зной, и въ зимній холодъ Стефанъ носилъ одну и ту же одежду, которая состояла изъ кожанаго хитона, монашескаго клобука (τὸ ἄγιον κουκούλλιον), украшенной крестами опояски (τὸν σταυροφόρον ἀνάλαβον = succinctorium, vesticula rebrachiatoria) и наплечья (τὴν ἐπωμίδα), отличавшаго схимниковъ: это была верхняя одежда; а нижнею служили двойныя желѣзныя вериги, въ которыхъ крестообразно было заключено его тѣло¹). Спалъ онъ всегда на одной и той же тростниковой цыновкѣ (ψαβίον).

Такая суровая жизнь прославила Стефана не только среди монашества, укрывавшагося въ горахъ и пещерахъ отъ иконоборческаго гоненія, но сдѣлала его извѣстнымъ въ самой столицѣ; вѣрные иконопочитанію люди предпринимали нарочно путешествіе на гору св. Авксентія, чтобъ увидѣть подвижника и получить отъ него духовное утѣшеніе и назиданіе. Среди многочисленныхъ посѣтителей и посѣтительницъ заслуживаетъ особеннаго вниманія одна богатая вдова, не названная своимъ мірскимъ именемъ, но принадлежавшая къ знатной фамиліи. Пришедши пѣшкомъ къ святому, она со слезами жаловалась на свое вдовство и бездѣтность и объявила о своемъ намѣреніи посвятить себя монашеской жизни. Стефанъ не только похвалилъ ея намѣреніе, но и поощрялъ ее исполнить обѣтъ (τὴν ἐγγύην) не-
304 медленно. Слѣдуя наставленію, богатая вдова тотчасъ же воротилась въ Халкидонскую пристань и отсюда на родину; она продала свои помѣстья и движимое имущество въ Константинополѣ, оставила родителей, друзей, знакомыхъ и сосѣдей и снова воротилась на Вифинскія горы²). Заставивъ ее собственными руками раздать принесенныя деньги въ сосѣднихъ селахъ, Стефанъ постригъ ее въ монахини, назвавъ Анной, и отправилъ въ женскій монастырь, находившійся внизу Авксентіева холма. Это рѣзкое

1) Ibid. 1104 C: πρὸς δὲ τὴν ἔνδυσιν εἶχεν διὰ σιδήρων τὸ σῶμα σταυροειδῶς ἐγκεκλισμένον, ἀπὸ τε ὤμων ἕως τῆς ὀσφύος ἐγκυκλικῶ ζωστῆρι ἐτέρω σιδήρω κεκαθηλωμένῳ ἐξ ἀμφοῖν τῶν ἐτέρων μερῶν, καὶ ὑπὸ τῶν μαχαλῶν ἐτέραν περικαλύπτεσθαι περιζωστρίδα σιδηρᾶν, ἐν ἣ τὰ μέσα τῶν κατιόντων ἐκ τῶν ὤμων καθήλωτο σιδήρων.

2) О второмъ путешествіи Анны говорится въ Житіи (1105 B), что она переправилась изъ города Пропонтиды (τῆς Προποντιδος διαπεράσασα τοῦ ἄστεος): города съ такимъ названіемъ мы не знаемъ.

нарушеніе императорскихъ эдиктовъ, запрещавшихъ посвящать кого бы то ни было въ монашество, послужило поводомъ къ преслѣдованію, а затѣмъ и мученію Стефана. Приступая къ главной части своей задачи, авторъ Житія останавливается и снова говоритъ о недостаткѣ своихъ силъ для изображенія великихъ дѣлъ: только повинуюсь внушенію другихъ, онъ не отказывается отъ непосильнаго предпріятія¹⁾. Онъ сравниваетъ бѣдствія, перенесенныя древнимъ Израилемъ, съ страданіями христіанской церкви отъ еретиковъ: въ числѣ ихъ на послѣднемъ мѣстѣ стоитъ нечестивый Магометъ, а передъ нимъ папа Гонорій. Они были непосредственными предшественниками злочестиваго соименнаго звѣрю гонителя Льва и сына его, еще злѣйшаго врага Христова, Константина Копронима.

4.

Нашъ авторъ, не находя достаточно словъ, чтобы заклеить коварство и жестокость Льва Исавра, не сообщаетъ, однако, никакихъ фактовъ, которые давали бы основаніе сравнивать иконоборческое гоненіе съ прежними кровавыми преслѣдованіями христіанъ при язычникахъ. Кромѣ халкопратійскихъ мученицъ, исторія не знаетъ другихъ жертвъ, павшихъ собственно за почитаніе иконъ, а діаконъ Стефанъ даетъ право предполагать, что въ первый періодъ иконоборства, при Левѣ Исаврѣ, главные приверженцы иконъ, то есть, монахи, если и бѣжали изъ своего отечества и родины, то не ради спасенія своей жизни, а изъ ревности по благочестію, изъ желанія уйти отъ соблазна и не видѣть оскверненія святыни, лишаемой главнаго своего украшенія, ради возможности молиться въ благочестивыхъ храмахъ предъ святыми иконами. Что касается кратковременнаго правленія Артавазда, женатаго на дочери Льва, принцессѣ Аннѣ (отъ 18-го іюня 741 года по 2-е ноября 705 743 г.), то нашъ руководитель совершенно опускаетъ его и прямо переходитъ къ царствованію Константина Копронима.

1) 1108 АВ: ...ἄτε πτωχεύων λόγου καὶ πράξεως. Πέφυκε γὰρ πως κινδυνεύειν ἐν τοῖς λόγοις τῶν πραγμάτων ἢ δοξα и т. д.

Какъ и во многихъ другихъ житіяхъ, здѣсь говорится, что Константинъ Копронимъ главнымъ образомъ стремился къ уничтоженію монашества и съ неукротимымъ ожесточеніемъ преслѣдовалъ монаховъ, которыхъ онъ называлъ «неизрекаемыми» (*ἀμνημόνευτοι*, собственно: такіе, о которыхъ не должно вспоминать, *nefandi, memoratu indigni*), идолопоклонниками и мраколюбцами, какъ это обнаруживала уже ихъ темная одежда (*σχοτίας δὲ τοῦτο τὸ σχῆμα καλέσας*). Собравъ весь свой народъ (*ἅπαντα τὸν ὑπ' αὐτὸν λαόν*) — рѣчь идетъ объ одномъ изъ силенціевъ выше упомянутыхъ — онъ потребовалъ отъ всѣхъ клятвы, что никто не будетъ поклоняться иконамъ, не будетъ имѣть общенія ни съ однимъ монахомъ, никогда не обратится къ нему съ привѣтствіемъ «здравствуй» (*χαῖρε*), а, напротивъ, что иконы будутъ признаваемы за идоловъ, и «мракооблаченные» вездѣ будутъ встрѣчаемы позоромъ — бранью и камнями. Требуемая присяга, по словамъ діакона Стефана, была принесена всѣми присутствующими, и притомъ надъ животворящимъ тѣломъ и кровію Христовыми, надъ честнымъ крестомъ Христовымъ и надъ святымъ Евангеліемъ. Хотя не съ такимъ подробнымъ перечисленіемъ пунктовъ и не въ той связи, но «о всеобщей присягѣ» (*καθολικός ὄρκος*) упоминаютъ также и оба историческія сочиненія о времени иконоборцевъ. Теофанъ и патріархъ Никифоръ представляютъ дѣло такъ, что присяга была направлена только противъ почитанія иконъ и по времени относилась съ самому году мученической смерти Стефана Новаго (*Theophan., ann. 6257 = 765; Nicephor., Brev. p. 73 de Boor.*). Впрочемъ о всяческомъ позорѣ, которому гонитель старался подвергнуть монашествующихъ, съ достаточною полнотою рассказывается у тѣхъ же самыхъ писателей вообще въ исторіи царствованія Константина Копронима. Подобное же замѣчаніе слѣдуетъ сдѣлать о дальнѣйшемъ мѣстѣ Житія, гдѣ говорится о возведеніи на патріаршескій престолъ Константина Силейскаго. Патріархъ не былъ избранъ надлежащимъ образомъ, но возведенъ въ этотъ санъ своевольною властію царя. Самый обрядъ посвященія состоялъ въ томъ, что царь вмѣстѣ съ своимъ избранникомъ вошли на церковный амвонъ, и здѣсь нечестивый Константинъ (епископъ), не достойный буквы π, а

скорѣе достойный буквы φ, не патріархъ, а фатріархъ, принялъ изъ рукъ императора патріаршій омофоръ. Самъ тиранъ провозгласилъ при этомъ ἄξιος. Хронографъ Θεοφανъ представляетъ способъ избранія почти совершенно сходно, но только болѣе точнымъ образомъ указываетъ время, когда оно совершилось, именно — не до-иконоборческаго собора 754 года, а во время онаго (то же самое и у Никифора).

Императоръ и патріархъ сообща разослали по всѣмъ епархіямъ грамоты къ «архисатрапамъ» (такъ называются въ Житіи областные воеводы) и епископамъ, приглашавшія на синодъ противъ святыхъ и честныхъ иконъ. Во всѣхъ областяхъ эти грамоты были встрѣчаемы плачемъ людей благочестивыхъ. Ранѣе, чѣмъ соборъ состоялся, гоненіе на иконы и противъ поборниковъ иконопочитанія возгорѣлось съ усиленною яростію. Священные предметы и сосуды (τὰ ἱερά) были попираемы ногами или же были передѣлываемы для иного, свѣтскаго, употребленія; изображенія Христа, Богородицы и святыхъ предавались сожженію или же были разбиваемы либо замазываются (ἀνάχριστος); въ иныхъ мѣстахъ даже церкви «были раскапываются и потомъ посылаемы пепломъ», когда невозможно было инымъ образомъ уничтожить иконы, въ нихъ находившіяся. Иконоборцы благосклонно относились только къ тѣмъ храмамъ, въ которыхъ вмѣсто иконъ украшеніемъ служили разнообразныя изображенія — деревьевъ, птицъ, безсловесныхъ животныхъ, либо — что встрѣчалось гораздо чаще, — «сатанинскихъ» конныхъ ристаній псовой охоты, сценъ ипподрома и театра. Неяснымъ остается только то обстоятельство, были ли эти изображенія остаткомъ древнѣйшаго христіанскаго искусства, не чуждавшася, какъ извѣстно, подобныхъ сюжетовъ, или же они появились вновь со времени Льва Исавра. Во всякомъ случаѣ, тамъ гдѣ попадались такого рода картины, онѣ не только были сохраняемы, но даже раскрашиваемы вновь болѣе яркими красками. А нѣсколько ниже <1120 С> мы узнаемъ, что во Влахернскомъ храмѣ, котораго также не пощадила святотатственная рука иконоборцевъ, новыя картины появились на мѣсто старыхъ. На стѣнахъ этой наиболѣе уважаемой церкви была нѣкогда представлена вся земная жизнь Христа, начиная отъ воплощенія и кончая Возне-

сеніемъ и Сочествіемъ Святаго Духа: всего этого благолѣпія теперь она была лишена и превратилась, по выраженію нашего автора, въ птичникъ и овощную лавку (*ὄπωροφυλάκιον καὶ ὄρνεο-σχοπεῖον*). На ея стѣнахъ были теперь изображены всякаго рода деревья и пернатые, даже дикіе звѣри, окруженные листьями плюща, журавлями, воронами и павлинами. Изъ словъ, съ которыми діаконъ Стефанъ обращается къ своимъ современникамъ, слѣдуетъ заключать, что всѣ эти арабески и фигуры сохраня-
307 лись во Влахернскомъ храмѣ и послѣ Константина и Ирины, когда онъ писалъ свое Житіе.

Среди всеобщаго волненія пришли также въ движеніе горы и пустыни, въ которыхъ разсыяны были кельи пустынниковъ и монашескія обители. Стефанъ Новый, какъ послѣ Феодоръ Студитъ, былъ, очевидно, общимъ руководителемъ монашеской оппозиціи противъ церковныхъ преобразованій Константина Копронима. «Со всѣхъ сторонъ Европы», говоритъ авторъ нашего Житія, — «изъ Византіи, изъ провинцій Финіи и Вионіи, изъ окрестностей Прусіады (Бруссы) стеклись къ нему обитатели пещеръ и жители горъ, требуя отъ него утѣшенія и наставленій». Длинная, очевидно, сочиненная послѣ, рѣчь подвижника изображаетъ въ рѣзкихъ чертахъ бѣдствія церкви и поруганія, которымъ подвергались послѣдователи иконопочитанія: «О насъ толкуютъ сидящіе у воротъ и поютъ въ пѣсняхъ пьющіе вино (Псал. 68, 13); на пирахъ и въ гостинницахъ о насъ говорятъ со злобой и насмѣшками; мы сдѣлались предметомъ смѣха у всего народа». Такія и подобныя выраженія, хотя и заимствованныя изъ разныхъ мѣстъ Священнаго Писанія, свидѣлствуютъ, однако, о томъ, что общее настроеніе умовъ не было въ это время на сторонѣ иконопочитателей. Въ утѣшеніе плачущимъ братьямъ, Стефанъ подалъ слѣдующій замѣчательный совѣтъ: «Есть три области, которыя не приняли участія въ этой нечестивой ереси: тамъ вы должны искать себѣ убѣжища. Ибо не осталось никакого другого мѣста, которое не находилось бы подъ властію дракона и не повиновалось его суетловію». Когда же присутствующіе монахи спросили: «Гдѣ именно находятся эти области?» — то святой отвѣтилъ, что это суть, во-первыхъ, сѣверные склоны береговъ Евксинскаго Понта (*τὰ πρὸς τὸ ἄναυ-*

τες τοῦ Εὐξείνου πόντου), бережнія его области, лежація по направленію къ Зикхійской епархіи, и пространства отъ Воспора (Керчи), Херсона, Никопсиса по направленію къ Готіи низменной (καὶ τὰ πρὸς τὴν Γότθιον—al. Γοττίαν—Κοίλην ἀπαντῶντα), во-вторыхъ, области, лежація по Паренійскому морю (то есть, Средиземному), тамъ гдѣ простирается Южный заливъ (то есть, Адриатическое море), именно: метрополія Никопольская — насупротивъ стараго Рима, Неаполь и отсюда пространство до рѣки Тибра (до границъ Римской области включительно), въ-третьихъ, нижнія части Ликійской провинціи, отъ Силея и Сики; далѣе на самомъ морѣ (τὰ κατ' αὐτὴν τὴν Προποντίδα πλεόμενα) ¹⁾ — островъ Кипръ и противоположный берегъ до Три- 308
полиса, Тира и Яффы. Стефанъ также указывалъ на то, что всѣ патріархи, исключая Константинопольскаго, не только не приняли ереси, но и предали анаѳемѣ догматы иконоборцевъ, обличали въ своихъ посланіяхъ нечестіе императора, называя его апостатомъ и ересіархомъ, точно также какъ сдѣлалъ это и мудрый Іоаннъ изъ Дамаска, котораго тиранъ (Левъ Исавръ) прозвалъ Мансуромъ, и который не переставалъ писать ему свои обличенія, обзывая его «пустымъ болтуномъ» (ἐρησυχελῆ) и Мамеомъ (sic).

Выслушавъ рѣчь, монахи рѣшились послѣдовать совѣту и, давъ святому прощальное цѣлованіе, разошлись, чтобы затѣмъ удалиться въ мѣста безопасныя отъ соблазна и гоненія. «Византія осиротѣла, какъ будто все монашество было уведено въ плѣнъ. Одни отплыли по Евксинскому Понту, иные на островъ Кипръ, а другіе въ старыи Римъ».

Громадное выселеніе византійскаго монашества въ періодъ иконоборства есть несомнѣнный историческій фактъ, огромное значеніе котораго въ судьбахъ Италіи, одной изъ странъ, куда направлялась эмиграція, можно считать извѣстнымъ, хотя и недостаточно разъясненнымъ. Оно содѣйствовало сохраненію греческаго языка и культуры въ южной Италіи во все продолженіе среднихъ вѣковъ, оно поддержало господство греческой народно-

1) <Patr. gr. 100, 1117 D.> Здѣсь слово Пропонтида употреблено въ общемъ значеніи предморья, а не въ смыслѣ Мраморнаго моря.

сти и православной церкви въ Апуліи и Калабріи до утвержде-
 нія здѣсь Норманновъ; а, можетъ быть, оно было одною изъ
 главныхъ причинъ превращенія этихъ областей въ чисто-грече-
 скія страны, если мы откажемся вѣрить въ непрерывность су-
 ществованія древнихъ элементовъ эллинскаго населенія въ преж-
 ней Великой Греціи, несмотря на латинизацію во времена рим-
 скаго господства и особенно имперіи. При этомъ, конечно, нужно
 будетъ помнить, что монашеская эмиграція сопровождалась также
 переселеніями другого рода, то есть, мірскихъ и семейныхъ лю-
 дей, дорожившихъ своими религіозными убѣжденіями, и опира-
 лась на присутствіе въ странѣ греко-византійскаго правитель-
 ства (со времени Юстиніана), представляемаго многочисленнымъ
 чиновничествомъ и т. д. Мѣстные археологи насчитываютъ
 двѣсти греческихъ монастырей, основанныхъ въ періодъ вре-
 мени отъ начала иконоборства до X вѣка въ одной Калабріи;
 309 есть списокъ, составленный на основаніи средневѣковыхъ хро-
 никъ, въ которомъ поименовано девяносто-пять древнихъ обите-
 лей въ этой же самой провинціи¹⁾. Если не всё онѣ возникли въ
 періодъ иконоборства, то, съ другой стороны, и самый списокъ
 можетъ быть легко дополненъ на основаніи вновь изданныхъ до-
 кументовъ. Десять большихъ греческихъ монастырей основано
 было въ вышеозначенную эпоху около одного города Россано.
 Въ 733 году въ епархіи Барской (Бари, въ Апуліи) поселилось,
 говорятъ, до тысячи монаховъ изъ Греціи. Число всѣхъ иконо-
 почитателей, оставившихъ родину и нашедшихъ убѣжище въ
 Италиі, по расчетамъ новыхъ историковъ, простиралось за пять-
 десять тысячъ. Цѣлый рядъ преданій, сохраняющихся въ южной
 Италиі, говоритъ объ иконахъ и святыняхъ, перенесенныхъ
 сюда съ востока, когда тамъ почитатели ихъ были преслѣдуемы.
 Та женщина, которая принесла въ Неаполь серебряный ковчегъ,
 заключающій въ себѣ главу Григорія Просвѣтителя, и построила

1) Вопросъ о византійско-греческой колонизаціи въ южной Италиі и о мо-
 нашескихъ переселеніяхъ всего подробнѣе изложенъ въ сочиненіи Замбелли:
 'Ἰταλοελληνικά, ὑπὸ Σ. Ζαμπελίου. Ἐν Ἀθήναις, 1864. Отсюда многое взято въ
 изслѣдованіе Морози о греческихъ діалектахъ Отрантской земли: Studi sui dia-
 letti Greci della terra d'Otranto del prof. Giuseppe Morosi, Lecce, 1870. Боль-
 шую часть указаній мы заимствуемъ изъ греческаго сочиненія Замбелли, см.
 стр. 195—205.

въ честь этого святого знаменитый и до сихъ поръ монастырь (San Liguori), относится по времени своей жизни къ VIII столѣтію. Чудотворная икона Богородицы (Одигитрія), донинѣ почитаемая въ Бари, появилась здѣсь вмѣстѣ съ бѣглецами изъ Греціи все въ ту же эпоху, какъ объ этомъ повѣствуетъ мѣстное церковное преданіе (синаксарь), повторяющееся, впрочемъ, съ небольшими измѣненіями подробностей во многихъ другихъ городахъ южной Италіи (Идронто, Барлетта, Россано, Амальфи, Панормъ, Мессина и т. д.). Если ужъ южныя провинціи полуострова, находившіяся подъ прямою властію имперіи, считались, по своему отдаленію отъ центра, удобнымъ пристанищемъ для спасавшихся отъ иконоборческаго гоненія, то въ еще болѣе выгодныхъ условіяхъ находилась Римская область. Римскій первосвященникъ сталъ во главѣ оппозиціи противъ новой ереси; его престолъ считался общимъ убѣжищемъ и защитою правовѣрующихъ. Въ житіяхъ святыхъ занимающаго насъ времени нерѣдко встрѣчаются указанія на греческихъ монаховъ, удалившихся изъ отечества въ старый Римъ, гдѣ они находили безопасность и правильное богослуженіе на своемъ родномъ языкѣ. Еще во время моноелитской ереси, при папѣ Агафонѣ, существовали въ Римѣ четыре греческіе монастыря¹⁾. Впослѣдствіи число ихъ умно- 310
жается: такъ, папа Пасхалій I отдалъ, въ 817-году, толпѣ новыхъ пришельцевъ монастырь св. Пракседы съ прямымъ условіемъ, чтобы въ немъ совершались днемъ и ночью греческія пѣснощѣнія²⁾. Мы ужъ упоминали о греческихъ монахиняхъ, основавшихъ въ Римѣ женскую греческую школу. Онѣ были въ Римѣ при Константинѣ Копронимѣ, около 750 года; папа Захарій отдалъ имъ монастырь на Марсовомъ полѣ, въ которомъ вмѣстѣ съ другими мощами положены были святые останки Григорія Назіанзина; открытая здѣсь монахинями школа славилась во все время, пока были живы пришельцы

1) Mansi XI, 199.

2) <Liber Pontificalis, II, p. 54, 27 ed. Duchesne> construxit - - cenobium, quod et nomine sanctae Praxedis virginis titulavit, in quo et sanctam Greecorum congregationem adgregens, quae die noctuque grecae modulationis psalmodie laudes omnipotenti Deo sanctisque illius ibidem quiescentibus seditate persolverent introduxit.

«ученой Греціи»¹⁾. Папа Григорій III основаль для убѣжища греческимъ монахамъ и для совершенія греческой литургіи монастырь св. Хрисогона. Папа Павель I обратилъ собственный наслѣдственный домъ въ монастырь св. Сильвестра и подарилъ его, въ 761 году, поселившимся въ Римѣ грекамъ (Rodota II, 63; Вагон. sub anno). Значеніе этой монашеской эмиграціи для исторіи средневѣковаго просвѣщенія, науки и церковнаго искусства на западѣ никакъ не должно быть признаваемо маловажнымъ. Извѣстія о греческихъ монашескихъ поселеніяхъ въ Крыму, сопоставленіе которыхъ мы отлагаемъ для статьи, посвященной житію Іоанна Готскаго, конечно, гораздо болѣе скудны, чѣмъ данныя, относящіяся къ однородному явленію въ Италіи. Но уже по аналогіи можно судить, какой важный фактъ, совсѣмъ не отмѣченный византійскими хрониками, скрывается подъ краткимъ указаніемъ на Корсунь, Керчь и Готскій берегъ, вложеннымъ въ уста Стефана Новаго.

Возвращаясь къ порядку прерваннаго изложенія, мы опять должны нѣсколько остановиться на иконоборческомъ соборѣ 754 года, о которомъ въ Житіи сообщаются только краткія и не совсѣмъ точныя свѣдѣнія. Приготовивъ умы посредствомъ вышеупомянутыхъ народныхъ собраний, или силенціевъ, которыя въ продолженіе 753 года нѣсколько разъ были созываемы въ разныхъ городахъ имперіи, какъ объ этомъ говоритъ Θεοφανъ²⁾, Константинъ Копронимъ пригласилъ наконецъ всѣхъ епископовъ на большой вселенскій соборъ. Мѣстомъ первыхъ засѣданій собора былъ дворецъ Іерія, на азиатской сторонѣ Босфора между Халкидономъ и Хрисополемъ (Скутари).

311 Число присутствующихъ епископовъ простиралось до 338; такъ какъ, вопреки діакону Стефану, патріаршескій престолъ, по смерти Анастасія († 753 г.), не былъ еще замѣщенъ, то первенствующую роль на синодѣ имѣли архіепископъ Θεοδοσίη

1) Rodota, Dell'origine del rito greco in Italia, II, 71.

2) Въ томъ мѣстѣ Θεοφана, которое по изданію de Boor'a (p. 427, 20 sq.) читается такъ: σιλέντια καθ' ἑκάστην ποῖον, прежде, вмѣсто ποῖον, читалось πόλις. Это чтеніе, повидимому, не имѣющее для себя основаній въ рукописяхъ, имѣетъ въ виду В. Г. и пытался защитить какъ остатокъ вѣрнаго чтенія σιλέντια καθ' ἑκάστην πόλις ποῖον Б. М. Меліоранскій въ разсужденіи «Георгій Кипрянинъ и Іоаннъ Іерусалимлянинъ», Спб. 1901, стр. 65—71.»

Ефесскій, сынъ бывшаго императора Апсимара, уже со времени Льва Исавра ревностный членъ иконоборческой партіи, и епископъ города Перги, Пастилла (Παστιλλᾶς). Нужно думать, что именно честолюбивыя надежды выдающихся епископовъ (къ которымъ слѣдуетъ причислить и Константина Силейскаго) занять праздное мѣсто располагали ихъ къ угодливости предъ императоромъ и отнимали всякую охоту противодѣйствовать его планамъ. «Каѳолическіе престолы Римскій, Александрійскій, Антиохійскій, Іерусалимскій не имѣли на соборѣ никакихъ представителей; засѣданія начались десятаго февраля и продолжались до восьмого августа въ Іеріи; въ сей послѣдній день враги Богородицы сошлись уже въ Влахернахъ, и здѣсь императоръ, взявъ за руку монаха Константина, епископа Силейскаго, и помолвишись, изрекъ громкимъ голосомъ: «Константину, вселенскому патріарху многая лѣта...». А двадцать седьмаго числа того же мѣсяца царь, въ сопровожденіи нечестиваго первосвященника и прочихъ епископовъ, явились на площади (ἐν τῷ Φόρῳ) и предъ всѣмъ народомъ провозгласили свою нечестивую ересь, предавъ анаѳемѣ святѣйшаго Германа и Георгія Кипрскаго, а также Іоанна Дамаскина Мансура». Къ этому краткому разсказу хронографа Теофана, съ которымъ вполне сходятся еще болѣе краткія сообщенія патріарха Никифора и Амртола, Житіе Стефана Новаго не прибавляетъ почти ничего существеннаго. Въ немъ <col. 1120 D sq.> говорится только объ окончательныхъ собраніяхъ во Влахернскомъ храмѣ, когда «среди чревоугодныхъ епископовъ», на ряду съ самимъ царемъ, предсѣдательствовалъ «соименный ему предатель церкви, патріархъ Константинъ», и съ особеннымъ негодованіемъ передается заключительная сцена послѣдняго засѣданія, когда присутствующіе іерархи подняли руки къ небу и воскликнули, обращаясь къ императору: «Днесъ спасеніе міру, яко ты, царю, свободилъ ны отъ идолослуженія». (Это есть и у Амртола). «Если», съ насмѣшкою замѣчаетъ авторъ, имѣя въ виду современныхъ ему послѣдователей ереси, — «искупителемъ отъ служенія твари и поклоненія идоламъ долженъ считаться не Христосъ, а вашъ императоръ, котораго вы называете тринадцатымъ апостоломъ, то вамъ и креститься слѣдуетъ не во имя Святой Троицы, а во имя Пастиллы, Три-

какава и Кавала, его учениковъ». Что касается синодальныхъ 312 рѣшеній, то авторъ Житія, помимо приравненія иконъ къ идоламъ и анаемы патріарху Герману, упрекаетъ епископовъ въ оскорбленіи, нанесенномъ самимъ святымъ и Богородицѣ, такъ какъ на соборѣ будто бы было признано, что они или она не могутъ оказывать никакой помощи людямъ послѣ смерти, то есть, будто бы отвергнуто было ученіе о заступленіи святыхъ, а, слѣдовательно, и польза молитвы, обращенной къ нимъ. Неосновательность этого послѣдняго обвиненія не подлежитъ сомнѣнію, хотя оно, повидимому, подтверждается свидѣтельствомъ Теофана, относящимся, правда, къ позднѣйшимъ дѣйствіямъ Копронима, что императоръ письменно и устно проповѣдывалъ о безполезности молитвъ къ Богородицѣ и святымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ «закапывалъ въ землю и вообще удалялъ изъ виду мощи послѣднихъ» (Ann. 6258—766 г.) ¹⁾. Вопросъ объ отношеніи иконоборцевъ къ этимъ двумъ пунктамъ — почитанію мощей и молитвенному призыванію святыхъ — имѣетъ довольно важное значеніе для послѣдующихъ нашихъ соображеній (относительно житія Георгія Амастридскаго). Поэтому мы считаемъ неизлишнимъ привести здѣсь подлинныя постановленія собора 754 года, относящіяся къ данному вопросу. Они сохранились не въ самыхъ актахъ иконоборческаго собора (извѣстно, что впослѣдствіи всякаго рода книги и сочиненія иконоклавовъ очень усердно истреблялись православными, и что потому полныхъ актовъ Блахернскаго собора, съ преніями и голосованіемъ, не дошло до насъ), а въ дѣянiяхъ второго Никейскаго собора (787 г.), въ шестомъ засѣданіи котораго одинъ изъ обратившихся поборниковъ ереси принужденъ былъ, къ своему посрамленію, прочитать «опредѣленіе» (ἄρτος), то есть, окончательное формулированныя постановленія Копронимовскаго собранія — для того, чтобъ они были тутъ же опровергнуты шагъ за шагомъ. Анаематствованія, составляющія часть этого «опредѣленія», гласятъ, что возстановлять образы святыхъ посредствомъ матеріальныхъ красокъ и цвѣтовъ на бездушныхъ и глухихъ иконахъ есть не только суетное и бесполезное предпріятіе, но даже богопротив-

1) То же самое въ *Libellus Synodicus*: Hardouin, V, 1542.

ное и дьявольское, но что вмѣсто того слѣдуетъ заботиться о подражаніи святымъ на дѣлѣ; ихъ добродѣтели, какъ онѣ объявляются въ письменныхъ сочиненіяхъ, должны служить намъ какъ бы одушевленными образами (иконами), которые мы должны отображать въ себѣ самихъ¹⁾. Вслѣдъ затѣмъ мы читаемъ слѣдующее: «Если кто не признаетъ, что всѣ отъ вѣка и до нынѣ святые, прежде закона, подъ закономъ и подъ благодатию угодившіе Богу, честны предъ нимъ душой, а равно и тѣломъ, и кто не испрашиваетъ себѣ ихъ молитвъ, согласно съ церковнымъ преданіемъ, какъ существъ, имѣющихъ дерзновение предстательствовать за міръ, тотъ анаѰема да будетъ»²⁾. Рѣшенія собора, принятыя единогласно всеми 338-ю епископами, должны были, конечно, считаться обязательными въ предѣлахъ имперіи. Императоръ требовалъ отъ всѣхъ не присутствовавшихъ на соборѣ епископовъ и отъ наиболее уважаемыхъ монаховъ письменнаго согласія съ обнародованными постановленіями. Не видно, чтобы въ средѣ мірскаго духовенства и высшихъ сановниковъ церкви нашелся хотя одинъ, отказавшійся послѣдовать приглашенію: «Всякая рука подписывала, и всяческія уста изрекали свое согласіе» (Житіе Стефана). Только среди монашества обнаружилась рѣзкая и упорная оппозиція; во главѣ ея очутился прославленный подвижникъ горы св. Авксентія. Вотъ какъ излагается ходъ дѣла въ самомъ Житіи³⁾. Зная дѣла и славу святого, его великое вліяніе на иноковъ и всѣхъ православныхъ, царь рѣшился привлечь его на свою сторону. Съ этою цѣлію онъ послалъ къ Стефану одного изъ своихъ ближайшихъ совѣтниковъ, патриція Каллиста, человѣка хитраго и весьма искуснаго въ преніяхъ: онъ долженъ былъ убѣдить под-

1) Mansi, XIII, 345 CD: Εἴ τις τὰς τῶν ἀπάντων ἁγίων ἰδέας ἐν εἰκόσιν ἀφύχαις καὶ ἀναύδοις ἐξ ὑλικῶν χρωμάτων ἀναστηλοῦν ἐπιτηδεύει, μηδεμίαν ὄνησιν φερούσας· ματαία γάρ ἐστιν ἡ ἐπίνοια καὶ διαβολικῆς μεθοδείας εὐρεσις· καὶ οὐχὶ δὴ μᾶλλον τὰς τούτων ἀρετὰς διὰ τῶν ἐν γραφαῖς περὶ αὐτῶν δηλουμένων οἷον τινὰς ἐμφύχους εἰκόνας ἐν ἑαυτῷ ἀναζωγραφεῖ καὶ πρὸς τὸν ὁμοιον αὐτοῖς ἐκ τούτου διεγείρεται ζῆλον, καθὼς καὶ ἐνθεοὶ ἡμῶν ἔφησαν πατέρες, ἀνάθεμα.

2) Ibid. col. 348 D: Εἴ τις οὐχ ὁμολογεῖ ἅπαντας τοὺς ἀπ' αἰῶνος καὶ μέχρι τοῦ νῦν ἁγίους, πρὸ νόμου καὶ ἐν νόμῳ καὶ ἐν χάριτι τῷ Θεῷ εὐχρεστήσαντας, τιμίους εἶναι ἐνώπιον αὐτοῦ ψυχῆ τε καὶ σώματι, καὶ τὰς τούτων οὐκ ἐξαιτεῖται προσευχὰς, ὡς παρρησίαν ἔχοντων ὑπὲρ τοῦ κόσμου πρεσβεῦειν, κατὰ τὴν ἐκκλησιαστικὴν παράδοσιν, ἀνάθεμα.

3) <Patr. gr. 100, 1121 D — 1125.>

вижника подписаться подъ опредѣленіями собора. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ знакъ своего особаго благоволенія, царь послалъ ему дары — не золото и серебро, которыхъ, какъ было извѣстно, пустынный ни отъ кого не принималъ, но разные плоды: финики и миндаль (*ισχυδάρας*), что составляло обычную пищу отшельника. Каллисть встрѣтилъ самый рѣшительный отпоръ: сжавъ свои пальцы въ кулакъ, Стефанъ объявилъ, что, если у него останется хотя одна горсть крови, онъ и ее готовъ будетъ пролить за иконы, и отвергъ дары словами: «Елей грѣшнаго да
314 не намаститъ головы моей и пища отъ еретика да не насладитъ гортани моя». Каллисть ушелъ со стыдомъ и донесъ о происшедшемъ царю. Тогда царь, воспылавъ гнѣвомъ, немедленно послалъ «архисатраповъ и щитоносцевъ», подъ предводительствомъ того же Каллиста, и приказалъ, чтобъ они взяли Стефана изъ пещеры и держали его подъ стражею въ нижнемъ монастырѣ, пока не будетъ рѣшено, какъ съ нимъ поступить. Появленіе людей вооруженныхъ произвело смятеніе въ горѣ Авксентія; Стефанъ, который отъ поста и истощенія не могъ двигаться, перенесенъ былъ «щитоносцами» на ихъ плечахъ внизъ и былъ заключенъ вмѣстѣ съ другими монахами, находившимися при немъ, въ «усыпальницѣ» (*κοιμητήριον*) Авксентія, и при дверяхъ ея поставлена стража. Шесть дней заключенные провели безъ пищи; на седьмой пришло приказаніе освободить ихъ и оставить на свободѣ. Причиною тому былъ походъ противъ Скиѳовъ, то есть, Болгаръ, съ которыми Константинъ Копронимъ воевалъ и въ 755 году, и въ 759. Но первый изъ этихъ походовъ здѣсь не можетъ быть подразумѣваемъ, такъ какъ выше было указано, что до 756 года Стефанъ не былъ тревожимъ, а въ этомъ послѣднемъ году удалился въ свою верхнюю пещеру. Военный отрядъ, напугавшій обитателей горы, теперь, испросивъ себѣ благословеніе подвижника, воротился въ столицу и отправился вмѣстѣ съ царемъ походомъ въ провинцію Европу.

Между тѣмъ Каллисть, злобствуя противъ Стефана — нужно думать вслѣдствіе понесенной неудачи въ исполненіи царскаго порученія — тайно призвалъ къ себѣ одного изъ учениковъ его, по имени Сергія, и склонилъ его, какъ новаго Іуду, предать

учителя. Сергій, оставивъ монастырь, сблизился съ однимъ чиновникомъ, завѣдывавшимъ сборомъ пошлинъ въ Никомидійскомъ заливѣ (τὸν ἀρχιτελωνοῦντα κόλπου τῆς Νικομηδείας φορολόγον), и вотъ они вдвоемъ написали доносъ царю, въ которомъ Стефанъ обвинялся въ томъ, что онъ называетъ царя еретикомъ, предаеть его анаѳемѣ, именуеть позорными прозвищами (Συρογενῆ τε καὶ Βιτάλην), и «сидя на горѣ, копаеть противъ него ямы» (βόθρους κατὰ σοῦ ὀρύσσει ἐν τῷ ὄρει καθήμενος): тутъ разумѣется, повидимому, не въ переносномъ смыслѣ какое-либо злоумышленіе, а суевѣрное символическое дѣйствіе, напоминающее выниманіе слѣда. Сверхъ того злоумышленники ввели на отшельника много другихъ лживыхъ обвиненій, между прочимъ, самую злую клевету, будто онъ находится въ преступной связи съ тою знатною вдовою, которая была имъ пострижена въ монахини, и посѣщаетъ ее по ночамъ. (Здѣсь повѣствователь обращается къ своимъ слушателямъ съ выраженіями своего негодованія). Для подкрѣпленія послѣдней лжи клеветники уговорили служанку благочестивой Анны объявить себя свидѣтельницей, обѣщая доставить ей свободу (συνταξάμενοι ταύτην ἐλευθεροῦν) и выдать ее за одного изъ придворныхъ служителей¹⁾.

Доносъ былъ отправленъ къ царю, находившемуся въ Болгаріи, посредствомъ скорохода (διὰ ταχυδρομίου). Прочитавъ его, Копронимъ ухватился за благовидный предлогъ къ возобновленію преслѣдованія и тотчасъ же отправилъ курьера²⁾ къ своему намѣстнику въ столицѣ (πρὸς τὸν ἀντ' αὐτοῦ τὴν πόλιν κρατοῦντα), патрицію Анеесу. Въ письмѣ, которое сообщается какъ будто въ подлинникѣ и въ самомъ дѣлѣ носитъ характеръ такой достоверности, ему давалось порученіе отправиться въ монастырь при подошвѣ холма Авксентіева, гдѣ живутъ блудницы, прикрывающіяся видомъ благочестія, изъ разряда «неизрѣкаемыхъ», и схвативъ одну изъ нихъ, по имени Анну, съ тѣмъ же

1) <Patr. gr., 100, 1125 B — 1128.>

2) Βερίδας, Veredarii, казенная почта и курьеры учреждены въ Римской имперіи еще Августомъ; Валентиніанъ I опредѣлилъ, чтобы въ ихъ повозки (въ которыхъ были запрягаемы лошади, смѣнявшіяся на станціяхъ чрезъ 50 римскихъ миль) не садилось болѣе трехъ человекъ. Они упоминаются у Прокопія (de Bello Persico II 20, p. 241, 22 Haug.), а также разумѣются и въ нашемъ житіи.

самымъ посланнымъ къ нему курьеромъ отправить ее въ лагерь. Епархъ явился съ толпою воиновъ и привелъ въ смятеніе монастырь: оно описывается довольно живыми чертами, равно какъ и сцена допроса въ военномъ лагерѣ. Анна и еще одна изъ монахинь, представленныя императору, были имъ самимъ подвергнуты допросу. Пораженный смѣлымъ отвѣтомъ женщины, съ негодованіемъ свидѣтельствовавшей о святой жизни Стефана и собственной невинности, тиранъ, погрузившись въ задумчивость, кусалъ ногти на одной рукѣ, а другою крутилъ по воздуху: это былъ его привычный жестъ. Затѣмъ онъ приказалъ Анну держать подъ стражей, а другую «изъ сестеръ», по имени Теофанѣ, отпустить обратно въ монастырь. По окончаніи похода оклеветанная женщина была заключена въ одной изъ константинопольскихъ темницъ, именно въ Фіалѣ, гдѣ она была подвергнута новому допросу и вслѣдъ затѣмъ жестокой пыткѣ, послѣ которой на время удалена была въ одинъ изъ столичныхъ монастырей¹⁾.

Истязаніе Анны было вызвано желаніемъ найти предлогъ къ посрамленію Стефана. Когда это не удалось, то преслѣдованіе противъ него снова было приостановлено. Изъ этого прежде всего слѣдовало бы заключить о нѣкоторомъ великодушіи императора, побудившемъ его оставить безъ вниманія всѣ другіе пункты доноса, тогда какъ въ нихъ заключались совершенно достаточныя основанія судить Стефана, какъ повиннаго въ оскорбленіи величества, не говоря ужъ объ ослушаніи и упорномъ противорѣчій императорскимъ эдиктамъ и соборнымъ постановленіямъ. Вообще видно, что даже послѣ 754 года такъ называемое гоненіе состояло собственно въ исполненіи соборнаго рѣшенія по отношенію къ святымъ, но неодошевленнымъ предметамъ, то есть, въ удаленіи и уничтоженіи иконъ, а не въ преслѣдованіи и казняхъ живыхъ людей, хотя бы и высказывавшихъ рѣзкое противодѣйствіе церковнымъ стремленіямъ и планамъ императора. Хронологія въ Житіи Стефана Новаго даетъ основаніе полагать, что прямое гоненіе иконопочитателей-монаховъ началось не ранѣе 761 года, что подтверждается и другими источниками.

1) <Patr. gr., 100, 1128—1132.>

Новымъ рѣшительнымъ поводомъ къ преслѣдованію Стефана послужило, повидимому, постриженіе въ монашество одного изъ близкихъ слугъ царскихъ, по имени Георгія. Авторъ Житія утверждаетъ, что его разсказъ объ этомъ событіи основанъ на клятвенномъ показаніи главнаго дѣйствующаго лица въ дальнѣйшей исторіи, именно самого этого Георгія. Онъ во всемъ признался предъ своею смертію, и тѣ, которые отъ него слышали предсмертныя признанія, передали исторію нашему автору.

Итакъ, будто бы императоръ заставилъ одного молодого человѣка, служившаго при немъ, по имени Георгія, отправиться къ Стефану съ тѣмъ, чтобъ онъ упросилъ преподобнаго постричь его въ монашество и принять въ число братіи. Когда это будетъ сдѣлано, Георгій долженъ былъ убѣжать изъ монастыря и объявить царю о своемъ совращеніи. Георгій, прибывъ въ окрестности Авксентіева монастыря, скрывался до ночи среди пустынныхъ кустарниковъ, находившихся тутъ, а около полуночи явился предъ монастырскими воротами и просилъ себѣ пристанища, какъ заблудившійся путникъ, которому предстояла опасность или быть съѣденнымъ звѣрями, или же низвергнуться со скалъ въ бездну и разбиться. Впущенный Мариномъ, по приказанію Стефана, пришлецъ обратилъ на себя вниманіе своею необычайною внѣшностію. Стефанъ смотрѣлъ на его одежду, лицо и бороду и съ огорченіемъ замѣтилъ, что предъ нимъ стоитъ человѣкъ съ лицомъ и бородою гладко обрѣтыми. Здѣсь мы узнаемъ, что византійскій реформаторъ, Константинъ Копронимъ, былъ приверженцемъ брадобрітія и ввелъ этотъ обычай своимъ указомъ. «Богъ заповѣдалъ Евреямъ», рассу- 317 ждаетъ діаконъ Стефанъ: «не стригите головы вашей, и не порти края бороды твоей», а этотъ новый Амалекитъ, вопреки этой заповѣди, постановилъ, пусть всѣ, начиная отъ юныхъ отроковъ и кончая съдыми старцами, брѣютъ свои бороды на голо до самой кожи, чтобъ имѣть видъ молодости и силы, подобаясь жеребцамъ похотливымъ». И донинѣ, прибавляетъ онъ далѣе, — «въ нашъ дворъ приходятъ такіе, которые хотя и отъ насъ, но не наши: по образу жизни они наши, а по внѣшнему виду чужіе. Достигнувъ семидесятилѣтняго возраста, они продолжаютъ дѣлать то же съ своею бородой, къ чему прежде при-

выкли: да исправить ихъ Богъ и да освободить отъ памяти о тиранѣ и отъ вѣры въ него, и да направитъ ихъ на путь истинный, прежде, чѣмъ они погубятъ вмѣстѣ съ тѣлами и свои души». Георгій, на вопросъ Стефана: «Не принадлежитъ ли онъ къ царскому двору?» — отвѣчалъ утвердительно и объяснилъ, что нечестивый царь заставилъ всѣхъ приближенныхъ принять такой же видъ и привелъ ихъ къ душевной гибели, и что онъ одинъ уклонился бѣгствомъ отъ его злыхъ обычаевъ и рѣшился спасти себя. Затѣмъ онъ сталъ просить Стефана, чтобы тотъ принялъ его въ свой монастырь и постригъ въ инока, и даже грозилъ, что онъ дастъ отвѣтъ предъ Богомъ за его душу, если не исполнитъ его требованія немедленно. Стефану было хорошо извѣстно, что Копронимъ — врагъ монаховъ и особенно тѣхъ, которые принимаютъ въ иночество людей молодыхъ, но, обманутый притворною ревностію пришельца, онъ рѣшился послѣдовать слову Писанія: «Грядущаго ко мнѣ не изжену вонъ», и тутъ же снялъ съ него мірскую одежду, которую замѣнилъ «облаченіемъ послушанія», а чрезъ три дня постригъ его въ монахи и схиму¹⁾.

Между тѣмъ, «тиранъ» собралъ народъ въ ипподромѣ, въ отдѣленіи «красныхъ» (*ἐνθα ἐπιλέγεται τὰ τοῦ ρουσίου*), и вставъ на верху скамеекъ, гдѣ расположилась толпа, сталъ громко жаловаться, что «ему нѣтъ житья отъ этой проклятой шайки неизрекаемыхъ». Народъ зашумѣлъ, раздались было голоса, «что и слѣда монашескаго облаченія теперь нельзя увидѣть въ городѣ». Но императоръ продолжалъ: «Я не могу долѣе выносить ихъ ковы: они отняли и предали «тѣмъ» всѣхъ моихъ служителей. Вотъ и теперь они похитили у меня возлюбленнаго души моей, Георгія, и сдѣлали изъ него авву. Но возложимъ на Господа печаль нашу, и онъ скоро явитъ себя въ силѣ: только со-
318 творимъ къ Нему молитву». Всѣ на это сказали: «Во истину, сердце твое въ рукѣ Божіей, и Господь услышитъ во всемъ молитву твою»²⁾.

Черезъ три дня послѣ постриженія Георгій бѣжалъ изъ монастыря и воротился въ царскій дворецъ; царь принялъ его съ

1) <Patr. gr., 100, 1132 D — 1136.>

2) <Ibid., 1136 BC.>

восторгомъ, радуясь, что теперь онъ нашелъ предлогъ убить Стефана. На слѣдующій затѣмъ день снова приказано было собраться жителямъ столицы, старцамъ, юношамъ и даже младенцамъ, не только мужчинамъ, но даже женщинамъ въ театрѣ ипподрома, гдѣ царь намѣренъ держать силенціи. Стеклось немалое множество народа; императоръ Константинъ всталъ на прежнемъ мѣстѣ и опять началъ съ нимъ свою бесѣду. «Моя счастливая судьба побѣдила (*ἐνίκησέν μου ἡ τύχη*), и Господь услышалъ молитву мою». Народъ отвѣчалъ дружелюбно-насмѣшливыми восклицаніями: «Да когда же Богъ тебя не послушаетъ?» Это развеселило «тирана», и онъ, громко засмѣявшись, продолжалъ: «Господь открылъ мнѣ того, кого я искалъ, и если вы хотите, я покажу вамъ его». Толпа на это завопила: «Накажи его, убей, сожги огнемъ, потому что онъ нарушилъ твою заповѣдь». Когда же Георгій, въ своемъ монашескомъ одѣяніи, былъ выведенъ на сцену, то крики сдѣлались еще яростнѣе: «Злому — злая судьба (*κακὸν ἰδεῖν κακὰ τὰ ἔτη*): смерть ему, смерть ему! (*φονεῦθήτω, φονεῦθήτω*)». По знаку царя, съ Георгія сняли монашеское наплечіе и монашескій клобукъ (*κοικοῦλλιον*) и бросили это въ толпу, которая тотчасъ же растоптала ногами ненавистные предметы. Затѣмъ очередь была за опоясаніемъ (*ἀνάλαβος*) въ формѣ креста; когда его сняли и хотѣли бросить въ толпу, самъ царь взялъ его въ свои руки и сталъ переворачивать такъ и сякъ, спрашивая: «Что бы это значило?» Тогда одинъ изъ сановниковъ (*ἀρχόντων*), имя котораго авторъ Житія, очевидно, описывающій всю сцену на основаніи живого преданія, еще твердо помнилъ, но по какимъ-то соображеніямъ счелъ неудобнымъ сообщить слушателямъ, крикнулъ: «Вели бросить и это, царь: пусть будетъ поправъ ногами сатанинскій узелъ». Когда желаніе было исполнено, то послѣдовала другого рода сцена. Четыре человѣка схватили разоблаченнаго монаха и сняли съ него остальную одежду. Затѣмъ принесенъ былъ большой сосудъ (кадка) съ водой, и стали обливать Георгія, начиная съ головы, чтобы смыть монашество, какъ какую-нибудь нечистоту. Представленіе, въ которомъ народная толпа принимала такое живое участіе, закончилось возстановленіемъ мнимаго измѣнника въ его прежнемъ званіи и видѣ. На него надѣли военную одежду

319 и шлемъ; самъ царь собственными руками повѣсилъ ему на плеча мечъ или шпагу (σπάθη) и возвелъ его въ санъ конюшаго (τῆ τοῦ στρατωρικοῦ ἀξία - ἐντάξας). Гнѣвъ толпы былъ направленъ въ другую сторону. Отрядъ вооруженныхъ людей, съ разрѣшенія императора, отправился на Авксентіеву гору, сожегъ монастырь и церковь, разогналъ монаховъ; а Стефана вытащилъ изъ пещеры и повлекъ съ собою въ столицу¹⁾.

Уже дорогою поборникъ иконопочитація долженъ былъ вынести всяческія оскорбленія отъ мѣстной иконоборческой черни: ему плевали въ лицо, вонзали въ бедра терновникъ, сталкивали во рвы; одни хлопали у него надъ головой гибкими и сырыми прутьями, которые срѣзываютъ дѣти для своей забавы, и хохотали, когда ихъ свистъ пугалъ его; другіе шли впереди его въ видѣ торжественной процессіи съ лавровыми вѣтвями въ рукахъ. Когда, наконецъ, отъ крайней слабости и утомленія Стефанъ не могъ болѣе продолжать такого тяжелаго пути, то его перевезли отъ близъ лежащаго морского берега водою въ Филиппиковъ монастырь, недалеко отъ Хрисополя (Скутари). Константинъ Копронимъ придавалъ такую важность противодѣйствию Стефана, что, какъ теперь оказалось, хотѣлъ не столько его смерти, сколько его присоединенія къ рѣшеніямъ собора 754 года и для убѣжденія его отправилъ епископовъ, наиболѣе извѣстныхъ своимъ богословскимъ образованіемъ: Θεодосία Ефесскаго, Константина Никомидійскаго, Константина, епископа Наколи, Сисинія Пастиллу, Василя Трикава и вмѣстѣ съ ними нѣкоторыхъ придворныхъ сановниковъ — уже извѣстнаго намъ Каллиста и двухъ секретарей. Патриархъ же отказался отъ бесѣды и пренія съ игуменомъ Авксентіева монастыря. Свиданіе произошло въ церкви вышеупомянутой обители Филиппика. Θεодосій Ефесскій, обратившійся къ Стефану первымъ, думалъ, очевидно, придать собесѣдованію мягкій тонъ и кроткій характеръ: «Скажи намъ, человѣкъ Божій, почему ты возводишь на насъ подозрѣніе въ ереси и относишься съ презрѣніемъ къ царямъ, архипастырямъ, епископамъ и всѣмъ христіанамъ? Не можемъ же всѣ мы хлопотать о погибели душъ нашихъ!» Отвѣтъ Сте-

1) <Patr. gr., 100, 1136 C — 1137.>

фана, какъ онъ передается его біографомъ, отличался всею рѣзкостью и силою непреклоннаго убѣжденія. Онъ началъ словами пророка Іліи къ Ахаву: «Не я развращаю, но ты и домъ отца твоего», и кончилъ слѣдующими измѣненными выраженіями псалма: «Цари земные и князи вмѣстѣ съ пастырями и предателями стада собрались противъ церкви Христовой, задумавъ суетное и ложное». Тогда одинъ изъ епископовъ, именно Константинъ Никомидійскій, еще молодой и болѣе пылкій, раздразненный титуломъ предателя, бросился на отягченнаго цѣпями и изможденнаго подвижника, который сидѣлъ на землѣ, и едва не сталъ его топтать ногами; оруженосецъ (τὸν τιμῶν τις - δουρφόρος), заставившій подняться Стефана ударомъ въ бокъ, предупредилъ ярость епископа; а Каллистъ и его свѣтскіе спутники сочли болѣе приличнымъ совсѣмъ укротить ее. Однако, и они предложили на выборъ или признаніе постановленій собора, или же смерть. Стефанъ потребовалъ, чтобъ ему прочитано было соборное опредѣленіе, и едва епископъ Наколійскій произнесъ заглавіе: «Опредѣленіе святаго вселенскаго собора», какъ Стефанъ прервалъ его, и снова посыпались рѣзкія обличенія и, наконецъ, проклятія: «Не имѣютъ права называть святымъ свой соборъ тѣ, которые попираютъ все святое, которые отняли это наименованіе у апостоловъ, мучениковъ и преподобныхъ и на вопросъ: куда идешь? — постановили отвѣчать: къ апостоламъ (εἰς τοὺς ἀποστόλους: вмѣсто къ святымъ апостоламъ), а на вопросъ, откуда идешь? — отъ сорока мучениковъ и т. д. Не можетъ быть вселенскимъ соборъ, на которомъ не участвовали и котораго не одобрили ни престоль Новаго Рима, ни остальные патриархи... Кто не поклоняется изображенію Господа на иконѣ, да будетъ анаема!» Когда Константинъ Копронимъ выслушалъ признаніе Каллиста, что побѣда въ словесномъ состязаніи осталась за Стефаномъ, онъ не приказалъ казнить его, какъ можно было бы ожидать на основаніи предыдущихъ сообщеній агіографа о намѣреніяхъ царя, а только отправилъ упорнаго монаха въ ссылку на островъ Проконнисъ¹⁾.

Тамъ, на островѣ, собрались вокругъ своего учителя его

1) <Patr. gr., 100, 1137 D — 1145.>

разсѣянные ученики изъ уничтоженнаго монастыря Авксентіева; недоставало только двоихъ — Сергія, который написалъ на Стефана первый доносъ, и другого его сообщника, который снялъ съ себя монашеское платье, явился съ раскаяніемъ ко двору императора и до такой степени угодилъ этимъ послѣдному, что сдѣланъ былъ участникомъ его «гнусныхъ торжествъ» (*μισαράς προπομπάς*) въ палатахъ Софіанскихъ (*ἐν - Σοφιαναίς*) и получилъ имя, повидимому, шутовское — папы или попа веселія (*τῆς χαρᾶς παπᾶν-ἐπωνόμασεν*). Всѣ остальные составили на островѣ новую обитель и, конечно, дѣйствовали въ пользу иконъ среди мѣстнаго населенія. Жизнеописатель нашего святого сообщаетъ рядъ чудесъ, сотворенныхъ имъ въ это время, въ отдаленіи отъ окрестностей Константинополя¹⁾. Какъ видно изъ послѣдняго, совершеннаго надъ однимъ изъ Армянъ, поселенныхъ недавно 321 въ Европѣ (*στρατιώτης τοῦ στίφους τῶν Ἀρμενίων, ἐκ τῶν τῆς Εὐρώπης μερῶν*), чудесамъ иногда прямо помогали иконы. Армянинъ, служившій въ военномъ отрядѣ его земляковъ, сообщилъ своимъ товарищамъ о томъ, что онъ получилъ исцѣленіе отъ сухотки, поклонившись двумъ иконамъ, которыя поставилъ предъ нимъ Стефанъ. Такъ какъ въ арміи особенно сильна была привязанность къ императору и ненависть къ «идолопоклонству», то сейчасъ же сдѣланъ былъ доносъ «архисатрапу Θρακίи», а этотъ немедленно препроводилъ исцѣленнаго въ столицу. Допросъ, сдѣланный самимъ царемъ, указалъ опять на Стефана. «Онъ и въ изгнаніи не перестаетъ учить народъ идолопоклонству», сказалъ съ гнѣвомъ Константинъ Копронимъ; приказано было схватить упорнаго монаха, посадить его въ Фіалу, то есть въ одну изъ столичныхъ темницъ, и заковать его въ колодки. Черезъ нѣсколько дней, когда царь сидѣлъ на террасѣ Фара (*ἐν τῷ τοῦ Φάρου ἡλιακῷ*) между двумя сановниками и творилъ здѣсь свой судъ, къ нему приведенъ былъ къ допросу главный предводитель ненавистныхъ «неизрекаемыхъ». Когда Стефанъ палъ лицомъ на землю, тиранъ, говорится въ Житіи, — взглянулъ на него гнѣвно, его налитые кровью глаза безпокойно забѣгали, рука замахала по воздуху, и вотъ онъ, зашипѣвъ по змѣиному

1) <Patr. gr., 100, 1148—1156.>

(δρακοντιαῖόν τε σურείς), потребовалъ отвѣта. Отвѣты Стефана и на этотъ разъ дышали тѣмъ же духомъ и тѣмъ же тономъ, какъ и въ его преніи съ епископами, и наконецъ завершились дѣйствіемъ, напоминающимъ ревность мучениковъ первыхъ временъ христіанства. Желая поразить врага его же собственнымъ оружіемъ, Стефанъ вынулъ изъ клобука монету съ изображеніемъ обоихъ императоровъ (Константина и Льва) и, показавъ ее предстоявшимъ, спросилъ: «Что было бы со мною, если бъ я бросилъ ее на землю и сталъ бы попирать ее ногами? Не заслужилъ ли бъ я казни?» «Конечно!» отвѣчали присутствующіе, — «потому что она носитъ начертаніе и имя непобѣдимыхъ императоровъ». «Если такъ, если за оскорбленіе царя земного полагается тяжкое наказаніе», воскликнулъ Стефанъ, — «то какой же казни заслуживаетъ тотъ, кто попралъ и предаль огню имя самого Христа и его матери на ихъ иконахъ!» И съ этими словами Стефанъ бросилъ монету на землю и сталъ топтать ее ногами. «Какъ дикіе звѣри», кинулись на него предстоявшіе и хотѣли его тутъ же низвергнуть съ высоты террасы. Но царь, который, какъ змѣя, умѣлъ мѣнять свой видъ (замѣчаніе діакона Стефана), остановилъ ярость своихъ слугъ. По его приказанію, Стефанъ былъ отведенъ со связанными назадъ руками въ темницу, называвшуюся «священнымъ преторіемъ», и теперь подлежалъ суду, какъ оскорбитель царскаго величества. Въ тюрьмѣ Стефанъ нашель триста сорокъ двухъ другихъ монаховъ изъ различныхъ областей: у однихъ были отрѣзаны уши или носъ, у другихъ отрублены руки, не захотѣвшія подписать осужденія иконамъ; многіе были насильно обриты нечестивыми иконоборцами, или же имѣли лица опаленныя отъ огня и смолы, при помощи которой подождены были ихъ бороды. Подвижникъ Авксентіева холма былъ принятъ въ среду мучениковъ, какъ общій наставникъ и пастырь. Онъ скоро превратилъ темницу въ подобіе монастырской обители; онъ пѣлъ съ своими товарищами гимны и псалмы и исполнялъ все монашеское правило. Слава его святости и чудесъ возбудила къ нему участіе въ женѣ одного изъ темничныхъ стражей (καπιλάριος), тайной читательницей иконъ; когда она вынула изъ запертаго на ключъ кивота (κιβώτιον) три иконы и, принеся ихъ въ темницу, поклонилась

передъ ними, то Стефанъ согласился принимать отъ нея хлѣбъ и воду: изъ рукъ еретическихъ онъ не согласился бы получить даже необходимое пропитаніе. Темничное заключеніе Стефана продолжалось одиннадцать мѣсяцевъ¹⁾.

Однажды, во время назидательнаго собесѣдованія между узниками, зашла рѣчь о мученикахъ, пострадавшихъ ранѣе того въ разныхъ мѣстахъ отъ тѣхъ или другихъ областныхъ правителей. Антоній, съ острова Крита, разсказалъ о своемъ соотечественникѣ, Павлѣ Критскомъ, котораго сожегъ огнемъ «архисатрапъ» острова, по имени Θεοφάνη Λαρδοτιρῆ. Θεοστιρικτῆ, пресвитеръ монастыря Пелекиты, самъ пострадавшій отъ иконоборцевъ (у него былъ отрѣзанъ носъ и сожжена борода), разсказалъ о томъ, какъ правитель Асійской земли, по имени Λαχανοδρακοντῆ, напалъ на его монастырь на самой Страстной недѣлѣ, съ большимъ отрядомъ войска вошелъ во храмъ, прекратилъ богослуженіе, захватилъ тридцать восемь избранныхъ иноковъ, остальнымъ же нанесъ побои или вымазалъ лицо и бороды смолой и опалилъ ихъ, или обрѣзалъ носы, и т. д., а въ довершеніе всего сожегъ весь монастырь, «начиная отъ конскихъ стойлъ до самыхъ церквей» (ἀπὸ - ἰπποφορβείου μέχρι τῶν ἐκκλησιῶν). Тридцать восемь иноковъ, уведенные въ окрестности Ефеса и заключенные подъ сводами древнихъ бань, послѣ были засыпаны землею вслѣдствіе того, что злой гонитель ихъ велѣлъ подкопать сосѣднюю гору²⁾. Самъ Стефанъ повѣдалъ о двухъ мученикахъ: о Петрѣ, заключенникѣ Влахернскомъ: 323 этотъ пострадалъ въ присутствіи самого императора, котораго онъ назвалъ Датіаномъ (?) и злодѣемъ (Δατιανὸν καὶ παραβάτην), и былъ битъ до смерти бычачьими жилами, и объ Иоаннѣ, игуменѣ монастыря Монагріи: сей послѣдній также замученъ былъ по приказанію самого императора, именно былъ брошенъ въ море, послѣ того какъ отказался наступить ногами на икону Богородицы³⁾.

Бесѣда монаховъ, заключенныхъ вмѣстѣ со Стефаномъ въ

1) <Patr. gr., 100, 1156—1164.>

2) <Ср. И. Д. Андреева, «Германъ и Тарасій, патріархи Константинопольскіе», Сергіевъ Посадъ, 1907, стр. 861.>

3) <Patr. gr., 100, 1164—1168.>

темницѣ преторія, сообщаетъ намъ такія свѣдѣнія объ иконоборческомъ гоненіи, которыя могутъ быть считаемы совершенно точными; небольшое разногласіе съ однимъ изъ главнѣйшихъ историческихъ сочиненій для данной эпохи происходитъ отъ ошибки, которая должна быть отнесена не на счетъ нашего житія. Θεοφάνης, подъ 6253 (= 761) годомъ говоритъ также объ одномъ мученикѣ, пострадавшемъ за то, что онъ называлъ царя новымъ Валентомъ и Іуліаномъ (= *Δατιανὸν καὶ παραβάτην*): по мѣсту и роду жительства (*καλυβίτης ἐν Βλαχέρναις* = *ἐν Βλαχέρναις ἐγκλεισμένον*), по способу мученія (*διὰ μαστιγῶν* = *βουλεύροις τυπτόμενος*) это есть, очевидно, тотъ же самый Петръ Влахернитъ, о которомъ рассказывалъ товарищамъ по заключенію Стефанъ Новый. Между тѣмъ Θεοφάνης именуетъ его Андреемъ, а о Петрѣ Столпникѣ говоритъ гораздо позже, уже послѣ краткой повѣсти о мученіи Стефана Новаго, такъ что послѣдній никакъ поэтому не могъ бы знать о позднѣйшей смерти Влахернскаго отшельника. Въ настоящее время можно считать вполне доказаннымъ, что не діаконъ Стефанъ, писатель Житія, а именно авторъ хроники допустилъ ошибку, которая, впрочемъ, состоитъ только въ томъ, что онъ перемѣшалъ имена двухъ святыхъ. То, что у Θεοφάνη говорится объ Андрѣ, должно быть относимо къ Петру, и то, что (подъ 6259—767 годомъ, ср. 442, 19 sqq. de Voog.) говорится о Петрѣ, должно быть относимо къ Андрею Стилиту, то есть, къ тому святому, который въ греческихъ прологахъ называется св. Андреемъ иже въ Крисѣ (по мѣсту погребенія), а въ славянскихъ, иже въ Критѣ (по мѣсту происхожденія) ¹⁾. Такимъ образомъ первою жертвою гоненія, направленнаго противъ монаховъ, мы должны считать Петра Влахернскаго и, согласно съ Θεοφάνη, относить начало этого преслѣдованія къ 761 году. Что же касается прочихъ мучениковъ: Павла Критскаго (а не Кипрскаго), Θεοστυρικта, инока 324 монастыря Пеликитскаго на Геллеспонтѣ около Прусы (см. Полный мѣсяцесловъ Востока архим. Сергія II, примѣч., стр. 90), Іоанна настоятеля монастыря Монагріи около Кизика, то о

1) Два греческія житія этого Андрея изданы теперь въ одномъ изъ новыхъ томовъ *Acta sanctorum* (Octobr., t. VIII, 124 sq.); ср. также Сергія, Полный мѣсяцесловъ Востока, изд. 2, II, стр. 429 сл.

нихъ существуютъ только скудныя извѣстія въ мѣсяцесловѣ (подъ 17-мъ марта), а Михаилъ Лаханодраконтъ извѣстенъ изъ Теофана какъ стратигъ темы Фракисійской и одинъ изъ самыхъ ярыхъ исполнителей императорскихъ эдиктовъ противъ иконопочитанія. Поименованныя лица потерпѣли, вѣроятно, въ одно время съ Петромъ Влахернскимъ или нѣсколько позже его, но ранѣе 765 года¹⁾, котораго мы уже достигли въ нашемъ изложеніи житія Стефана Новаго.

Заключеніе Стефана въ темницѣ было довольно продолжительно, какъ это можно заключать уже изъ того, что онъ, послѣ вышеизложенной бесѣды, еще сорокъ дней готовился къ смерти, которую заранѣе могъ предсказать себѣ. Наканунѣ рокового дня онъ возвратилъ женѣ тюремнаго прислужника принесенные ею образа, и та, завернувъ ихъ въ полотенце (*ἐγχεριδίῳ ἐλίξασα*), опять спрятала у себя въ домѣ, скрывая отъ глазъ нечестивыхъ «иконосожигателей» (*εἰκονοκαστῶν*)²⁾.

Между тѣмъ императоръ Константинъ Копронимъ, обвиняемый писателемъ Житія въ особой привязанности къ еллинскимъ, то есть, языческимъ обрядамъ, совершалъ въ это время «демонскій праздникъ», называемый Брумаліями. По объясненію діакона Стефана, при этомъ совершалась хвала въ честь Діониса (Вакха) и Брума, какъ подателей сѣмянъ и вина, дѣлались возліянія (*σπονδή*) и т. д. Однако болѣе точныя свѣдѣнія объ этомъ языческомъ праздникѣ, служащія также къ объясненію дальнѣйшаго разказа въ самомъ Житіи, находимъ мы въ пасхальной хроникѣ (*Chronicon Paschale I, 211, 21 sqq. ed. Bonn.*). Здѣсь сообщается, что такъ называемыя Брумаліи учреждены при самомъ началѣ Римскаго государства Ромуломъ и состояли въ томъ, что зимою, когда прекращались военныя дѣла, царь созывалъ у себя и кормилъ во дворцѣ сенаторовъ и сановниковъ, впрочемъ, не всѣхъ вдругъ, а сначала тѣхъ, имена которыхъ начинались съ буквы А, далѣе тѣхъ, которые принадлежали къ слѣдующимъ буквамъ алфавита до омеги. То же самое должны были дѣлать знатные и богатые сановники въ отношеніи къ простому народу: «каждый кормилъ, кого хотѣлъ». Съ

1) <Но ср. И. Д. Андреева, Германъ и Тарасій, стр. 88.>

2) <Patr. gr., 100, 1168 B — 1169.>

своей стороны предводители (πάνδοροι) каждого отдѣльнаго отряда (ἐκάστου ἄριστου) вечеромъ наканунѣ отправлялись къ домамъ такихъ обязавшихся къ гостеприимству лицъ и звуками трубы давали знать, что завтра они будутъ здѣсь обѣдать. «Этотъ обычай Брумалій удержался у Римлянъ донинѣ», прибавляетъ авторъ хроники, писавшій въ первой половинѣ VII вѣка¹⁾. Затѣмъ вмѣстѣ съ другими языческими обычаями, какъ-то: колядою (καλάνδαι), вотами, или праздникомъ въ честь Пана, какъ покровителя домашнихъ животныхъ, — Брумаліи были строго воспрещены 62-мъ канонемъ Трулльскаго собора (692 года). Но, какъ мы видимъ изъ Житія Стефана, они были въ обычаѣ и послѣ, притомъ даже при дворѣ императорскомъ, точно такъ какъ еще въ XII вѣкѣ удержались январскія коляды среди крестьянъ и Руссаліи, отправляемыя послѣ Пасхи «во внѣшнихъ странахъ»²⁾. Итакъ, императоръ утромъ (27-го ноября) засѣдалъ со своими единомышленниками въ помѣщеніи дворцовыхъ гвардейскихъ отрядовъ (ἐπὶ τὰς τῶν σχολῶν στοάς) и занять былъ совершеніемъ какого-то возліянія, въ которомъ выпала пятая буква алфавита, соответствующая имени его третьей жены Евдокіи³⁾. Въ это время ему донесено было, что предводитель «неизрекаемыхъ» Стефанъ съ холма Авксентіева превратилъ свою тюрьму въ монастырь, совершая въ ней всенощныя пѣснопѣнія, и что къ нему постоянно стекаются толпы городского населенія, наставляемыя имъ въ идолопоклонствѣ. Раздраженный этимъ извѣстіемъ, тиранъ сейчасъ же позвалъ одного изъ своихъ слугъ, который носилъ титулъ «ближняго чело-вѣка»⁴⁾, и приказалъ отправить Стефана за городъ, гдѣ прежде находился храмъ мученицы Мавры, а теперь мѣсто казни осужденныхъ на смерть (φονευτήριον). Здѣсь, по словамъ діакона Стефана, Константинъ Копронимъ, виновникъ разрушенія храма,

1) Любопытно, что онъ ссылается при этомъ на древняго римскаго историка, Лицинія Мапера.

2) См. соборное правило и объясненія къ нему Валсамона и другихъ; Rhally et Potly, Syntagma, II, 450.

3) Patr. gr., 100, 1169 BC: μελέτην ἐποιεῖτο ἄσημον καὶ Θεοῦ ἐχθρόωδη πρὸς τὴν παροῦσαν σπονδὴν, ἐν ἣ τὸ στοιχεῖον τοῦ πέμπτου γράμματος ἐπεφάκει, ὄνομα φέρον τῆς αὐτοῦ τρίτης μοιχαλίδος γυναίκος Εὐδοκίας.

4) Ibid.: τῇ τοῦ προξένου ἀξία καταλεγόμενον.

заклучилъ нѣкогда договоръ съ демонами, доказательствомъ чего служить принесеніе въ жертву одного дитяти (τοῦ Σουφλαμίου παιδάρου): намекъ на какую-то темную исторію, распущенную, конечно, врагами императора. вмѣстѣ съ распоряженіемъ о преданіи на казнь Стефана, предписано было въ тотъ же день произвести розыски и допросы по всему городу: и вотъ всякій, у кого находили монаха или же просто носящаго черное платье 326 человѣка, будь то родственникъ или другъ его, самъ подвергался жестокой пыткѣ и потомъ былъ отправляемъ въ изгнаніе. Многіе дурные люди пользовались этимъ случаемъ, чтобъ избавиться посредствомъ доноса отъ своихъ недруговъ; рабы также клеветали на своихъ господъ. Во всей столицѣ стоялъ плачь и рыданіе, какъ будто возобновились времена Іуліана и Валента...¹⁾.

Когда ближній царскій человѣкъ, заклепавъ шею и руки Стефана въ колодки, готовился исполнить надъ нимъ смертный приговоръ, самъ императоръ между тѣмъ оставилъ дворецъ и явился на публичной площади, которая называлась Миліемъ (τὸ Μήλιον)²⁾. Здѣсь находилось великолѣпное зданіе съ проходными галлереями, украшенное впоследствии многими статуями. По свидѣтельству автора Житія, Константинъ Копронимъ наложилъ свою иконоборческую руку на украшенія этого зданія: большія картины, изображавшія шесть вселенскихъ соборовъ, были замазаны или стерты и замѣнены сценами коннаго ристанія; любимецъ царя, возница, прозванный «ураникомъ» (небеснымъ), занималъ самое видное мѣсто на новыхъ картинахъ. Народъ, находившійся на площади, привѣтствовалъ императора радостными восклицаніями; но Копронимъ опять жаловался на монаховъ: «Нѣтъ утѣшенія душѣ моей по причинѣ этой заразы неизрекаемыхъ». Одинъ изъ соучастниковъ ереси замѣтилъ на это, что теперь ни слѣда ни памяти не осталось отъ этихъ ненавистныхъ людей, что онъ самъ сегодня встрѣтилъ послѣдняго

1) <Patr. gr., 100, 1169 B — 1172.>

2) Milium, miliare aureum, зданіе, отъ котораго въ Константинополѣ, подобно тому какъ и въ старомъ Римѣ, начинался счетъ милямъ на императорскихъ военныхъ дорогахъ, а также площадь, на которой находилось зданіе: все это неподалеку отъ главнаго императорскаго дворца и Софійскаго храма.

изъ нихъ и видѣлъ, что его ведутъ на казнь мечемъ. Это напоминаніе послужило только къ тому, что императоръ отмѣнилъ свое первое распоряженіе и велѣлъ отвести Стефана обратно въ темницу. Онъ объяснилъ, что обыкновенная смерть не будетъ для упорнаго монаха дѣйствительнымъ наказаніемъ, потому что и самъ онъ ничего другого не желаетъ, а сверхъ того и царица будетъ съ своей стороны недовольна, если ея день въ празднествахъ Брумалій будетъ запятнанъ убійствомъ¹⁾.

Однако Константинъ Копронимъ въ тотъ же день — правда, вечеромъ — все-таки посылалъ въ темницу двухъ придворныхъ съ такимъ наказомъ, чтобъ они еще разъ попытались склонить Стефана къ послушанію, а затѣмъ, въ случаѣ отказа, били его до тѣхъ поръ, пока онъ не разстанется съ жизнію. Двое род- 327
ныхъ братьевъ, избранные для исполненія царскаго повелѣнія, не нашли въ себѣ достаточно жестокости, чтобы поднять руку на святого мужа; напротивъ того, глубоко тронутые его непреклонною твердостію, они цѣловали его слѣды и просили его молить. Воротившись къ царю, они объявили, что Стефанъ по прежнему стоитъ на своемъ и на увѣщанія отвѣчаетъ анаѳемой, но зато подвергся такимъ истязаніямъ, что остался въ темницѣ почти бездыханнымъ и къ завтрашнему дню, конечно, перестанетъ жить. Ночью императоръ узналъ (отъ полуночнаго демона, по выраженію Житія), что онъ былъ обманутъ, и вслѣдствіе того утромъ, во второмъ часу дня (около восьми часовъ по нашему), только что поднявшись съ постели, «выскочилъ» въ передніе покои дворца (τὰ βασιλικὰ προαύλια) и поднялъ здѣсь вопль, на который явились его приближенные и тѣлохранители. Константинъ Копронимъ обратился къ нимъ съ горькими жалобами: «Я вамъ не царь; вашъ царь тотъ, у кого вы валаетесь въ ногахъ, чьимъ слѣдамъ поклоняетесь, чьихъ молитвъ просите. Нѣтъ никого, кто покончилъ бы съ этимъ человѣкомъ и далъ покой моей жизни». Такія слова должны были послужить окончательнымъ смертнымъ приговоромъ для Стефана. Толпа царскихъ тѣлохранителей бросилась къ темницѣ, схватила закованнаго въ кандалы узника и вытащила его на улицу, осыпая ударами во-

1) <Patr. gr., 100, 1172 AD.>

лочимое по землѣ тѣло. У часовни (εὐκτήριον) великомученика Θεοδора, находившейся вблизи воротъ преторія, онъ уже былъ пораженъ смертельнымъ ударомъ. Однако неистовства, въ которыхъ приняла участіе столичная иконоборческая чернь, еще долго продолжались надъ бездыханнымъ трупомъ. Не только мужчины и женщины, но даже дѣти бѣжали позади съ камнями; ради этого, замѣчаетъ нашъ авторъ, — были прекращены, по приказанію царя, школьныя занятія (παῖδες τὰς διατριβάς κελεύσει τοῦ τυράννου καταλείψαντες). Притомъ, если кто, встрѣтившись съ бѣснующеюся толпой, не принималъ участія въ ея позорномъ торжествѣ, тотчасъ былъ подвергаемъ наказанію, какъ врагъ императоровъ. Тѣмъ не менѣе, очевидно изъ самаго разсказа, что многіе дѣлали это по собственному побужденію. На такъ называемой Воловьей площади (τὸν τοῦ Βοός τόπον) рыбный торговецъ, жарившій рыбу на сковородѣ, схватилъ изъ-подъ нея голову и своимъ ударомъ раздробилъ черепъ мученика. Послѣ этого толпа направилась къ женскому монастырю Μονοκονίαι (τοῦ Μονοκονίου), въ которомъ жила одна изъ сестеръ Стефана. Намѣреніе при этомъ было такое, чтобъ и ее принудить къ уча-
 328 стію въ побіеніи брата камнями; но, къ счастью, она успѣла скрыться въ одной темной гробницѣ. Наконецъ трупъ поверженъ былъ на такъ называемомъ Пелагіевомъ кладбищѣ (τὰ Πελαγίου); здѣсь прежде была церковь мученика Пелагія (τοῦ-μάρτυρος Πελαγίου), а когда она пришла въ ветхость и упала, то Константинъ Копронимъ учредилъ здѣсь мѣсто погребенія, «яму» (τὸν βόθρον) для казненныхъ преступниковъ и для невѣрныхъ язычниковъ (ἐθνικῶν)¹⁾. Все это видѣлъ одинъ благочестивый человекъ, почитатель иконъ и Стефана: слѣдуя осторожно за влачимымъ и терзаемымъ трупомъ, онъ незамѣтно собиралъ въ полотence (ἐγχειρίδιον) частицы, которыя оставались на мѣстѣ²⁾.

Мученическая смерть Стефана послѣдовала 22-го дня ноября, на пятидесятомъ году его жизни, то есть, въ 765 году³⁾. Именно

1) <Patr. gr., 100, 1172 D — 1177 D.>

2) Ср. Zonar. XV, 7, vol. III, p. 351 ed. Dindorf. и примѣч. Дюканжа vol. IV, p. 106 sq.

3) Въ Бенедиктинскомъ изданіи Житія <col. 1177 D> читается пятьдесятъ третій годъ; но внизу текста отмѣчено другое чтеніе рукописей Парижской

подъ этимъ годомъ говорится о ней у Теофана, а также въ хроникѣ патриарха Никифора. Оба хронографа свидѣтельствуя, что обвиненія противъ Стефана состояли въ слѣдующихъ пунктахъ: 1) онъ совращалъ многихъ въ монашество, 2) училъ презирать царскій дворъ, придворную службу и вообще всякій санъ и достоинство, даваемые царемъ, и 3) разрушалъ семейныя связи и семейные союзы. Частное обвиненіе въ оскорбленіи величества они опускаютъ.

Житіе не говоритъ о какихъ-либо другихъ лицахъ, пострадавшихъ въ одно время со Стефаномъ Новымъ. Оно сообщаетъ только послѣдующую исторію благочестиваго Θεодора, который принесъ собранныя имъ частицы мощей игумену Діева монастыря (μονὴ τοῦ ἁγίου πατρὸς ἡμῶν Δίου) и былъ потомъ отправленъ, какъ почитатель иконъ, въ ссылку на островъ Сицилію. На самого игумена былъ сдѣланъ доносъ, что онъ тайно почитаетъ кости людей, признанныхъ врагами императора, называетъ ихъ святыми, а царя именуетъ тираномъ и новымъ Іуліаномъ и ока- 329 зывается въ этомъ сообщникомъ изгнаннаго Θεодора. Оба они еще разъ были позваны на судъ, но такъ какъ улика, долженствовавшая оправдать доносъ (то есть, ящичекъ—*λαρναχίδιον*—съ частицами мощей Стефана), чудеснымъ образомъ исчезла, то оба обвиненные были возвращены на свои мѣста¹⁾. По свидѣтельству Теофана и Никифора, вслѣдъ за Стефаномъ пострадали многія другія лица, принадлежавшія къ военному и служилому сословію (*ἄρχοντες καὶ στρατιῶται*). Позднѣйшіе греческіе минологія, кромѣ извѣстной намъ Анны, Петра и Андрея, подъ тѣмъ же самымъ днемъ (28-го сентября) помѣщаютъ память и этихъ

Библиотеки, въ которомъ нѣтъ второй цифры. Такъ какъ Стефанъ родился въ 715 году и, по свидѣтельству Теофана и Никифора, умеръ въ 765 году, то и нужно принять это второе чтеніе. Прибавка трехъ годовъ, вѣроятно, сдѣлана на основаніи какого-либо ошибочнаго представленія объ одновременности мученической смерти Стефана съ кончиною другихъ святыхъ, пострадавшихъ за иконы дѣйствительно въ 768 году, какъ это опять отмѣчено въ хроникахъ. Теофанъ не только помѣщаетъ годъ смерти Стефана подъ 6257 годомъ и четвертымъ годомъ индикта (= 765), но сверхъ того прибавляетъ, что святой провелъ въ уединенномъ заключеніи 60 лѣтъ: хотя эта цифра и ошибочна, но происхожденіе ея снова указываетъ на круглый счетъ пятидесяти лѣтъ жизни.

1) <Patr. gr., 100, 1180 sq.>

многихъ воиновъ и сановниковъ, принявшихъ монашество, и нѣкоторыхъ изъ нихъ называютъ по имени. Къ сообщеніямъ минологія мы еще должны будемъ воротиться, такъ какъ здѣсь встрѣчается и Стефанъ, сосланный въ Сугдію, то есть, въ Сурожъ.

VII.

ЖИТИЕ ІОАННА ГОТСКАГО ¹⁾.

1.

Введеніе. Готскіе морскіе походы. Поселеніе Готовъ въ Крыму и начало христіанства.

О Крымскихъ Готахъ, память о которыхъ не умерла на полуостровѣ даже и въ настоящее время, и о Готской епархіи въ Крыму, начало существованія которой возводится ко временамъ Константина Равноапостольнаго и епископа Вульфилы, а конецъ относится уже къ послѣднимъ годамъ царствованія Екатерины II, въ русской ученой литературѣ было писано, сравнительно говоря, довольно много ²⁾. Намѣреваясь сдѣлать болѣе доступнымъ для изученія одинъ изъ важнѣйшихъ памятниковъ, касающихся исторіи этой замѣчательной церкви, мы ограни-

1) «Журн. Мин. Нар. Пр. Часть 195 (январь 1878 г.), отд. II, стр. 86—154.»

2) Кромѣ стариннаго, вѣсмъ извѣстнаго и почтеннаго изслѣдованія «О древностяхъ южнаго берега Крыма», принадлежащаго П. И. Кеппену и изданнаго подъ заглавіемъ «Крымскаго Сборника» (С.-Пб., 1837), назовемъ изслѣдованіе Ф. К. Бруна: «Черноморскіе Готы и слѣды долговременнаго ихъ пребыванія въ южной Россіи», съ дополненіями А. А. Куника, въ Запискахъ Академіи Наукъ 1874 г. («и въ книгѣ Бруна «Черноморье», II, 189—241), а также обширную и ученую статью архимандрита Арсенія въ Ж. М. Н. Просв. 1873 г., №1: «Готская епархія въ Крыму»; сверхъ того, сюда относится не мало статей по отдѣльнымъ вопросамъ въ Запискахъ Одесскаго общества исторіи и древностей гг. Мурзакевича, Караулова и др. «Ср. W. Tomaschek, Die Goten in Taurien, Wien, 1881; Ю. А. Кулаковскій, «Прошлое Тавриды», Кіевъ, 1906, стр. 49—72.»

чимся разсмотрѣніемъ, въ нѣсколькихъ вводныхъ главахъ, только тѣхъ вопросовъ, которые относятся къ древнѣйшимъ судьбамъ ея и представляются намъ менѣе разъясненными. Нашъ памятникъ, то есть, *Житіе Іоанна Готскаго*, давно напечатанный въ драгоценномъ изданіи Болландистовъ (*Acta Sanctorum, Junii 26*) въ сопровожденіи обширнаго и ученаго, но теперь совершенно 87 устарѣвшаго комментарія, относится по содержанію къ концу VIII вѣка, а по времени написанія къ первой половинѣ слѣдующаго столѣтія: здѣсь и будетъ находиться одинъ изъ предѣловъ нашего изслѣдованія. Естественнымъ образомъ оно должно начаться отвѣтомъ на вопросы о происхожденіи готскаго поселенія въ Крыму и о времени основанія православной Готской епархіи на южномъ берегу полуострова. Но именно эти-то вопросы и представляютъ наибольшую трудность для разрѣшенія. Мы должны обратиться къ исторіи переселенія народовъ, къ исторіи борьбы между варварскимъ и римскимъ мірами, чтобы получить приблизительно вѣрныя отвѣты на оба вопроса.

Въ половинѣ III столѣтія Готы, давно поселившіеся въ предѣлахъ нынѣшней южной Россіи, а вслѣдъ за ними и подъ ихъ руководствомъ также и другіе сосѣдніе народы — начинаютъ громить ужь азіатскіе берега Чернаго моря и совершаютъ цѣлый рядъ смѣлыхъ и удалыхъ набѣговъ, напоминающихъ намъ многими чертами и позднѣйшіе походы Руссовъ, и еще болѣе — казакіе походы XVII вѣка, когда изъ устьевъ Дона отправлялись ладьи, приводившія въ трепетъ Константинополь, достигавшія Трапезунта и Синопа. Исторія этихъ готскихъ морскихъ предпріятій, интересная сама по себѣ и по своей аналогичности съ позднѣйшими явленіями на Черномъ морѣ, заключаетъ въ себѣ въ то же время отвѣтъ на вопросъ о томъ, когда и при какихъ обстоятельствахъ Готы могли проникнуть въ Тавриду и утвердиться въ ней на жительство. Къ величайшему несчастію, сочиненіе Дексиппа, который самъ прославилъ себя защитою родныхъ Аевинъ отъ готскаго нашествія (267 г.) и потомъ описалъ свой подвигъ и вообще скиаскія войны, для насъ потеряно за исключеніемъ небольшихъ отрывковъ, и мы должны черпать свои свѣдѣнія у позднѣйшихъ компиляторовъ и сокращателей, не всегда отчетливыхъ и точныхъ и рѣдко подроб-

ныхъ, — у Зосима, Синкелла, писателей *Historiae Augustae* и проч.

Первый морской походъ Готовъ, въ которомъ важную роль играли нѣсколько загадочные Вораны (*Voranoi*), относится къ 255 году. Видно, что ужь и ранѣ эти Вораны и Готы дѣлали попытку пробраться отъ устьевъ Дона чрезъ Азовское море и Керченскій проливъ къ Черноморскимъ берегамъ. Но — говорить историкъ Зосимъ, выписывающій часто буквально, хотя не всегда толково слова Дексиппа, — до тѣхъ поръ, пока въ фамиліи Воспорскихъ царей соблюдался правильный порядокъ наслѣдованія, а вмѣстѣ съ тѣмъ держалась дружба съ Римлянами, и оставалось сознание торговыхъ выгодъ, до тѣхъ поръ попытки Скиѳовъ перейти въ Азію встрѣчали отпоръ. Но вотъ въ государствѣ, владѣвшемъ обоими берегами Воспора Киммерійскаго, произошла революція; прежняя династія была низвергнута; власть досталась въ руки людей недостойныхъ, которые, изъ опасенія за свои собственные интересы, не только дали свободный пропускъ Скиѳамъ, или — что на языкѣ нашего писателя равносильно — Готамъ, но даже перевезли ихъ на собственныхъ судахъ, куда имъ было желательно¹⁾. Такъ какъ монеты Воспорскихъ царей непрерывно существуютъ за все третье столѣтіе и еще далѣе, то слова Зосима объ истребленіи царскаго рода мы должны признать неточными, а только допустить внутреннія смуты и борьбу разныхъ претендентовъ, какъ это подтверждается существованіемъ монетъ съ именами двухъ разноименныхъ царей за одни и тѣ же годы въ пятомъ и шестомъ десятилѣтіи III вѣка²⁾. Какъ бы то ни было, Готы про-

1) Zosim., I, 31 sq. Здѣсь мы должны замѣтить, что еще ранѣ того въ главахъ 27-й и 28-й Зосимъ говоритъ два раза о скиѳскихъ набѣгахъ, какъ будто относящихся къ правленію Галла. Въ первомъ случаѣ упоминаются Готы, Вораны, Уругунды и Карпы, опустошавшіе города Европы; во второмъ говорится о Скиѳахъ (то есть, Готахъ), переходившихъ въ Азію, разорившихъ Каппадокію, Ефесъ и т. п. Тѣмъ не менѣе, первымъ морскимъ походомъ Готовъ слѣдуетъ считать все-таки походъ 255 года (гл. 31-я), который считается такимъ у самого Зосима, а все предыдущее принимать за предварительную общую характеристику періода, заимствованную у Дексиппа.

2) Записки Одесскаго общества исторіи и древн., V, 14; Sabatier, Souvenirs de Kertsch, pp. 78 sq.; Koehne, Musée de feu le prince V. Kotschoubey, II, 353; В. В. Григорьевъ, Цари Воспора Киммерійскаго (Россія и

никли на восточный берегъ Чернаго моря и бросились на городъ Питіунтъ (теперь Пицунда); но благодаря крѣпкимъ стѣнамъ и римскому гарнизону, тамъ стоявшему, а всего болѣе благодаря энергіи Сукцессіана, его начальника, нападеніе варваровъ было отбито съ большимъ урономъ, и они, захвативъ уже мѣстныя суда въ замѣнъ воротившихся назадъ тотчасъ послѣ перевоза кораблей воспорскихъ, торопливо оставили берегъ. Вѣроятно, въ числѣ этихъ мѣстныхъ судовъ находились и тѣ «камары», которыя издавна служили для плаванія и морскаго разбоя нѣкоторымъ прикавказскимъ туземцамъ, а время отъ времени были видимы и въ воспорскихъ пристаняхъ, куда они пріѣзжали съ добычею, выгодно покупаемою гражданами Пантикапей и Фанагоріи. Эти камары, описанныя Страбономъ¹⁾ и Тацитомъ²⁾, могли послужить первообразомъ для тѣхъ «однодеревокъ», которыя потомъ появились у Готовъ. Всѣ думали, что дерзкіе варвары, потерпѣвъ неудачу, не осмѣлятся вновь потревожить предѣловъ Римской имперіи, но надежда эта не оправдалась. Достойный защитникъ Питіунта, бдительный Сукцессіанъ, былъ скоро (въ 256 году) отозванъ императоромъ Валеріаномъ для болѣе высокаго сана и болѣе почетнаго порученія, именно — для возстановленія и устройства Антиохіи, которая въ 255 году сильно пострадала отъ Персовъ³⁾; а вслѣдъ затѣмъ Готы появились уже въ виду города Фазиса (близъ нынѣшняго Поти) опять на воспорскихъ судахъ, которымъ они теперь уже не позволили уплыть обратно. Однако они не могли захватить храма Артемиды, богатства котораго ихъ привлекали; тогда они въ другой разъ направили свое нападеніе на Питіунтъ и на сей разъ легко завладѣли укрѣпленіемъ и стоявшимъ тамъ гарнизономъ; потомъ, обративъ плѣнниковъ въ

Азія, стр. 402); <В. В. Латышевъ, Inscriptiones ant. orae sept. Ponti Euxini, II, p. LI = ПОНТИКА, стр. 119>.

1) XI, 495 sq.

2) Histor., III, с. 47.

3) Zosim., I, 32. Это упоминаніе о возстановленіи (ἀναστήσις) Антиохіи и служить къ болѣе точному опредѣленію хронологіи, такъ какъ у Малалы (р. 296), хотя и съ ошибкою, но очень явною и легко поправимою, отмѣченъ годъ (перваго) разоренія Антиохіи Сапорожъ. Ср. Theod. Bernhardt, Gesch. Roms, стр. 272.

гребцовъ и пользуясь морскимъ затишьемъ, они приплыли къ Трапезунту на каппадокійскомъ берегу Понта. Городъ, со времени Адриана сдѣлавшійся центромъ провинціального управленія и получившій хорошо устроенную гавань, былъ охраняемъ значительнымъ по числу гарнизономъ, но крайне распущеннымъ и безпечнымъ. Готы успѣли приблизиться незамѣтно и небольшими отрядами во время ночи взобрались на городскія стѣны; гарнизонъ и жители не сдѣлали даже попытки къ сопротивленію. Множество плѣнныхъ, богатая добыча, всякаго рода сокровища достались варварамъ, которые и воротились домой, вполне довольные результатомъ своего дерзкаго предпріятія. Развалины храмовъ и другихъ наиболѣе богатыхъ зданій долго напоминали жителямъ Трапезунта о посѣщеніи сѣверныхъ бѣлокурыхъ пришлецовъ. Такъ кончился походъ, который въ источникахъ считается первымъ морскимъ походомъ Готовъ¹⁾.

Повтореніе не заставило себя долго ожидать. Но только во второй экспедиціи главными героями были уже другіе, хотя со сѣдніе, но болѣе западные Готы, что вполне соотвѣтствуетъ и направленію новаго похода, падающаго, кажется, на 259 годъ. Важно притомъ то, что на сей разъ, при помощи плѣнныхъ и 90 пришлыхъ торговыхъ людей, уже были построены Готами собственныя суда — вѣроятно, на Днѣпрѣ или же Днѣстрѣ. Рѣшено было избрать не тотъ путь, которымъ ходили Вораны (*τὸν αὐτὸν δὲ τοῖς Βορανοῖς τρόπον ποιήσασθαι τὸν ἔκπλουον εὐχ ἔγνωσαν*), а болѣе западный, и двинуться въ одно время сухимъ путемъ и моремъ. Мимо Истра, Томи (Кюстенджи) и Апхіала (Ахіоло) готская флотилія, держась берега и не удаляясь отъ сухопутнаго отряда, достигла Филеатской бухты, къ сѣверо-западу отъ города Византіи (будущаго Константинополя). Здѣсь Готы узнали, что мѣстные рыбаки скрываются съ своими лодками въ топкихъ и болотистыхъ пространствахъ, прилегающихъ къ бухтѣ, и вошли съ ними въ сношенія, которыя привели къ выгодному для обѣихъ сторонъ соглашенію; Готы получили рыбацьи суда въ свое распоряженіе, посадили свою пѣхоту и уже

1) Потому что слѣдующій, о которомъ у Зосима рѣчь идетъ въ 35-й главѣ, названъ вторымъ.

всѣми силами устремились въ узкій проливъ между Европой и Азіей, называвшійся тогда Воспоромъ Фракійскимъ. Халкидонъ, старая и цвѣтущая торговая колонія Мегарцевъ, была первою жертвою варварскаго нашествія; затѣмъ пострадали еще болѣе богатая и зажиточная Никомедія и соперничающая съ нею по значенію Никея, а также Кій, Апамея, Прусса; только разлитіе рѣки Риндака спасло Кизикъ; но зато, принужденные воротиться назадъ, Готы вновь выместили свою досаду на жителей Никеи и Никомедіи, уже ранѣе ограбленныхъ, а теперь подвергшихся избіенію. Императоръ Валеріанъ, занятый войною съ Сассанидскою Персіей, узналъ объ этихъ событіяхъ въ Антиохіи и рѣшился самъ выступить противъ Готовъ; дѣйствительно, онъ появился въ Каппадокіи, но уже было поздно, и самую полезною его мѣрою было отправленіе надежнаго человѣка для охраны Византіи отъ возвращавшихся домой съ богатою добычею Германцевъ. Тѣмъ и кончился второй морской походъ Готовъ¹⁾.

Черезъ три года (именно въ 262 и 263 гг.), когда Валеріанъ былъ уже въ плѣну, Готы одновременно посѣтили и юго-восточныя страны Европы, и сосѣднюю территорію Малой Азіи. Въ этой послѣдней они ограбили многіе города и разрушили знаменитый храмъ Ефесской Артемиды. Однако этотъ походъ кончился для нихъ несчастливо: они были побѣждены и вынуждены къ отступленію. Около того же самаго времени другіе Готы дѣйствовали во Фракіи и Македоніи и между прочимъ долго оставались около Анхіала, гдѣ Теплыя воды доставили имъ такое же удовольствіе, какъ послѣ женамъ Аварскаго хана. Вслѣдъ затѣмъ они напали на Никополь, осаждали Солунь и вторгались въ Ахаію, гдѣ однако тоже потерпѣли поражение²⁾.

1) Zosim., I, 34: τοῦτο τῆς δευτέρας ἐφόδου ποιησάμενοι τέλος. Ср. Script. Hist. Aug., XXIII: Gallien., cap. 4; Syncell. Chronogr., I, p. 716. Нужно только имѣть въ виду, что Синкеллъ за одинъ разъ обоарѣваетъ всѣ походы до 267 года: сюда, то есть, къ 259 и 260 годамъ, относится только то, что оканчивается Никомедіей.

2) Script. histor. Aug., XXIII: Gallien., cap. 5: Gallieno et Faustiniانو consulibus - - (Gothi) occupatis Thraciis Macedoniam vastaverunt, Thessalonicam obsederunt. Cap. 6: Pugnatum est in Achaia - - contra eosdem Gothos, unde victi per Achaeos recesserunt. Scythae autem, hoc est pars Gothorum, Asiam vasta-

Въ слѣдующемъ 264 году Готы снова хозяйничали въ Малой Азій; мы находимъ ихъ въ Каппадокии, откуда они направляютъ свой путь въ Визинію, очевидно, ужь освоившись съ мѣстностію и обстановкой, и спокойно, никѣмъ не тревожимые, возвращаются назадъ¹⁾. Вскорѣ затѣмъ они появляются на самодѣльныхъ судахъ въ виду Гераклеи Понтійской, при чемъ получили урокъ и отъ римской морской силы, и отъ страшной бури²⁾.

Къ 267 году относится новое, болѣе обширное и грозное движеніе. Готы, которые въ немъ участвовали, были, безъ сомнѣнія, восточные, такъ какъ на ряду съ ними или даже на первомъ планѣ являются Герулы, помѣщаемые около Мэотійскихъ болотъ; на пяти стахъ судахъ они выплыли изъ Азовскаго моря въ Евксинскій Понтъ, прошли въ устья Дуная и опустошили побережья этой рѣки. Императоръ Галліенъ опасаясь за Византію и спѣшилъ принять мѣры для возстановленія поврежденныхъ укрѣпленій, запиравшихъ проходъ въ Босфорѣ Фракійскомъ; опасенія его оправдались, и дѣло дошло до борьбы съ Готами на водѣ и сушѣ близъ самыхъ устій пролива въ Пропонтиду; не смотря на понесенное пораженіе, Готы прорвались въ эту послѣднюю, высадились въ окрестностяхъ Кизика на азіатскомъ берегу, ограбили и разорили все, чтѣ попалося подъ руку, и не пощадили острововъ Лемноса и Скироса. Затѣмъ —

bant. etiam templum Lunae Ephesiae - incensum est. Cap. 7: Scythae in Asia Romanorum ducum virtute ac ductu vastati ad propria recesserunt. Cp. Jordan, *Get.*, c. 20.

1) *Script. Histor. August. Gallien.*, cap. 11: Scythae in Cappadociam pervaserunt. illic captis civitatibus, bello etiam vario diu acto, se ad Bithyniam contulerunt. Выше — въ началѣ 10-й главы (*Gallieno et Saturnino consulibus*) — заключается точка опоры для хронологіи. Зосимъ тоже говоритъ о посѣщеніи Каппадокии Готами, но точно такъ же, какъ о разореніи Ефеса, въ томъ запутанномъ и неочетливомъ отрывкѣ, который онъ, очевидно, взялъ изъ общей характеристики періода у Дексиппа, но неловко связалъ съ правленіемъ Галла (до 253 г.). Синкеллъ (р. 716), обозрѣваящій всѣ морскіе походы варваровъ за одинъ разъ, упоминаетъ о Каппадокии и Галатіи послѣ описанія Визинскаго похода 259—260 годовъ. Разореніе Пессинунта (Zosim.), находившагося въ Галатіи, можетъ относиться именно къ 264 году.

2) *Script. histor. August. Gallien.*, cap. 12 въ концѣ: Scythae navibus factis Heraclaeam pervenerunt и т. д. Синкеллъ (р. 716) говоритъ объ убіеніи Одената во время движенія чрезъ Каппадокію къ Гераклеѣ Понтійской, съ цѣлію захватить тамъ Скивовъ, которые однако заблаговременно удалились моремъ.

неизвѣстно, тѣ же ли самыя, или какіе другіе готскіе отряды— посѣтили Грецію, напали на Аттику, ограбили и выжгли Аѣины, Коринѡъ, Спарту и Аргосъ. При этомъ случаѣ Аѣиняне еще разъ поднялись и напомнили прежніе свои подвиги, подъ руководствомъ историка Дексиппа разбивъ отряды варваровъ и очистивъ отъ нихъ священную почву Аттики; но разсѣянные готскія шайки надѣлали еще много хлопотъ императору Галліену и его вождямъ и все-таки ускользнули отъ полнаго истребленія, хотя имъ и отрѣзанъ былъ путь отступленія — уже въ Родопскихъ горахъ¹⁾.

Въ источникахъ прямо сказано, что движеніе слѣдующаго года было вызвано Готами, уцѣлѣвшими отъ пораженій, нанесенныхъ имъ въ Эладѣ и Θракіи, слѣдовательно, какъ бы имѣло видъ мести. Не удивительно поэтому, что походъ 268 года во многомъ представляетъ повтореніе предыдущаго. Въ немъ участвуютъ опять Герулы, сверхъ того, Остро-готы или Грутунги, Визи-готы или Тервинги, Гепиды, близко родственные Готамъ, и какіе-то Кельты, подъ которыми, всего скорѣе, скрываются 93 Славяне²⁾. Сборный пунктъ и точка отправленія были избраны при устьяхъ рѣки Диѣстра, гдѣ варвары построили уже шесть тысячъ судовъ³⁾. Такъ какъ суда, приготовленныя въ

1) Объ этомъ походѣ довольно подробно и отчетливо рассказано въ биографіи Галліена (*Script. hist. Aug.*), принадлежащей Требеллію Полліону (с. 13), гдѣ говорится просто о Скивахъ, то есть, Готахъ (*Scythae per Euxinum navigantes Histrum ingressi multa gravia in solo Romano fecerunt* и т. д.), и весьма короче, но схоже у Синкелла (р. 717), у котораго въ началѣ говорится объ однихъ Герулахъ (*Αἰρούλοι*) и въ концѣ Навловатъ называется вождемъ Геруловъ. Такъ какъ эти Герулы отправились отъ Мэотиды, то они тоже-ственны съ тою ихъ вѣтвію, которая, вѣроятно, вмѣстѣ съ Готами передвинулась въ южную Россію отъ Балтійскаго побережья и была извѣстна Гордану (*Get.*, с. 23: *Herulorum — gens iuxta Maeotida palude inhabitans*). Далѣе Зосимъ (I, 39) сообщаетъ краткія свѣдѣнія, а Зонара (XII, 26, р. 150 *Dind.*) — одинъ анекдотъ относительно сожженія библіотеки въ Аѣинахъ, поставленный не на мѣстѣ.

2) Полное перечисленіе у Требеллія Полліона въ биографіи Клавдія (*Script. histor. Aug.*, XXV), с. 6: *Scytharum diversi populi, Peuci, Grutungii Austrogoti, Tervingi Visi, Gipedes, Celtae etiam et Eruli*. Удачное и несомнѣнное исправленіе текста (вмѣсто *trutungii* и *uirtinguisipedes*) принадлежитъ Мюленгофу: см. *Zeitschr. f. deutsch. Alterth.*, IX (1853), 134 слл. Зосимъ (I, 42) говоритъ о Скивахъ, Герулахъ и Готахъ; Синкеллъ (р. 720) объ однихъ Герулахъ. О Кельтахъ см. ниже.

3) *Zosim.*, I. с. р. 30, 5 *Mendels.*: περὶ τὸν Τύραν ποταμὸν - - υχιτηρησάμενοι πλοῦτα ἐξήχτηχίλια. <Ср. примѣчаніе Мендельссона>.

весьма короткій срокъ въ устьяхъ Днѣстра, должны быть представляемы по образу позднѣйшихъ однопородокъ русскихъ и никакъ не вмѣщали въ себѣ болѣе 25 или 30 человекъ, по аналогіи съ понтійскими «камарами», о которыхъ было выше упомянуто, то все-таки шесть тысячъ такихъ судовъ не могли вмѣстить 300,000 или 320,000 человекъ — цифры, сообщаемой хорошими источниками¹⁾. Нужно думать, что въ самомъ дѣлѣ морская экспедиція сопровождалась сухопутнымъ движеніемъ, и что дѣло шло даже не о простомъ набѣгѣ, а о переселеніи: большой обозъ, который потомъ является у варваровъ, едва ли могъ прибыть на судахъ и, вѣроятно, заключалъ въ себѣ женъ и дѣтей²⁾. Прибрежья Чернаго моря около Кюстенджи и Варны, Пропонтида или Мраморное море, Кизикъ, Геллеспонтъ или Дарданеллы, Аѳонскій полуостровъ, Солунь — видѣли предъ собою эту флотилію; сухопутная сила готская прошла къ рѣкѣ Савѣ, къ городу Софіи и была окончательно разбита императоромъ Клавдіемъ близъ Ниша; остатки же морской эскадры еще и послѣ того грабили на берегахъ Греціи и Малой Азіи³⁾.

Еще разъ, именно въ 275 году, Готы съ береговъ Маэтиды наводнили своими толпами противоположные берега Малой Азіи и сейчасъ же пробрались до самой южной ея оконечности, до Киликіи; но на сей разъ они уже являлись подъ предлогомъ дружбы къ Римлянамъ и союза, будто бы заключеннаго⁹⁴ съ только что умершимъ императоромъ Аврелианомъ противъ Персовъ. Преемникъ Аврелиана, Тацитъ, принужденъ былъ

1) Цифра 320 одинаково читается у Зосима (l. c.) и у Требеллія Полліона (сар. 6): это приводило бы насъ къ общему ихъ источнику Дексиппу, который, впрочемъ, заставляетъ Аврелиана, позднѣйшаго императора, участвовавшаго въ борьбѣ 269 года, говорить только о 300,000 (см. *Hist. gr. min. ed. Dindorf, vol. I, p. 195, 7*). Но всего важнѣе, что цифра 320000 принадлежитъ самому Клавдію: «*delevimus trescenta viginti milia Gothorum*» — мы истребили 320000 и потопили двѣ тысячи кораблей (см. письмо его у Полліона, сар. 8).

2) Ср. *Bernhardt, Gesch. Roms, стр. 130; Alb. Duncker, Claudius Gothicus, стр. 32**; *Hertzberg, Der Unterg. des Hellen., стр. 184, и друг.*

3) Всѣхъ темныхъ и трудныхъ пунктовъ въ исторіи этого похода мы не думаемъ разъяснять: для подробностей отсылаемъ къ вышеозначеннымъ сочиненіямъ.

отдѣлываться отъ непріятныхъ и крайне необузданныхъ гостей не одними только переговорами, но и оружіемъ¹⁾.

Съ тѣхъ поръ мы не слышимъ болѣе о морскихъ подвигахъ Готскаго племени. Внутреннія междоусобія, среди которыхъ Готы истребляли Бургундовъ, широкій просторъ, открытый имъ на лѣвомъ берегу Дуная послѣ очищенія Авреліаномъ Дакіи, походы Константина Великаго въ этомъ направленіи, — все это можетъ служить объясненіемъ, почему такое блистательное начало, обнаружившее вполне способность Готовъ къ мореходству, не сопровождалось основаніемъ настоящей морской силы. Послѣ страшнаго погрома гунцскаго уже не могло быть о томъ и рѣчи, тѣмъ болѣе, что масса Готскаго племени принуждена была покинуть припонтійскія области. Однако, когда Грейтунги или Гроетунги, то есть, Восточные Готы, изъ среды которыхъ главнымъ образомъ исходилъ починъ въ морскихъ предпріятіяхъ, приблизились послѣ къ Дунаю, они сейчасъ же припомнили свои старинныя привычки. Клавдіанъ описываетъ, какъ они валили лѣсъ, сейчасъ же дѣлали изъ деревьевъ лодки, въ короткое время приготовили ихъ три тысячи и, посадивъ на нихъ свои отряды, дали Римлянамъ морскую битву въ Дунайскихъ гирлахъ:

*Ausi Danuvium quondam transnare Gruthungi
In lintres fregere nemus; ter mille ruebant
Per fluvium plenaе cuneis inmanibus alni²⁾.*

Вообще полагаютъ, и совершенно основательно, что утверждение Готовъ на Таврическомъ полуостровѣ должно находиться въ связи съ ихъ временнымъ господствомъ на Черномъ морѣ. Съ самаго начала своихъ предпріятій на этомъ морѣ они нуждались въ содѣйствіи Воспорскихъ владѣтелей, господствовавшихъ

1) Zosim., I, 63; Scriptor. Histor. Aug., XXVII: Tacit., c. 13 (a Maeotide multi barbari eruperant -- Maeotidae -- se gregabant); Zonar., XII, 28 (здѣсь говорится о нашествіи на Понтъ, Галатію и Каппадокію, чгд, конечно, возможно, однако, если не путаница, то взято неизвѣстно откуда).

2) De IV cons. Honor., v. 623 sqq. Это относится къ 386 году. Ср. Fasti Hydatiani < Mommsen, Chronica min., I, p. 244 > и Zosim., IV, 38; Sievers, Studien, стр. 302 сл.

по объѣмъ сторонамъ Керченскаго пролива, и конечно, должны были прибыть или въ Пантикапею (Керчь), или на Таманскій полуостровъ, чтобы сѣсть на мѣстные суда. Когда дорога такимъ образомъ была открыта, то, какъ и во всѣхъ подобныхъ ⁹⁵ случаяхъ, дѣло должно было кончиться покореніемъ Таврическаго полуострова подъ власть пришельцевъ. Зосимъ (I 64, р. 46, 7 Mendelss.), говоря о пораженіи Готовъ, проникшихъ при Тацитѣ до Тарса, прямо называетъ ихъ «Воспорскими Скиѳами» (κατὰ τὸν ἐν τῷ Восπόρῳ Σχιθῶν): если бы мы были увѣрены, что онъ заимствовалъ это выраженіе у современнаго событіямъ Дексинна, которому онъ обыкновенно слѣдовалъ даже въ самой фразеологіи, то мы имѣли бы самое положительное свидѣтельство въ пользу нашего предположенія. Изъ разсказовъ нѣсколько легендарныхъ у Константина Багрянороднаго видно, что во времена Диоклетіана и Константина Великаго варварскій — сарматскій, то есть, готскій элементъ, пришедшій отъ Мэотиды, здѣсь преобладаетъ; во главѣ его Воспорскіе владѣтели ведутъ ожесточенную борьбу съ вѣрнымъ имперіи Херсонномъ; во всякомъ случаѣ онъ ясно отличается отъ стариннаго мѣстнаго населенія.

Прежде чѣмъ идти дальше, мы должны еще нѣсколько остановиться на одномъ въ высшей степени любопытномъ документѣ, написанномъ по поводу готскихъ вторженій въ провинціи Понтъ и Каппадокію. Мы разумѣемъ каноническія статьи, вошедшія въ сборники церковнаго права и въ нашу Кормчюю и принадлежащія епископу Неокесарійскому Григорію, ученику Оригена. Св. Григорій, умершій около 270 года, отвѣчаетъ на запросы, сдѣланные ему какимъ-то важнымъ духовнымъ лицомъ относительно нѣкоторыхъ сомнительныхъ пунктовъ, смущавшихъ христіанскую совѣсть.

Прежде всего св. Григорій отвѣчаетъ на вопросъ, тревожившій тогда многихъ, именно — какъ слѣдуетъ смотрѣть на тѣхъ христіанъ, которые во время плѣна и невольнаго пребыванія съ варварами вкушали вмѣстѣ съ ними пищу. «Такъ какъ», отвѣчаетъ Григорій, — «всѣ говорятъ въ одно слово, что варвары, вторгавшіеся въ наши предѣлы, не жертвуютъ идоламъ (εἰδώλοισι μὴ τεθυμέναι)», то не слѣдуетъ ихъ пищу считать

96 оскверненіемъ, губительнымъ для души¹⁾. Относительно женщинъ, подвергшихся насилію во время плѣна, нужно обращать вниманіе на прежнюю жизнь ихъ и считать ихъ не виновными, если прежнее поведеніе ихъ было цѣломудренно. Изъ дальнѣйшихъ статей обнаруживаются весьма печальныя явленія среди самаго провинціального населенія, страдавшаго отъ варваровъ. Не говоря о томъ, что прежде захваченные Готами плѣнники явились теперь участниками и даже руководителями набѣга, такъ какъ они указывали дорогу и сами принимали участіе въ грабежѣ, — тотчасъ послѣ удаленія враговъ многіе хотѣли воспользоваться бѣдствіемъ ближнихъ и сосѣдей въ интересахъ самаго гнуснаго корыстолюбія, многіе прямымъ насиліемъ удерживали въ неволѣ спасшихся изъ плѣна единоплеменниковъ и согражданъ, другіе наглымъ образомъ захватили чужое имущество на томъ основаніи, что они потеряли свое во время нашествія. О лицахъ этого послѣдняго разряда Неокесарійскій епископъ говоритъ, что они «отъ Ворады и Готы пострадавшие Вораде и Готы быша другомъ своимъ» (какъ переведено въ нашей Кормчей)²⁾.

Такимъ образомъ мы видимъ, что какъ у другаго писателя (Зосима) нѣсколько разъ ставятся рядомъ Вораны и Готы, точно такъ здѣсь, въ современномъ источникѣ, поставлены нераздѣльно Ворады и Готы. На основаніяхъ, твердость которыхъ подлежитъ большому сомнѣнію, ученые хотятъ видѣть въ этихъ Воранахъ или Ворадахъ славянскій народецъ, подъ руководствомъ Готовъ приучавшійся разбѣзжать по морямъ, подобно будущимъ Варягамъ, съ которыми даже они предполагаются въ прямомъ родствѣ (И. Е. Забѣлинъ, «Исторія русской

1) Rhally et Potly, Syntagma, IV, 45. Изъ приведенныхъ Григоріемъ слуховъ еще не слѣдуетъ, что Готы въ самомъ дѣлѣ не приносили кровавыхъ жертвъ своимъ идоламъ. Слова св. Аенасія, которыя будутъ приведены ниже, и еще болѣе ясны показанія въ Актахъ мученія Саввы Готскаго говорить противное. Выраженіе *sauths*, которымъ Вульфилла переводитъ слово *θυσία*, и которое означаетъ принесеніе въ жертву убитаго и свареннаго животнаго, — очевидно, народное Готское (см. Dahn, Die Könige, VI, 37). Еще менѣе слѣдуетъ отсюда, что варвары, о которыхъ здѣсь говорится, были христіане, какъ за старикомъ Маску повторяетъ Палльманъ, самъ, очевидно, не знакомый съ содержаніемъ отрывка (Gesch. der Völkerwander., I, 65).

2) Rhally et Potly, IV, 58: ἵνα ἐπειδὴ αὐτοὺς Βοράδοι καὶ Γότθοι τὰ τῶν πολεμίων εἰργάσαντο, αὐτοὶ ἄλλοις Βοράδοι καὶ Γότθοι γίνονται.

жизни»). Отъ себя мы должны замѣтить, что сопоставленіе Ворановъ съ Вуланами (Βούλωνες) Птолема въ настоящее время ничего не можетъ объяснять, такъ какъ болѣе правильнымъ чтеніемъ имени соотвѣтствующаго народа, обитавшаго гдѣ-то около Вислы, оказывается то, которое не отзывается созвучіемъ съ Ворадами (Σούλωνες)¹⁾. Сверхъ того нужно прибавить, что, вѣроятно, тотъ же самый народъ разумѣется подъ тѣми 97 Ворадами (Βοράδες), которые два раза упомянуты въ Пасхальной хроникѣ въ перечисленіи народовъ, образовавшихся послѣ столпотворенія и смѣшенія языковъ: одинъ разъ здѣсь (р. 57, 13) отмѣчено, что Ворады то же, что и Макоры (Μάκορες), а въ другой (р. 47, 3) — родоначальникомъ ихъ названъ Θοργαρμα (Θοργαρμα ἐξ οὗ Βοράδες). Отсюда полезнаго и точнаго можно извлечь не особенно много. Масага, или Масага, а также Масага встрѣчается въ числѣ городовъ воспорскихъ у географа Равеннского на ряду съ Малороссой и Мурмикиемъ (Murmicon). Всего же болѣе подходящимъ объясненіемъ намъ кажется Гуда-Макары армянской географіи VII вѣка, приписывавшейся прежде Моисею Хоренскому²⁾, такъ какъ они тоже стоятъ среди народовъ Сарматскихъ на ряду съ Воспурами и др. Однимъ словомъ,

1) См. Müllenhoff, Germania Antiqua, p. 136, гдѣ приведено мѣсто Птолема съ указаніемъ вариантовъ. (См. Claudii Ptolemaei Geographia, rec. C. Müllerus, lib. III, c. 5, § 8). Впрочемъ и въ изданіи Вильберга читалось уже по рукописямъ Βούλωνες. Чтенія Βούλωνες держался еще М. С. Дриновъ въ своемъ извѣстномъ изслѣдованіи (Заселеніе Балканскаго полуострова Славянами, стр. 60 и сл.), гдѣ онъ отвергаетъ мнѣніе Шафарика, уступавшаго Ворановъ Нѣмцамъ, и одобряетъ Цейсса, вычеркнувшаго ихъ изъ списка Германскихъ народовъ. Вопросы о Уругундахъ, которые два раза названы Зосимомъ на ряду съ Готами и Воранами, мы не касаемся, такъ какъ не видно, чтобы они участвовали въ морскихъ походахъ Готовъ, а съ другой стороны этотъ вопросъ весьма обстоятельно изслѣдованъ въ сочиненіи М. С. Дринова. Мы вѣримъ, что они одинъ и тотъ же народъ съ Бургундами Мамертина (XII Panegyrici latini, ed. Baehrens, p. 114), упомянутыми у насъ выше. (Ср. Ф. А. Брауна, Разысканія въ области Гото-Славянскихъ отношеній, I, 51 и 314 сл.).

2) См. К. П. Паткановъ, Армянская Географія VII вѣка, стр. 37. Уважамый издатель, переводчикъ и комментаторъ этого любопытнаго и важнаго памятника признаетъ возможность видѣть въ словѣ Гудамакары сложное слово и въ первой половинѣ находить Готовъ. Бореады, то есть, дѣти Борей, обитавшіе въ Гиперборейской Скиѣи, даже около Дона, гдѣ была Бореева пещера, здѣсь могутъ быть только упомянуты. См. о нихъ изслѣдованіе акад. Стефани: «Борей и Бореады» въ Извѣстіяхъ Имп. русскаго археолог. общ., т. VII, выпускъ 4.

мы склоняемся къ убѣжденію, что Ворады представляли одинъ изъ меньшихъ отдѣловъ Готскаго племени, хотя совсѣмъ не думаемъ отвергать возможности совокупнаго дѣйствія Готовъ и со Славянами. Мы даже убѣждены, что подъ тѣми до сихъ поръ загадочными Кельтами (Celtae), которые вмѣстѣ съ Грейтунами и Тервингами (Остъ-Готами и Вестъ-Готами) вторгались за Дунай при императорѣ Клавдіи, именно въ описываемое здѣсь время, и которые названы у Требеллія Полліона (Script. Histor. Aug., XXV: Claudius, cap. 6), слѣдуетъ видѣть именно Славянъ, согласно съ объясненіемъ Пасхальной хроники (р. 57, 14), что Келтіоны суть то же, что Споряды (Κελτίονες οἱ καὶ Σποράδες), то есть, Славяне. Во всякомъ случаѣ, кто пожелаетъ стоять за славянство Ворановъ, тотъ теперь долженъ сопоставлять ихъ не съ Вуланами = Сулонами, а съ Аваринами (Αἰαρίνοι) того же Птолемея, тѣмъ болѣе, что и упоминаются сіи послѣдніе 98 тутъ же не далеко отъ Сулоновъ, а по мѣсту жительства суть обитатели верховьевъ Вислы.

Столѣтіе спустя послѣ вышеописанныхъ нашествій Готовъ епископъ Кесаріа Каппадокійской Василій Великій писалъ въ Римъ папѣ Дамазу уже о новыхъ, современныхъ ему бѣдствіяхъ востока, но при этомъ случаѣ припоминалъ, что предшественникъ Дамаза, епископъ Діонисій, славный прямою вѣры и дѣлами добродѣтели, во времена прошлыхъ бѣдствій Кесарійской церкви принималъ въ ней участіе, помогалъ ей не только духовными утѣшеніями, но, какъ было видно изъ сохранившихся въ архивѣ каеды Кесарійской грамотъ, присылалъ довѣренныхъ лицъ съ деньгами для выкупа плѣнныхъ¹⁾. Такъ какъ епископъ Діонисій занималъ престолъ Римской церкви отъ 259 года по 270, то плѣнниками будутъ все тѣ же современники Григорія Неокесарійскаго, пострадавшіе въ 264 и 267 годахъ. Къ числу ихъ долженъ принадлежать и тотъ Евтихъ, о которомъ съ удовольствіемъ и гордостью пишетъ Василій Великій въ другомъ своемъ письмѣ, адресованномъ митрополиту Солунскому Асхолію:

1) Migne, Patr. gr., 32, 436: καὶ πέμπειν τοὺς ἀπολυτρομένους ἐκ τῆς αἰχμαλωσίας τὴν ἀδελφότητα. Писано въ 370 году.

«Ты привелъ намъ на память этого блаженнаго мужа Евтиха и возвеличилъ наше отечество за то, что оно доставило сѣмена благочестія: ты насъ обрадовалъ напоминаніемъ о древномъ быломъ, но опечалилъ обличеніемъ настоящаго. Теперь уже нѣтъ никого близкаго Евтиху по добродѣтели; мы на столько далеки отъ того, чтобъ укрощать (дикость) варваровъ, что даже и тѣхъ, которые смирились, способны по множеству грѣховъ нашихъ обратить къ прежней свирѣпости»¹⁾.

Такимъ образомъ исторія готскихъ набѣговъ и готскихъ плѣнниковъ 264 года, къ которымъ всего скорѣе относятся разсужденія Григорія Неокесарійскаго и воспоминанія Василія Великаго, приводитъ насъ къ исторіи основанія христіанской церкви, представителемъ которой въ VIII вѣкѣ былъ Іоаннъ Готскій. Къ несчастію, и здѣсь мы должны довольствоваться общими и довольно неопредѣленными свѣдѣніями, такъ какъ нѣтъ почти никакой возможности изъ значительной массы данныхъ, сообщаемыхъ источниками о готскомъ христіанствѣ, выдѣлить тѣ, которыя спеціально могли бѣ относиться къ Таврическимъ Готамъ.

Церковные историки Созомень и Филосторгій прямо утверждаютъ, что именно каппадокійскими и другими плѣнниками положено начало распространенію христіанства между Готами. Въ исторіи Созомена (II, 6) читаемъ: «Почти для всѣхъ варваровъ поводомъ къ принятію христіанскаго ученія были войны съ Римлянами въ правленіе Галліена и его преемниковъ. Когда въ то время неслыханное множество смѣшанныхъ народовъ (μυγάδων ἔθνων), переправившись изъ Фракіи, опустошало Азію, а другіе варвары дѣлали то же самое въ другихъ мѣстахъ противъ пограничныхъ Римлянъ, то при этомъ многіе священники были уведены въ плѣнъ и стали жить между ними. Такъ какъ плѣнники исцѣляли тамъ больныхъ и очищали (отъ злыхъ ду-

1) Ibid., col. 636 C. Письмо (№ 164, al. 333) писано въ отвѣтъ на посланіе Асколія, сопровождавшееся присылкою мощей — нужно думать и считать почти несомнѣннымъ — Готскаго мученика Саввы. Такимъ образомъ понятно, что Асколій долженъ былъ говорить о прежнихъ проповѣдникахъ христіанства въ Готіи, и что все отвѣтное посланіе Василія не выходитъ изъ круга соответственныхъ идей мученичества за вѣру, распространенія истиннаго ученія между варварами.

ховъ) бѣсноватыхъ, призывая имя Христа и называя его Сыномъ Божиимъ, а притомъ вели безпорочную жизнь и своими добродѣтелями побѣждали всякое злорѣчіе, то варвары, удивляясь ихъ жизни и страннымъ дѣянiямъ, пришли къ сознанию, что будетъ дѣломъ разумнымъ и общающимъ Божескую милость, если они станутъ подражать людямъ, оказавшимся лучшими ихъ самихъ, и будутъ служить Высшему (Существу) подобно имъ. Избравъ ихъ руководителями въ томъ, что слѣдовало дѣлать, они получали наставленіе, принимали крещеніе и начинали посѣщать церкви».

Болѣе точныя и частныя извѣстія сообщаетъ намъ сохранный Фотіемъ извлеченіе изъ Церковной исторiи Филосторгiа. Этотъ писатель (около 425 года) самъ былъ родомъ Каппадокіянинъ, притомъ принадлежалъ къ аріанскому толку, такъ что, съ одной стороны, имѣлъ возможность получить доступъ къ тѣмъ же самымъ документамъ, какіе были въ рукахъ Василія Великаго, а съ другой — имѣлъ особыя побужденія собирать всякаго рода свѣдѣнія о началѣ христіанства у Готовъ, среди которыхъ аріанская церковь сдѣлалась какъ бы національною. Онъ пишетъ¹⁾: «Въ царствованіе Валеріана и Галліена громадныя толпы Задунайскихъ Скиѳовъ вступили въ римскіе предѣлы и прошли по значительной части Европы. Потомъ, переправившись въ Азію, Галатію и Каппадокію, они взяли много плѣнныхъ, а въ числѣ ихъ и такихъ, которые принадлежали къ клиру. Благочестивые плѣнники, попавши въ среду варваровъ, обратили немалое число ихъ къ благочестію и склонили къ христіанскимъ вѣрованіямъ вмѣсто эллинскихъ. Къ этому плѣненію принадлежали и предки Урфилы (*οἱ Οὐρφίλα πρόγονοι*), родомъ Каппадокіяне, изъ окрестностей города Парнасса, изъ села, называемаго Сагадолѣина (*Σαγαδόλθινά*)».

На сколько извѣстія о каппадокійскихъ и галатскихъ плѣнникахъ-миссіонерахъ относятся къ Крымскимъ Готамъ, — рѣшить трудно. Новѣйшіе ученые (Бессель, Вайцъ, Палльманъ, Брунь и т. д.) полагаютъ, что, во-первыхъ, эти извѣстія относятся только къ Крымскимъ Готамъ и что, во-вторыхъ, Вуль-

1) Migne, Patr. gr., 65, 468 B.

фила, который, внѣ всякаго сомнѣнія, не принадлежалъ Крымскимъ Готамъ и не среди ихъ дѣйствовалъ, не былъ на самомъ дѣлѣ переселенцемъ съ того берега и выдается Филосторгіемъ за соотечественника по разнымъ тенденціознымъ побужденіямъ. Основанія, на которыхъ утверждается первое положеніе, заключаются: во-первыхъ, въ исторіи готскихъ морскихъ походовъ, изъ которой съ достаточною ясностію обнаруживается, что, на сколько они касались Каппадокіи, Понта и Галатіи, они исходили отъ береговъ Мэотиды; а также, во-вторыхъ, въ послѣдующей исторіи христіанства у Готовъ. Аѳанасій Великій въ сочиненіи, писанномъ между 319—321 г., упоминаетъ о Готахъ (Γόθοις) въ числѣ народовъ, къ которымъ уже достигла проповѣдь христіанства, и когда онъ описываетъ ея дѣйствіе на дикую и грубую натуру варваровъ, какъ они, принося жертвы своимъ идоламъ¹⁾, яростно враждуютъ другъ противъ друга и даже одного часа не могутъ остаться безъ оружія, а внявъ ученію Христа, тотчасъ вмѣсто войны обращаются къ земледѣлію (εἰς γεωργίαν τρέπονται)²⁾, — то изображеніе это всего скорѣе имѣетъ въ виду выше имъ названныхъ Готовъ. Вслѣдъ затѣмъ на первомъ вселенскомъ соборѣ является уже епископъ Готскій, имѣющій мѣстопробываніе въ Воспорской области, то есть, конечно, въ Крыму. Наконецъ, во времена Іоанна Златоуста, въ концѣ IV вѣка, когда масса Готскаго племени обратилась уже давно въ аріанство, все-таки оставались православные Готы, для которыхъ Златоустъ ставилъ епископовъ, и епархія сихъ епископовъ находилась, по всѣмъ признакамъ, въ Тавридѣ. Въ этихъ данныхъ содержится исторія православной Готской церкви, которая должна имѣть свое тоже 101 православное начало: каппадокійскіе плѣнники III вѣка именно здѣсь являются наилучшимъ объясненіемъ. Что же касается до Вульфилы, изобрѣтателя готскихъ письменъ, переводомъ Священнаго Писанія положившаго начало національной письменности германской, то предполагается, что одно ужъ имя его доказываетъ его негреческое происхожденіе, и что всѣ извѣстія

1) ἔτι μὲν θύοντες παρ' αὐτοῖς εἰδώλους.

2) Orat. de incarnatione Verbi: Migne, Patr. gr., 25, 188 sq.

греческихъ церковныхъ историковъ объ отношеніяхъ Вульфилы къ православному епископу Готскому Теофилу представляютъ либо тенденціозную выдумку, либо недоразумѣніе.

Одна изъ счастливѣйшихъ историческихъ находокъ, когда-либо сдѣланныхъ, именно открытое Вайцемъ краткое жизнеописаніе Вульфилы, написанное ученикомъ готскаго просвѣтителя Авксентіемъ Доростольскимъ, несомнѣнно доказываетъ, что церковные историки V вѣка, и особенно православные — Созоменъ и Сократъ, во многомъ представляютъ исторію Вульфилы невѣрно и во всѣхъ отношеніяхъ залутанно и сбивчиво. Тѣмъ не менѣе, мы полагаемъ, что нѣтъ никакихъ основаній отвергать весьма опредѣленные и точныя извѣстія Филосторгія о происхожденіи готскаго просвѣтителя, такъ какъ и вообще Филосторгія, даже въ извлеченіи Фотія, оказывается въ существенныхъ пунктахъ наиболѣе согласнымъ съ Авксентіемъ. Одно имя Вульфилы не можетъ служить непререкаемымъ доказательствомъ того, что ни по отцу, ни по матери онъ никакъ не могъ имѣть греческихъ или каппадокійскихъ предковъ. Нѣтъ ничего невозможнаго, что уже родители Вульфилы, живя среди варваровъ, усвоили ихъ языкъ, или что онъ былъ смѣшаннаго происхожденія, что мать его была уже готскаго языка, и что именно она дала ему готское имя. Извѣстныя слова завѣщанія Вульфилы: «Ego Ulfla semper sic credidi» не могутъ быть употребляемы въ доказательство того, что онъ никогда не былъ православнымъ и обратился въ аріанство прямо изъ язычества. Они значатъ только то, что Вульфила сталъ аріаниномъ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ сталъ отдавать себѣ отчетъ въ своихъ религіозныхъ мнѣніяхъ, — другими словами, съ тѣхъ поръ, какъ послѣ прибытія въ Константинополь, что случилось на восемнадцатомъ году его жизни или немного позже (328 и 332 гг.), — онъ сблизился съ полуаріанскимъ кругомъ Евсевія Никомидійскаго, отъ котораго и получилъ посвященіе въ первыя духовныя должности и затѣмъ въ епископы (341 г.). Мы не имѣемъ даже нужды предполагать какое-либо самообольщеніе въ вышеприведенныхъ словахъ Вульфилы, столь однако обычное въ воспоминаніяхъ, оставляемыхъ историческими дѣятелями, которымъ приходилось мѣнять свои убѣжденія. Послѣ болѣе чѣмъ сорока-

лѣтняго служенія своему народу и своей арианской общинѣ, Вульфила († 381 г.) могъ сказать: «semper sic credidi» даже и въ томъ случаѣ, если бы для этого ему нужно было позабыть, какъ онъ четырнадцатилѣтнимъ отрокомъ сопровождалъ православнаго Готскаго епископа на соборъ Никейскій (325 г.)¹⁾.

Что Вульфила, дѣйствовавшій среди Готовъ западныхъ, съ которыми онъ и переселился (въ 348 году) въ Мезію, въ окрестности Балканъ и Никополя на рѣкѣ Янтрѣ (теперь Никупъ), не могъ имѣть никакого отношенія къ епископу Теофилу, это пришлось бы скорѣе признать въ томъ случаѣ, если бы Теофиль въ самомъ дѣлѣ, какъ это полагаютъ, былъ епископомъ Таврическихъ или только Воспорскихъ Готовъ. Но хотя это и обращается въ ущербъ нашей темѣ, мы въ этомъ усумнимся. Подпись Готскаго епископа, стоящая на предпоследнемъ мѣстѣ въ актахъ Никейскаго собора, читается вмѣстѣ съ послѣднею подписью двояко:

По списку Кольбертинскому.
De Gothis
Theophilus Bosphoritanus
Domnus Bosphorensis.

По другимъ спискамъ.
Provinciae Gothiae
Theophilus Gothiae metropolis.
Provinciae Bosphori
Domnus Bosphorensis²⁾.

Ясное дѣло, что болѣе краткая подпись, въ которой Теофиль является Воспорскимъ епископомъ, а въ то же время вдвоемъ съ Домномъ—Готскимъ, произошла только вслѣдствіе пропуска, сдѣланнаго невнимательнымъ переписчикомъ: Theophilus (Gothiae metropolis. Provinciae) Bosphori, Domnus Bosphorensis.

Что именно слѣдуетъ разумѣть подъ метрополіей Готіи, мы теперь не будемъ этого подробно разсматривать. Припомнимъ только, что былъ городъ *Μητρόπολις*, поставленный рядомъ съ

1) Socrat., II, 41, 22: ἐπόμενος Θεοφίλῳ, ὃς τῶν Γότθων ἐπίσκοπος ὧν ἐν τῇ ἐν Νικαίᾳ συνόδῳ παρῶν καθ' ἐγράφε. Впрочемъ, «слѣдованіе» (ἐπόμενος), можетъ быть, разумѣется только нравственное или умственное.

2) <Ср. Patrum Nicaenorum nomina -- ediderunt H. Gelzer, H. Hilgenfeld, O. Cuntz, p. 57 и В. Н. Бенешевичъ, Синайскій списокъ отцовъ Никейскаго перваго вселенскаго собора (Изв. Имп. Акад. Н., 1908 г.), №№ 66 и 154—155.>

Ольвией у Птоломея (III, 5, 14, p. 433, ed. Müll.), что городъ Томи въ древнихъ надписяхъ¹⁾ носить титуль *μητρόπολις* (или *ματρόπολις Εὐζείνου*), что и позднѣе (въ 520 году), пока держалась 103 Скисская епархія въ городѣ Томи (близъ Кюстенджи), ея епископы подписывались подобнымъ образомъ: *Paternus episcopus provinciae Scythiae metropolitanus*, и что сверхъ того, по неоднократно заявленію Созомена, митрополія Томи (*μητρόπολις Τόμις*) была единственною православною епископіей у Готовъ²⁾. Это приводитъ насъ къ тому убѣжденію, что въ лицѣ Теофила мы, во всякомъ случаѣ, не имѣемъ еще дѣйствительно и спеціально таврическо-готскаго епископа. Чтобы найти такого, мы должны обратиться ко временамъ Златоуста. Изъ писемъ этого отца церкви мы узнаемъ, что ранѣе изгнанія своего (397 г.) онъ посвятилъ Готамъ епископа Унилу, и что когда этотъ послѣдній умеръ, то пришло въ Константинополь посольство отъ князя Готскаго съ просьбой о посвященіи ему преемника. Златоустъ, находившійся уже въ изгнаніи и не желавшій, чтобы враги его разорвали его душевную связь съ юною готскою общиною, просилъ своихъ друзей, чтобы они всячески задерживали это дѣло, и, между прочимъ, самъ указывалъ одинъ удобный предлогъ проволочки — опасность плаванія въ Воспоръ. Слѣдовательно, здѣсь ужъ идетъ рѣчь о нашихъ Готахъ, Готахъ Таврическихъ.

2.

Вопросъ о тожествѣ или различіи между Крымскими Готами и Готами Тетракситами.

Въ русской ученой литературѣ уже высказано Ф. К. Бруномъ положеніе, что не слѣдуетъ смѣшивать Готовъ Таврическихъ съ Готами Тетракситами; но такъ какъ до сихъ поръ нѣкоторые весьма почтенные русскіе ученые (Д. И. Иловайскій,

1) Marquardt, *Römische Staatsverwalt.*, I², 305₂ (Marquardt-Mommsen, *Handbuch der römisch. Alterth.*, B. IV).

2) Sozom., VI, 21. VII, 26. Изъ словъ Евсевія Кесарійскаго (*Vita Constant.*, III, 7, p. 80, 14 Heikel.) слѣдуетъ, что на соборѣ Никейскомъ былъ только одинъ Скисскій епископъ.

И. Е. Забѣлинъ) не хотять разстаться съ прежними воззрѣніями, то мы считаемъ необходимымъ разобрать этотъ вопросъ. О Крымскихъ Готахъ Прокопій говоритъ въ сочиненіи «О постройкахъ Юстиніана»¹⁾: «Когда Юстиніанъ узналъ, что стѣны Воспора (Керчи) и Херсона, приморскихъ городовъ, лежащихъ на берегу за Мэотійскимъ озеромъ, за Таврами и Тавроскиѳами, на крайнихъ предѣлахъ Римской имперіи, совершенно пришли въ упадокъ, то онъ привелъ ихъ снова въ прекрасный и прочный видъ. Тамъ же онъ построилъ два сторожевыя укрѣпленія: такъ называемый Алустонъ и укрѣпленіе въ Горзувитахъ. Въ особенности же онъ упрочилъ за собою посредствомъ крѣпости городъ Воспоръ, который ужъ издавна сдѣлался было 104 варварскимъ городомъ и находился подъ властію Гунновъ, и только при немъ опять возвращенъ былъ Римской державѣ. Есть тамъ одна страна на морскомъ побережьѣ, называемая Дори (χωρα κατὰ τὴν παραλίαν, Δόρι ὄνομα); въ ней издавна живутъ Готы, которые не были увлечены Теодерихомъ въ Италію, а добровольно остались здѣсь, и еще при мнѣ продолжаютъ быть союзниками Римлянъ, вмѣстѣ съ ними ходять на войну противъ ихъ враговъ, когда этого пожелаетъ императоръ. Число ихъ простирается до 3,000; они прекрасные воины, а также дѣятельные, искусные земледѣльцы, и отличаются наибольшимъ гостепріимствомъ между всеми людьми. Самая область Дори (ἢ χωρα τὸ Δόρι) лежитъ высоко, однако она не слишкомъ дика и сурова, напротивъ, пріятна и богата прекрасными плодами. Въ этой странѣ императоръ нигдѣ не строилъ ни города, ни крѣпости, потому что тамошніе жители не терпятъ, чтобъ ихъ запирали въ стѣнахъ, но всего болѣе любятъ жить въ поляхъ; только въ тѣхъ пунктахъ, которые казались легко доступными для непріятелей, онъ заградилъ входы длинными стѣнами и освободилъ Готовъ отъ всякихъ опасностей относительно нашествія».

Географическое положеніе страны Дори, населенной Готами, обозначено здѣсь довольно опредѣлительно. При помощи довольно большаго числа указаній, встрѣчающихся въ позднѣй-

1) III, 7, p. 261 sq. Bonn.

шихъ источникахъ, новѣйшими изслѣдованіями Кёппена, Бруна и другихъ ученыхъ вполне разъяснено, что страна, именовавшаяся Готіей, Готскими Климатами, а также Дори, вѣроятно— по готскому выговору слова Таврія — простиралась по южному берегу Крыма отъ Балаклавы до Сурожа, или Судака, а внутри полуострова ограничивалась Чатырдагомъ и другими горами, окаймляющими южные берега полуострова.

Что же касается страны Тетракситовъ, то вопросъ о ея положеніи, за неимѣніемъ какихъ-либо другихъ источниковъ, въ которыхъ встрѣчалось бы это имя, долженъ быть рѣшаемъ тѣмъ болѣе внимательнымъ изученіемъ показаній Прокопія.

Въ сочиненіи о Готской войнѣ (IV 4—5, р. 500, 17 sqq. Haug.) Прокопій дѣлаетъ географическій обзоръ восточныхъ береговъ Чернаго моря и сообщаетъ характеристику населеній, тамъ обитавшихъ въ его время:

«За Абхазами и Зикхами живутъ Сагиды (по другому чтенію Сагины), приморская часть которыхъ издревле принадлежала Римлянамъ. Построивъ здѣсь два приморскія укрѣпленія, Севастополь и Питіунтъ, находящіяся на разстояніи одно отъ другаго на два дни пути, Римляне издавна держали въ нихъ свои военные гарнизоны. Въ прежнее время, какъ я уже сказалъ выше, отряды римскихъ воиновъ находились во всѣхъ прибрежныхъ областяхъ, начиная отъ предѣловъ Трапезундскихъ до этихъ Сагидовъ (Сагиновъ). А теперь за ними остались только два эти сторожевые пункта, гдѣ они держатъ охранные отряды до моего времени...» (Далѣе говорится о разореніи ихъ въ войнѣ съ Хозроемъ).

«Выше Сагидовъ (Сагиновъ) обитаютъ многіе Гуннскіе народы. А страна, которая, начинаясь отсюда, простирается до Мэотійскаго болота и рѣки Танаиса, впадающей въ это болото, называется Евлисіей и населена по берегамъ и внутри варварами. Жители, здѣсь обитающіе, въ древности именовались Киммеріями, а теперь называются Утургурами. Выше ихъ въ сѣверномъ направленіи расположены безчисленные народы Антовъ. А подлѣ (параллельно) этой страны, тамъ гдѣ начинается изліяніе озера, поселились Готы Тетракситы. Хотя они не многолюдны, но не хуже другихъ хранятъ свои христіанскіе

уставы, которымъ слѣдуютъ. Танаисомъ туземцы называютъ также и тотъ рукавъ, который ведетъ отъ Мэотійскаго озера до Евксинскаго Понта, простираясь, какъ говорятъ, на двадцать дней пути; точно такъ же и вѣтеръ, который оттуда дуетъ, называется Танаитскимъ. Были ли упомянутые Готы когда-нибудь арианами, подобно другимъ Готскимъ племенамъ, и вообще какая другая религія была у нихъ прежде—этого я не могу сказать, да и сами они не знаютъ. Извѣстно только, что теперь они съ большимъ простодушіемъ и довѣрчивостью преданы христіанству. Незадолго предъ симъ (я разумѣю двадцать-первый годъ правленія Юстиніана) они присылали въ Византію четырехъ пословъ съ просьбою дать имъ епископа, такъ какъ бывший у нихъ до этого священникъ умеръ; а съ другой стороны—они узнали, что и Абхазамъ императоръ послалъ отъ себя (арх)іерея. Императоръ Юстиніанъ съ величайшею готовностью исполнилъ ихъ просьбу и отпустилъ пословъ домой. При публичномъ приѣмѣ, когда присутствовало много слушателей, послы эти, объясняя причину своего прибытія, не заявили ничего другаго, кромѣ дѣла объ (арх)іереѣ—изъ страха предъ Гуннами Утургурами; но въ тайномъ свиданіи объяснили всѣ выгоды, которыя имперія могла получить, возбуждая столкновенія среди сосѣднихъ варваровъ. Теперь я скажу о томъ, откуда переселились сюда Тетракситы и какимъ образомъ здѣсь утвердились.

«Прежде эти области были занимаемы большими толпами Гунновъ, называвшихся тогда Климерійцами и уже упомянутыхъ мною; они всѣ находились подъ властію одного государя. У одного изъ этихъ государей родилось два сына, изъ коихъ одинъ назывался Утургуръ, а другой Кутургуръ. По смерти своего отца, сыновья раздѣлили между собою власть и сообщили свои прозванія управляемымъ ими народамъ: и до сего времени одни называются Утургурами, а другіе Кутургурами. Всѣ они жили здѣсь вмѣстѣ, имѣя одни и тѣ же учрежденія, но не вступая въ сношенія съ другими людьми, обитавшими на другой сторонѣ Мэотійскаго болота и вытекающаго изъ него рукава. Они никогда не переступали за эти воды и не подозрѣвали, что переходъ черезъ нихъ возможенъ; они страшились того, что было совершенно удободоступнымъ. А послѣ перехода

Мэотиды и вытекающаго изъ нея пролива тотчасъ на самомъ берегу его жили прежде такъ называемые Готы Тетракситы, о которыхъ я ужъ упоминалъ. Гораздо дальше были расположены Готы (то есть, Ость-Готы) и Визиготы, Вандалы и другіе Готскіе народы». (Далѣ идетъ рѣчь объ извѣстной сказочной лани, которая указала Гуннамъ переходъ черезъ воды Мэотиды). — «Напавъ (послѣ перехода чрезъ Мэотиду) на Готовъ, тамъ обитавшихъ, Гунны однихъ перебили, другихъ заставили выселиться и овладѣли территоріей. Изъ нихъ Кутургуры вызвали къ себѣ дѣтей и женъ и основались тамъ, гдѣ живутъ и въ мое время. Они каждый годъ получаютъ большіе дары отъ императора и, переходя рѣку Истръ (Дунай), дѣлаютъ набѣги на Римскія владѣнія, бывая въ одно и то же время и врагами, и союзниками Римлянъ. А Утургуры съ своимъ предводителемъ собрались въ обратный путь домой, гдѣ они стали бы теперь жить одни. Когда они очутились вблизи Мэотійскаго болота, то встрѣтились съ Готами Тетракситами. Готы сначала, оградившись щитами, стали насупротивъ наступающимъ, какъ бы намѣреваясь защищаться, въ надеждѣ на свою силу и крѣпость самой позиціи. Они могутъ считаться самыми мужественными изъ тамошнихъ варваровъ; а рукавъ, идущій изъ Мэотиды, въ самомъ началѣ (своемъ), гдѣ тогда жили Готы Тетракситы, образуя лунообразный заливъ, ограждалъ ихъ наилучшимъ образомъ, оставляя для нападающихъ только одинъ и притомъ не очень широкій входъ. Но потомъ (такъ какъ ни Гунны не желали терять здѣсь времени, ни Готы не могли ни въ какомъ случаѣ рассчитывать на возможность противостоятъ на долгое время такому множеству враговъ) они вошли между собою въ такое соглашеніе, чтобы соединившись сдѣлать переходъ сообща и вмѣстѣ, а чтобы затѣмъ Готамъ поселиться на противоположномъ материкѣ на самомъ берегу рукава (то есть, пролива), гдѣ они и теперь еще сидятъ, и чтобы, сдѣлавшись на будущее время друзьями и союзниками Утургуровъ, жить съ ними впредь на вѣчныя времена на однихъ и тѣхъ же взаимныхъ правахъ. Такимъ-то образомъ эти Готы основались здѣсь».

Сколько-нибудь внимательное чтеніе приведенныхъ отрыв-

ковъ изъ географическаго очерка, принадлежащаго Прокопію, не оставитъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что, по его представленію, Готы Тетракситы жили сначала, то есть, до гуннскаго нашествія 376 года, на западной сторонѣ Азовскаго моря и Керченскаго пролива, можетъ быть — по сосѣдству съ Воспоромъ, гдѣ они по нѣкоторымъ соображеніямъ должны были находиться съ 275 года по Р. Хр., и что только впоследствии они вмѣстѣ съ одною вѣтвію Гунновъ, возвращавшихся въ первобытную свою родину, перешли проливъ Керченскій и утвердились, какъ прямо и рѣшительно выражается нашъ текстъ, — на материкѣ (р. 506, 22: ἐν τῇ ἀντιπέρας ἡπείρῳ), на противоположащемъ его берегу, гдѣ они и оставались во времена писателя. Согласно съ этимъ, продолжая свой географическій обзоръ далѣе, Прокопіи снова говоритъ, что нужно перейти Мэотиду и рѣку Танаисъ, чтобы вступить во владѣнія Гунновъ Кутургуровъ, въ страну Тавровъ и Скивовъ, то есть, въ Крымъ, гдѣ находится и приморскій городъ Воспоръ, а затѣмъ Херсонъ и т. д. (см. р. 507, 9 sq.). Согласно съ этимъ въ другомъ мѣстѣ (IV, 18) говорится, что когда Юстиніанъ коварными внушеніями и подарками склонилъ Утургуровъ напасть съ тылу на соплеменныхъ имъ Кутургуровъ, вторгнувшихся въ 551 году въ Римскія владѣнія за Дунаемъ, то какъ Утургуры, такъ и сосѣди, а равно союзники ихъ и участники въ походѣ Готы Тетракситы должны были прежде всего перейти Донъ (р. 583, 19 sq. διέβησαν πανδημίε ποταμὸν Τάναϊν), чтобы привести въ исполненіе полезную Византіи диверсію.

Географическій очеркъ черноморскихъ странъ, находящійся въ Исторіи Готской войны Прокопія, весьма во многомъ, а главное — и въ интересующемъ насъ вопросѣ разъясняется недавно открытою и напечатанною (Fragm. histor. Graec., V, р. 179 sqq.), прежде неизвѣстною частію Перипла Чернаго моря, принадлежащаго анониму. Свѣдѣнія, сообщаемыя здѣсь, тѣмъ болѣе для насъ имѣютъ цѣны, что они принадлежатъ почти современнику Прокопія. Вотъ чтò мы находимъ здѣсь относи- 108 тельно описанныхъ Прокопіемъ побережій Чернаго моря выше Абхазіи:

§ 15 sq. «Рѣка Ахэунтъ иначе называется Васисъ и раздѣ-

ляетъ Зикховъ и Саниховъ. Отъ Ахэунта рѣки до Аваска рѣки живутъ Санихи»: Οὗτος ὁ ποταμὸς Ἀχαιοῦς [λέγεται Βάσις καὶ] διορίζει Ζιχοὺς καὶ Σανίχας. Ἀπὸ οὗν Ἀχαιοῦντος ποταμοῦ ἕως Ἀβάσκου ποταμοῦ Σάνιχες οἰκοῦσιν.

Замѣтимъ, что Санихи, безъ сомнѣнія, болѣе правильное названіе, чѣмъ Сагиды или Сагины Прокопія, такъ какъ у Арріана (Peripl. Ponti Eux., 15: Geographi graeci minores, I, p. 379), а равно у историка Мемнона (Fragm. histor. graec., III, 555) тоже читается Σανίγαι, Σάνηγας (въ accusat.); наоборотъ, уже самое присутствіе вариантовъ подвергаетъ подозрѣнію исправность текста у Прокопія.

§ 20. «Отъ гавани Пагры до древней Ахаіи прежде жили такъ называемые Ахейцы, а теперь живутъ Зихи (Ζιχοί = Джигеты)».

Гавань Пагра (Πάγρας λιμὴν, Paerae portus), о которой выше (§ 19) было сказано, что она «нынѣ» называется Эпталовою (τὸν νῦν λεγόμενον Ἐπτάλου λιμένα), теперь, то есть, уже въ XIX столѣтіи, носитъ имя Геленджика.

§ 21. «Отъ пристани Эптала до Священной пристани, нынѣ называемой Никакси, стадій 180, миль 24. Отъ Священной пристани до Синдики (или Синдикійской пристани нынѣ называемой Евдусіей) стадій 290, миль 40»: Ἀπὸ δὲ Ἐπτάλου λιμένος εἰς τὸν Ἱερὸν λιμένα (τὸν νῦν λεγόμενον Ἱερίου ἤτοι τὸ Νίκαξιν) στάδιοι ρπ', μίλια νδ'. Ἀπὸ δὲ Ἱεροῦ λιμένος ἤτοι Νίκαξιν εἰς Σινδικήν (ἤτοι Σινδικήν λιμένα, νῦν δὲ λεγόμενον Εὐδουσίαν) στάδιοι σή, μίλια μ'.

Священная пристань есть Суджакъ около Новороссійска подлѣ Мишкакки (= Νίκαξιν), а пристань Синдики есть несомнѣнно Анапа съ своимъ портомъ. Итакъ, въ VI вѣкѣ Евдусіей называлась теперешняя Анапа. Такъ какъ у Прокопія и здѣсь рѣчь идетъ объ однихъ и тѣхъ же мѣстахъ, то сама собою представляется догадка, что Евлисія въ довольно неисправномъ текстѣ Прокопія находится въ близкомъ родствѣ съ Евдусіей Анонима. Пойдемъ, однако, далѣе.

§ 22. «Отъ Синдики до Пагры прежде жили народы, называемые Керкетами (= Черкесами) или Ториками, а теперь живутъ такъ называемые Евдусіане, которые говорятъ гот-

скимъ и таврскимъ языкомъ»: Ἀπὸ οὖν Σινδικοῦ λιμένος ἕως Πάγρας λιμένος πρώην φῶχουν ἔδνη οἱ λεγόμενοι Керχέται ἤτοι Το- 109 ρίται, νῦν δὲ οἰκοῦσιν Εὐδουσιανοὶ λεγόμενοι, τῇ Γοτθικῇ καὶ Ταυρικῇ χρώμενοι γλώττῃ.

Итакъ, Евдусіей, то есть, страну, въ которой жили Евдусіане, могла называться не только Анапа, но и все пространство отъ Геленджика до Анапы. Весьма любопытны жители этой области, говорившіе, повидимому, какимъ то смѣшаннымъ языкомъ — гототаврскимъ¹⁾. Второй, менѣе извѣстный составной элементъ такого нарѣчія ближе опредѣляется въ другомъ (уже прежде изданномъ и давно извѣстномъ) мѣстѣ того же анонимнаго писателя-географа. По его словамъ, городъ Θεοδοσία (въ Тавридѣ) въ его время называлась на языкѣ аланскомъ или таврическомъ Аврада, что значило «семибожная». Аланскій языкъ, какъ извѣстно, есть языкъ Ясовъ или Осетинцевъ, принадлежащій къ семьѣ языковъ Иранской вѣтви. Здѣсь, слѣдовательно, мы имѣемъ одинъ частный фактъ, указывающій на возможность сожительства и даже сліянія между Германскими или точнѣе Готскими элементами и разными отдѣлами большой иранской народности Аланъ, и такимъ образомъ объясняющій многое, что до сихъ поръ кажется загадочнымъ въ исторіи переселенія народовъ. Евдусіане, говорящіе языкомъ готскимъ и таврскимъ, аланскимъ — тоже, не суть ли тѣ загадочные Валаготы, Валан-Готы, которые встрѣчаются въ средневѣковыхъ родословіяхъ VI вѣка по Р. X.²⁾, или же тѣ Гот-аланы, о которыхъ какіе-то темные слухи дошли даже до времени Иосафата Барбаро³⁾? И не родственны ли они, съ дру-

1) Anonymi periplus Ponti Eux. § 51 (Geogr. gr. min., I, p. 415 Mull.): Νῦν δὲ λέγεται ἡ Θεοδοσία τῇ Ἀλανικῇ ἤτοι τῇ Ταυρικῇ διαλέκτῳ Ἀρδάβδα, τοῦτέστιν ἑπτὰθεος. Мюлленгофъ (Deutsche Altertumskunde, III (1892), 114) объясняетъ это такъ: ἄβδα = зендск. hapta = греч. ἑπτὰ, санскр. sapta, ард = зендск. eredhwa, высоскій, персидск. arda, лат. arduus, и находитъ, что лучше читать: Ἀβδαρδα или Ἀβδάρδα. (Ср. В. О. Миллеръ, Осетинскіе этюды, III (въ Уч. Зап. Имп. Моск. Унив., отд. ист.-филол., вып. 8), стр. 76 сл. — Tomaschek въ Pauly-Wissowa Real-Encyclop. подъ сл. Abdarda.)

2) Въ такъ называемомъ «Generatio regum et gentium», составленномъ въ Галліи около 520 года (см. Müllenhoff, Germania ant., p. 163 sq.), читается: Erminus genuit Gotos [Walagotus] Wandalus Gepedes и т. д. Или по другимъ спискамъ: Gothos Walagothos и т. д.; и: Butes Gualangutos и т. п

3) Путешествіе Иосафата Барбаро въ Библиотекѣ иностранныхъ

гой стороны, нашимъ прежнимъ знакомцамъ, Ворадамъ и Вора-
намъ, такъ какъ гора Варадасъ, облегающая Геленджикскую
бухту, и текущая неподалеку быстрая рѣчка Вуланъ невольно
заставляютъ о нихъ вспомнить¹⁾.

110. Возвращаемся къ своему предмету, то есть, къ Евлѣсїи
Прокопія. Она, также какъ и Евдусія Анонима, начинается
выше Сагидовъ-Саниховъ, но доходить не до Анапы только, а
до самыхъ устьевъ Дона въ Азовское море, гдѣ живутъ Утур-
гуры. Подлѣ (παρά), то есть, съ боку и параллельно этой Евли-
сїи, у самага пролива, соединяющаго Мэотійское болото съ Чер-
нымъ моремъ, живутъ Готы Тетракситы. Суть ли Готы Те-
тракситы Прокопія одно и то же съ Гот-Аланами и Валан-Го-
тами Анонима, мы не можемъ сказать рѣшительно; мы скорѣе
склонны думать, что это два разные отпрыска Готскаго пле-
мени, хотя и сосѣдніе и близкіе другъ къ другу. Но во всякомъ
случаѣ слѣдуетъ признать, что жилище Готовъ Тетракситовъ
находилось, по Прокопію, нѣсколько выше Анапы и ближе къ
Керченскому проливу, другими словами — къ Таманскому полу-
острову, гдѣ впоследствии сдѣлалась знаменитою Тмутаракань,
любимое мѣсто убѣжища русскихъ князей-изгоевъ.

Послѣ этого самъ собою представляется вопросъ, нѣтъ ли
какой связи между двумя столь близкими по звукамъ названіями,
относящимися притомъ къ одной и той же мѣстности, то есть,
не произошло ли названіе Тмутаракани отъ населявшихъ ее
Тетракситовъ, или лучше: не ведутъ ли оба названія свое
происхожденіе отъ одного общаго корня? Такъ какъ до Проко-
пія новыя названія Черноморскихъ странъ и народовъ вообще
дошли, повидимому, посредствомъ чужихъ ушей и усть, то всего
скорѣе можно предположить, что именно въ его книгѣ находится
искаженіе, если искаженіемъ позволительно назвать превраще-
ніе неблагозвучнаго и непонятнаго «Тметракситы» въ болѣе по-
гречески звучащее и болѣе осмысленное «Тетракситы». Позд-
нѣйшимъ Грекамъ, уже прислушавшимся къ названію малень-

писателей о Россіи В. Семенова, I, стр. 55 и 94: Da questa vicinà de' Gothi
con Alani credo, che sia derivato il nome di Gothalani.

1) Ф. К. Брунъ, «Черноморье, II, стр. 265.»

кой Готской области неподалеку отъ ихъ Херсона, оно все-таки казалось страннымъ, и они то раздѣляли, разлагали его на двѣ части: τὰ Μάτραχα, τῶν Μάτρᾶχων, откуда произошли латинскія Matrīca, Matercha и т. п., то опять принимали за одно цѣльное слово (τὸ Ταμάταρχα, у Константина Багрянороднаго).

Новѣйшія филологическія объясненія имени Тетракситовъ, а равно и слова «Тмутаракань», никакъ нельзя считать удачными и прочными. Въ объяснительномъ глоссаріи Гуго Гроція, напечатанномъ при изданіи Юрнанда (Юрдана) въ первомъ томѣ Мураторіева собранія, читается слѣдующее любопытное толкованіе: «Tetraxitae, Tetraugsitten, sub induciis sedentes, quod nomen greca voce ἐχεχειριεῖς reddidit, additque Scylaci, ut multa alia, 111 exscriptor aliquis. Gothica gens quietis amans ad Pontum Euxinum. Sic dicti ab Uturguris». Объясненіе должно быть названо весьма остроумнымъ, если только отбросимъ предположеніе, что названіе дано Утургурами. Тетракситы значило бы «мирные» (ἔνσπονδοι), происходило бы отъ готскаго: du (= zu), triggua (= treuga) и sitan (sitzen), притомъ соотвѣтствовало бы по значенію греческому ἐχεχειριεῖς. Впрочемъ, Гуго Гроціи совершенно ошибался относительно послѣдняго пункта. «Екехиріи» (Ἐχεχειριεῖς у Скилака и Мениппа) существовали на самомъ дѣлѣ и независимо отъ Тетракситовъ; ихъ жилища приходятся совершенно на другое мѣсто и никакъ не совпадаютъ съ тетракситскими: именно они живутъ въ Лазистанѣ, на югъ отъ рѣки Чороха (Аноупи Periopl., Fragm. histor. graec., V, 1, p. 174, гдѣ указаны соотвѣтствующія мѣста у Мениппа и Скилака). Производство отъ тетράχης, котораго держатся Массманъ (въ изданіи Вульфилы), А. А. Куникъ и Н. П. Ламбинъ, также весьма сомнительно и въ филологическомъ, и въ историческомъ отношеніи. Оно основано на томъ предположеніи, что четыре посла, отправленные Тетракситами къ Юстиніану (см. выше текстъ Прокопія), соотвѣтствовали четыремъ отдѣльнымъ областямъ Готской тетрархіи, хотя на это нигдѣ нѣтъ никакого намека, хотя странно такое мелкое дѣленіе и безъ того не крупнаго государства, хотя, наконецъ, выходило бы, что Готы назывались греческимъ именемъ.

Что касается названія Тмутаракани, то наиболѣе подходящимъ толкованіемъ до сихъ поръ было то, которое находило

туть сложное: Таматархань, сжатое Византіями въ Таматарха и потомъ по невѣдѣнію выражаемое на письмѣ чрезъ τὰ Μάταρχα, а оттуда Тамань.

Утверждая тожество Тмутаракани и земли Тетракситовъ, мы не пускаемся въ дальнѣйшее словопроизводство и довольствуемся замѣчаніемъ, что для обѣихъ этихъ словъ достаточно будетъ одного объясненія, хотя бы изъ вышеприведенныхъ¹⁾.

112 Тожество земли Тетракситовъ съ Тмутараканью, если оно будетъ признано несомнѣннымъ, послужитъ не только къ объясненію «Готскихъ дѣвицъ на берегу Сянго моря», о которыхъ говорится въ Словѣ о полку Игоревѣ, но и къ разъясненію другихъ весьма важныхъ и загадочныхъ пунктовъ въ древнѣйшей русской исторіи, особенно если мы признаемъ уже защищаемую другими дальнѣйшую тожественность Тмутараканской Руси съ Азовско-Черноморскою Русью Арабовъ, и будемъ къ ней относить извѣстія Ибн-Даста и Мукадесси о Руси, живущей на лѣсистомъ, болотистомъ и нездоровомъ островѣ²⁾, такъ какъ и въ русскихъ источникахъ Тамань называется Тьмутороканьскимъ островомъ³⁾. А Черные Болгары, которые упоминаются у Константина Багрянороднаго и въ русскихъ договорахъ съ Греками, будутъ остатками тѣхъ Утургуровъ, которые жили въ дружбѣ и сосѣдствѣ съ Готами-Тетракситами. Другая недалекая «Росія», упоминаемая на ряду съ Тмутараканью въ византійской грамотѣ XII вѣка (ἄνευ τῆς Ῥωσίας καὶ Ματράρχου), то есть, извѣстный также и Арабамъ городъ Rûsia на Азовскомъ морѣ, неподалеку отъ лѣваго берега Дона (Тана), можетъ точно такъ же считаться отголоскомъ еще Готской старины, когда здѣсь была восточная граница Ость-Готовъ, или, какъ они себя называли, Грейтунговъ, Гроѳинговъ (Hrôdhgot — овъ?).

1) Что касается «Тмутараканскаго болвана», то къ разъясненію посажденнаго слова можетъ служить слѣдующее никѣмъ не замѣченное мѣсто въ грамотѣ короля Коломана Венгерскаго Веспримскому монастырю (1108 года). Опредѣляются границы монастырской земли: «deinde vadit ad monticulum, et ibi stat meta lapidea, quae balvan vocatur». G. Fejér, Cod. diplomat. Hung., II, p. 48. Ср. также средневѣковое Bolvan, теперь развалина и село Вѳанъ близъ Делиграда въ Сербіи: Jireček, die Heerstrasse, p. 20.

2) См. Д. И. Иловайскаго, Разысканія, изд. 2, стр. 55.

3) См. Патерикъ Печерскій въ изд. В. А. Яковлева: Памятники русской литературы XII и XIII вѣковъ, стр. XVIII.

3.

Судьбы Таврических Готовъ до конца VIII вѣка.

Соображая свидѣтельства писателей и всѣ другія данныя, которыми мы располагаемъ, и которыя были приведены или указаны въ предшествующемъ изложеніи, мы должны прійти къ такому заключенію, что Готскія племена, утвердившись въ Тавридѣ еще въ III столѣтіи, — не позднѣе первой половины слѣдующаго вѣка, а именно около 336 года, когда прекращаются монеты Воспорскихъ царей, захватили въ свои руки всѣ владѣнія этихъ династовъ на полуостровѣ и разрушили ихъ государство, оставивъ свободнымъ развѣ только самый городъ Пантикапею¹⁾. Затѣмъ, когда сюда проникли гунно-болгарскія полчища, Готы принуждены были очистить предъ ихъ напоромъ все пространство между Воспоромъ и Херсономъ и, съ одной стороны, перешли на другую сторону Киммерійскаго пролива, а съ другой — удержались на самомъ югѣ полуострова, подъ при- 113
крытіемъ горныхъ кряжей. Они были такимъ образомъ отрѣзаны не только отъ Вест-Готовъ, которые въ 376 году, спасаясь отъ тѣхъ же самыхъ Гунновъ, ушли за Дунай въ предѣлы Римской имперіи, но и отъ ближайшихъ своихъ сородичей, Грейтунговъ: когда эти послѣдніе, уже по распаденіи державы Атиловой, переселились изъ Припонтійскихъ областей въ Паннонію, Крымскіе Готы не послѣдовали за ними, а остались въ своихъ отдаленныхъ двухъ углахъ²⁾. Отчасти благодаря своему отчужденію отъ остальныхъ вѣтвей Готскаго племени, они удержали также и ту первоначальную форму христіанскаго исповѣданія, которая перенесена была на сѣверные берега Чернаго моря благочестивыми плѣнниками изъ Каппадокіи и Галатіи. Въ концѣ IV вѣка Готы, обитавшіе около Воспора Киммерійскаго (Керченскаго пролива), имѣли своего епископа; они поддерживали связи съ Константинополемъ и патриархомъ. Зна-

1) Эту послѣднюю оговорку относительно Пантикапеи заставляеть сдѣлать буквальный смыслъ словъ Прокопія.

2) Прокопій выражается не совсѣмъ точно, что Таврическіе Готы не послѣдовали за Теодорихомъ Ост-Готскимъ.

менитый учитель восточной церкви, Иоаннъ Златоустъ, принимавшій особенное участіе въ православной общинѣ Готовъ въ Константинополѣ, гдѣ онъ выслушивалъ готскихъ проповѣдниковъ, говорившихъ на своемъ языкѣ, а иногда и самъ обращался къ чужеплеменникамъ съ проповѣдью (черезъ переводчиковъ)¹⁾, точно такъ же считалъ близкимъ дѣломъ души своей вопросы, касающіеся судебъ отдаленной церкви германской въ Тавридѣ, для которой онъ посвятилъ епископа Унилу. Имя заставляеть предполагать природнаго Гота, и если мы возьмемъ во вниманіе постоянную и въ высшей степени гуманную практику восточной церкви въ отношеніи къ народнымъ языкамъ и, сверхъ того, самое положеніе вещей, которое заставляло заботиться о томъ, чтобъ аріанская готская церковь не имѣла особыхъ преимуществъ и привлекательности предъ православною, — то придемъ къ заключенію, что Воспорскіе Готы также отправляли богослуженіе на своемъ языкѣ и читали Священное Писаніе въ переводѣ Вульфилы, заключавшемъ въ себѣ развѣ только одно неправославное мѣсто, подлежащее исправленію. Въ позднѣйшія времена мы встрѣчаемъ готскій языкъ въ числѣ имѣющихъ книги, когда уже нигдѣ, кромѣ Крыма и, быть можетъ, Малой Скіевіи, или Добруджи, съ ея тоже православными 114 преданіями, не было слышно готской рѣчи. Многое заставляеть думать, что «русскія письмена», которыми были написаны отысканные св. Кирилломъ въ Херсонѣ Евангеліе и Псалтырь, были именно готскія письмена, что здѣсь слово «русскій» замѣнило эпитетъ «готскій», точно такъ же, какъ это можетъ быть замѣчено и въ другихъ случаяхъ.

Въ первой половинѣ VI вѣка на Таврическомъ полуостровѣ и по сосѣдству съ нимъ господствуютъ всецѣло гунно-болгарскія племена, которыя овладѣли было и городомъ Пантикапеей, теперь называемою по имени прежняго государства Воспоромъ (Керчью). Однако, уже при Юстинѣ I Воспоръ сдѣлался снова свободнымъ и, признавъ покровительство римскаго императора, все еще остается очагомъ цивилизаціи и просвѣщенія для поселившихся по сосѣдству на полуостровѣ гуннскихъ пле-

1) См. Migne, Patr. gr., 53, 501.

мень¹⁾. Здѣсь производилась мирная торговая мѣна между варварами и мѣстными купцами изъ Грековъ или же Евреевъ, такъ какъ эти послѣдніе тоже распространялись здѣсь съ самыхъ древнихъ временъ; отсюда шли вліянія, которыя, въ правленіе Юстиніана, заставили одного гунпскаго князя, именуемаго Гродомъ, собраться въ Константинополь для принятія крещенія. Вскорѣ затѣмъ на рынкѣ воспорскомъ явился новый видъ товара: перелитыя въ слитки изображенія идоловъ были размѣнены на византійскую серебряную монету. Однако, старые боги, хотя и разбитые въ куски, нашли за себя мстителей: произошла реакція, возбужденная жрецами. Гродъ былъ убитъ. Такъ какъ можно было опасаться, что изъ Воспора послѣдуетъ наказаніе за убійство императорскаго крестника, то Гунны бросились на слабо охраняемый городъ, произвели въ немъ рѣзню и овладѣли имъ, впрочемъ не на долго. Юстиніанъ принялъ свои мѣры: отправлена была съ начала готская помощь, затѣмъ послѣдовали большія войска сушей и моремъ, и Воспоръ былъ возвращенъ²⁾. Извѣстно, что потомъ городъ получилъ новыя укрѣпленія и упроченъ былъ за имперіей надолго. Вообще, какъ уже мы знаемъ изъ Прокопія, Юстиніанъ, не смотря на громадныя и сложныя задачи, преслѣдуемая на западѣ, не выпускалъ изъ виду сѣверо-восточныхъ предѣловъ своей имперіи, гдѣ шла борьба съ Персами. Подчинивъ своей власти всю прибрежную полосу Черваго моря, съ прилежащими горными провинціями,

115

1) Procop. de bello Persico, l. I c. 12, p. 57, 4 Haug. Ср. Г. С. Дестуниса Комментаріи къ русскому переводу «Прокопія Кесарійскаго», стр. 144. Почтенный комментаторъ, оказавшій своимъ трудомъ такую большую услугу русской наукѣ, на этотъ разъ упустилъ изъ вниманія рассказъ Малалы о Гродѣ (слѣдующій здѣсь ниже), который вполне разъясняетъ всѣ противорѣчія.

2) Ioannis Malalae Chronograph., l. 18, p. 431 sq. Bonn.; Theoph. Chronograph., p. 175 sq. de Boor.; Historia Miscella: Muratori, Script. rer. Italic., t. I, p. 104. Въ передачѣ именъ и фактовъ мы держимся болѣе первоначальнаго источника, то есть, Малалы. У него князь Гунновъ, принявшій крещеніе, называется Гродъ, а братъ его Моуѣлъ; у Теофана: Гордѣс и Моуѣгерис; въ Histor. Miscella: Rex Hunnorum nomine Gorda и т. д. Скиеская помощь у Теофана, изъ которой безъ всякой нужды дѣлаютъ славянскую, въ наиболѣе древнемъ источникѣ названа готскою: *ματὰ βοθητῆας Γοτθικῆς*. Ср. Д. И. Иловайскаго, Разысканія, стр. 234 втор. изд., и Забѣлина, Исторія русской жизни, стр. 444 сл. втор. изд. Въ одномъ изъ этихъ сочиненій Гордъ посредствомъ «или» превращается въ Гордаго и въ обоихъ, конечно, считается Славяниномъ.

почти до теченія рѣки Кубани, Юстиніанъ старался упрочить господство христіанства между Лазами и Абхазами. Для того онъ основалъ епархію и церковь лазо-абхазскую, центромъ и каедрою которой долженъ былъ сдѣлаться великолѣпный храмъ Богородицы, выстроенный имъ на берегу Чернаго моря, въ городѣ Пицундѣ или Никопсіи, и теперь называемый Битчвинтскимъ¹⁾. Вотъ именно это учрежденіе новой (Никопсіейской) духовной провинціи въ землѣ Абхазовъ и подало поводъ Готамъ Тетракситами, закубанскимъ ихъ сосѣдямъ, заявить и съ своей стороны желаніе о полученіи епископа отъ руки императорской. Не трудно догадаться, что рѣчь шла о замѣщеніи Фанагорійской каедры, существованіе которой обнаруживается разъ въ 519 году, а затѣмъ продолжается впоследствии уже подъ именемъ Тмутараканской (τῶν Ματάρχων), то есть, чтѣ то же, Тетракситской²⁾. Издавна вѣрные союзники и хорошіе христіане, Готы Таврическіе также входили въ общую систему заботливаго охраненія границъ имперіи: горные проходы, ведущіе на ихъ территорію, именуемую Дори, были, какъ мы уже знаемъ, заграждены особаго рода засѣками или преградами.

Вскорѣ затѣмъ, еще при жизни Юстиніана, на восточной сторонѣ Азовскаго и Чернаго морей, между Дономъ и Волгой, обнаружилось новое движеніе финско-турскихъ племенъ. Аварская орда, оставившая такую тяжелую память въ славянской исторіи, придвинулась, въ числѣ двадцати тысячъ человекъ, къ Климмерійскому проливу³⁾. Въ 558 году, когда Юстиніанъ при-

1) Procop. de bello Goth., IV, 3, p. 500, 4 Naur. То же самое въ Церковной исторіи Евагрія (IV, 22). Ср. Grosset, Histoire de la Géorgie, I, 213; Гобронъ Сабининъ, Исторія грузинской церкви, стр. 107 сл. <В. В. Латышевъ, Къ исторіи христіанства на Кавказѣ (отд. отд. изъ Сборника въ честь гр. А. А. Бобринскаго), стр. 4 сл. и 8>. Вопросъ объ архитектурѣ и времени основанія теперешняго Битчвинтскаго или Пицундскаго храма, древностію котораго, хотя и реставрированною, гордится Кавказъ, разбирается въ учебномъ изслѣдованіи Н. П. Кондакова: Древняя архитектура Грузіи. Москва, 1876.

2) Фанагорійскій епископъ Іоаннъ подписался подъ опредѣленіемъ Царградскаго собора 519 года. Le Quien, Oriens christianus, I, 1328; Макарій, Исторія христіанства въ Россіи до равноап. князя Владиміра, стр. 80 втор. изд.

3) Euagrii Histor. eccles., I, V, cap. 1: ἐπὶ τὸν Βόσπορον ἀφίκοντο καὶ τὴν ἡύνα τοῦ Βύζαινου καλουμένου Πόντου καταλιπόντες -- τὴν πόρευσιν ἐποιοῦντο -- μέχρις οὗ τὰς ἡύνας τοῦ Ἰστρου καταλήψασιν. То же самое въ прославленной

нималъ въ первый разъ посольство аварскаго кагана, искавшаго дружбы и союза, а также и земли для поселенія въ предѣлахъ имперіи, весь городъ сбѣжался смотрѣть на новый образчикъ варварства, способный удивить давно привыкшую ко всякимъ такого рода зрѣлищамъ столицу. «Были Обры тѣломъ высоки и умомъ горды». Когда ихъ «громадные члены» наполняли императорскій дворець, и ихъ косматыя головы повергались ницъ на посланныхъ предъ трономъ коврахъ, тогда видно было только первое:

in facies cecidere suas, stratosque tapetas
fronte terunt, longisque implent spatiosa capillis
atria et Augustam membris immanibus aulam¹⁾.

Но вскорѣ Греки познакомились какъ съ коварствомъ, такъ съ высокомеріемъ и дерзостью своихъ новыхъ союзниковъ, а равно и съ ихъ хвастливостью (*ventosis inflata superbia verbis*). Считаясь союзниками имперіи, получая ежегодные подарки, впрочемъ, болѣе скромные, чѣмъ другіе мнимые друзья Византіи, Авары оставались въ своихъ припонтійскихъ жилищахъ только до временъ Юстина II (565 г.). Двигаясь отъ Воспора Киммерійскаго, они покорили Антовъ, поработили другихъ Славянъ, усилились присоединеніемъ родственныхъ племенъ и ушли далѣе на югъ и на западъ.

Турецко-хазарскій каганъ, считавшій Аваровъ своими бѣглыми рабами, говорилъ, что если онъ пошлетъ свою лошадиную плеть, то при видѣ ея они готовы будутъ бѣжать на край свѣта²⁾. Авары были поводомъ къ первому знакомству и къ первой обсылкѣ посольствами между такъ называемыми «восточными Турками», позднѣйшими Хазарами, и Византійцами³⁾. Вскорѣ затѣмъ Турко-Хазары начинаютъ распространять свои завоеванія на западъ отъ Каспійскаго моря и угрожаютъ за- 117

Фальмерайеромъ Монемавасинской хроникѣ: *Γένος οἱ Ἀβάρες ἔθνος Οὐνικόν καὶ Βουλγάριον - τὸν αἰγιάλον τοῦ Εὐξείνου διαβάντες ἀφίκοντο ἐπὶ τὸν Βόσπορον.* Pasini, Codic. manuscript. Biblioth. Taurinensis, p. 417. *«Ἄμπρος, Ἱστορικὰ Μελετήματα, p. 98».*

1) Corippi in laud. Iustini minor., III, v. 261—263. 317.

2) Menandri fragm. (Histor. gr. min. ed. Dindorf, vol. II, p. 87).

3) Theophan. Byzant. fragm. (ibid. vol. I, p. 447).

хватомъ греческихъ владѣній на берегахъ Босфора Киммерійскаго и въ Тавридѣ. Уже при Тиверіи, преемникѣ Юстина II, имперія вступаетъ съ ними въ дружелюбныя сношенія съ цѣлію найти въ нихъ союзниковъ противъ Персовъ. Одно изъ такихъ посольствъ прибыло въ 579 г. изъ Синона въ городъ Херсонъ, чтобъ южнымъ берегомъ и чрезъ городъ Фуллы, вѣроятно, уже тогда принадлежавшій Готамъ, отправиться далѣе по направленію къ Воспору¹⁾. Но именно въ то время, какъ посольство, долженствовавшее обезпечить имперскія границы, вело переговоры съ турецкимъ властителемъ Турксанеомъ, онъ отправилъ своихъ подручниковъ и воеводу для завоеванія города Воспора (Керчи)²⁾, который и взятъ былъ въ скоромъ времени³⁾. Мы узнаемъ изъ переговоровъ римско-византійскаго кесаря съ аварскимъ каганомъ, что черезъ годъ Турко-Хазары уже грозили Херсону и стояли лагеремъ въ виду этого богатаго и почтеннаго своею древностію города (581 г.)⁴⁾, хотя и не успѣли взять его.

Извѣстно, что въ слѣдующемъ столѣтіи, во время борьбы императора Ираклія съ Персами и Аварами, Хазары были лучшими союзниками византійскаго императора. По армянскимъ древнимъ историкамъ, еще во-очію знакомымъ съ позднѣйшими ихъ потомками, можно судить о томъ, какое впечатлѣніе произвели Хазары своимъ появленіемъ по ту сторону Кавказа. «Видя страшную опасность со стороны безобразной, гнусной, широколицей, безрѣсничной (?) толпы, которая въ образѣ женщинъ съ распущенными волосами устремила на нихъ, жители пришли въ содроганіе; особенно при видѣ мѣткихъ и сильныхъ стрѣлковъ, которые какъ бы сильнымъ градомъ одожили ихъ и,

1) Menandri fragm. (I. l. vol. II, p. 85, 5): διὰ τε Σινώπης καὶ Χερσῶνος -- ἔτι δὲ διὰ φύλων, κατὰ δὲ τὸ ψαμαθῶδες τῆς παρέθει τὰ ὄρη τῆς Ταυρικῆς. Въ этомъ испорченномъ мѣстѣ насъ болѣе всего интересуетъ φύλων; полагаемъ, что мы не ошибаемся, читая вмѣсто того Φούλων.—Διὰ Σινῶν, какъ предлагаетъ Мюллеръ, было бы слишкомъ далеко отъ существующаго написанія, а безъ исправленія не будетъ никакого смысла.

2) Id. (ibid. p. 89): Осаждали Воспоръ турецкій вождь Воханъ (Βώχωνος) и Анагей, князь гунно-болгарскаго племени Утигуровъ (= Утригуровъ).

3) Id. (ibid. p. 90): ἡ πόλις ὁ Βόσπορος ἤλω.

4) Id. (ibid. p. 125, 28).

какъ хищные волки, потерявшіе стыдъ, бросились на нихъ» и т. д. ¹⁾.

Такими Хазары казались во время войны; а вотъ въ какомъ ¹¹⁸ видѣ они изображаются при мирныхъ переговорахъ, когда дѣло шло о принятіи выкупа и подарковъ: «Тамъ мы видѣли ихъ сидящими, поджавши колѣна, какъ фаланги тяжело навьюченныхъ верблюдовъ; каждый имѣлъ при себѣ тазъ, наполненный нечистымъ мясомъ; при нихъ же сосуды съ соленою водою, куда они обмакивали мясо, когда ѣли. - - Тѣми же нечистыми, неумытыми, жирными (деревянными) ковшами торопливо изъ одной и той же чаши двое или трое изъ нихъ выливали въ ненасытные желудки свои, какъ въ надутые бурдюки, чистое вино или молоко верблюдовъ и лошадей» ²⁾.

Съ того времени, какъ около половины VII вѣка персидское царство Сассанидовъ смѣнилось арабскимъ халифатомъ, Хазары тотчасъ вступили въ ожесточенную борьбу съ мусульманскою державою и по прежнему оставались естественными союзниками Византіи. Въ 651 году полководецъ халифа Османа разбилъ на берегахъ Евфрата соединенныя ополченія Алановъ, Абхазовъ и Хазаровъ; но въ то же самое время другой мусульманскій вождь, проникшій въ глубь Прикавказья, встрѣтилъ за Дербентскимъ проходомъ при Беленджерѣ войско хазарское, подъ предводительствомъ самого хагана, и не только былъ разбитъ на голову, но и сложилъ тамъ свою голову вмѣстѣ съ 4,000 мусульманъ ³⁾. Въ 683 году, во время арабскихъ междоусобій, бывшихъ послѣдствіемъ перенесенія столицы изъ Мекки въ Дамаскъ, Хазары воспользовались удобнымъ случаемъ, чтобы совершить вторженіе въ закавказскія страны; они разорили Армению, Грузію и Албанію, увели громадное количество плѣнныхъ, убили армянскаго намѣстника Григорія, который правилъ отчизной отъ имени халифа, и князей двухъ другихъ вышеозначенныхъ земель ⁴⁾. Въ 693 году Хазары предприняли новую

1) Исторія Агванъ Мойсея Каганбатваца, въ переводѣ К. П. Патканова, стр. 105.

2) Тамъ же, стр. 125 сл.

3) D'Ohsson, Les peuples du Caucase, p. 49 сл. В. В. Григорьевъ, Обзоръ политич. исторіи Хазаровъ въ сборникѣ «Россія и Азія», стр. 53.

4) Исторія халифовъ Гевонда, въ переводѣ К. П. Патканова, стр. 10;

экспедицію, но были разбиты братомъ халифа Абд-ель-Малека.

О положеніи дѣлъ на западѣ хазарской державы мы имѣемъ крайне скудныя извѣстія за все это время. Видно только, что Хазары прочно утвердились на обѣихъ сторонахъ Керченскаго пролива и стояли твердою ногой на полуостровѣ въ сосѣдствѣ съ независимою пока Готіей и вольнымъ греческимъ городомъ Херсономъ. Въ половинѣ VII столѣтія (въ 654 г.) умеръ въ этомъ послѣднемъ римскій папа Мартинъ, отправленный сюда въ ссылку императоромъ. Судя по его письмамъ, въ которыхъ онъ — можетъ быть, и съ нѣкоторымъ преувеличеніемъ — жаловался на свое печальное положеніе, Херсонъ находился тогда въ крайне стѣсненномъ и бѣдственномъ положеніи. Чтò для насъ еще любопытнѣе, но также и не совсѣмъ понятно, папа Мартинъ сообщаетъ намъ, что «въ этой области обитали все язычники и люди, перешедшіе къ языческимъ обычаямъ»¹⁾; подразумеваются ли тутъ и сосѣдніе Готы, сохранявшіе еще суевѣрное почитаніе священныхъ деревьевъ, какъ это было въ фульскомъ языкѣ, сказать трудно. Исторія Юстиніана II Ринотмита, также сосланнаго въ херсонское изгнаніе, включаетъ въ себѣ нѣсколько ближайшихъ указаній на отношенія крымско-хазарскія. Увидѣвъ, что положеніе его въ Херсонѣ не безопасно, Юстиніанъ бѣжалъ въ городъ Доросъ, то есть, въ сосѣднюю Готію²⁾.

Отсюда съ нейтральной какъ бы территоріи, на которой онъ былъ не досягаемъ для прямыхъ покушеній со стороны византійскихъ властей, а въ то же время еще не находился во власти хазарскаго хагана, Юстиніанъ обратился съ своими просьбами

Асохикъ въ переводѣ Эмина, стр. 72. Ср. Brosset, Histoire de la Géorgie, I, 250.

1) Migne, Patr. lat., t. 87, col. 207, epist. XVII: Siquidem hi qui in hac regione habitant omnes gentiles existunt et gentiles mores accerperunt. Послѣ св. Константину, на вопросъ о мѣстѣ нахождения мощей св. Климента въ Херсонѣ, говорили, что «въслѣдствіе вторженій варваровъ то мѣсто опустѣло, храмъ оставленъ безъ вниманія, разрушенъ, большая часть той страны опустошена, необитаема». См. В. А. Вильбасовъ, Кирилль и Меѳодій, II, стр. 170.

2) Theorphan., p. 372, 30 de Boor.: εἰς τὸ Δαρῶς καθεδρῶν ἡτήσατο τοῦ τῶν Χαζάρων χαγάνου συνοψισθῆναι. Niceph., Breviar., p. 40, 22 de Boor.: εἰς τὸ φρούριον τὸ λεγόμενον Δόρος πρὸς τῇ Γοτθικῇ κείμενον χώρα ἀπέδρασεν.

къ этому послѣднему. Согласно съ собственнымъ желаніемъ и полученнымъ приглашеніемъ, низверженный императоръ прибылъ къ «царю сѣвера» и былъ принятъ съ большою благосклонностію. Онъ женился на родной сестрѣ хагана, которая ради того крестилась и стала называться Теодорою: любопытный, но не единственный фактъ, говорящій о хазарской вѣротерпимости и даже расположенности къ христіанству. Новобрачные поселились въ старинномъ христіанскомъ городѣ, въ той самой Фанагоріи, которая была какъ бы столицею земли Тетраакситской, или Тмутараканской, и мѣстопробываніемъ епископа Таматархейскаго. Однако, хазарскій хаганъ не устоялъ противъ искушеній, просьбъ и обѣщаній, которыми его оса- 120 ждали изъ Византіи, и не смотря на родство, продалъ своего гостя сопернику, занявшему его тронъ, даже самъ взялъ на себя обязанность устроить его смерть. Порученіе въ этомъ смыслѣ возложено было на хазарскаго правителя въ городѣ Воспорѣ, вмѣстѣ съ личнымъ уполномоченнымъ хагана, который находился въ Фанагоріи и носилъ, повидимому, греческое имя ¹⁾; оно не было приведено въ исполненіе, такъ какъ Теодора чрезъ одного изъ близкихъ слугъ хагана узнала объ опасности, угрожавшей ей мужу, и въ время предупредила его. Юстиніанъ, какъ извѣстно, въ 705 году воротилъ себѣ царство при помощи болгарской орды, кочевавшей тогда на Дунаѣ подь предводительствомъ князя Тервела ²⁾. Отношенія между хага-

1) Онъ назывался Папацемъ: Theorhan, p. 373, 8 de Boog.: τὸν Παπατζίου, τὸν ἐκ προσώπου αὐτοῦ ἐκείσε ὄντα. Онъ ли былъ начальникомъ стражи, присланной въ Фанагорію якобы для охраненія Юстиніана отъ «его собственныхъ единоплеменниковъ» (ὕπὸ τῶν ἰδίων ὁμοφύλων; но чьихъ именно?), — изъ Теофана нельзя понять. Болѣе краткій разсказъ патріарха Никифора (Breviair., p. 41) тоже не во всемъ ясенъ; несомнѣнно только то, что оба они имѣли предъ глазами одинъ и тотъ же источникъ. У Никифора Папацъ по имени не названъ, но за то обозначается выраженіями «близкаго (Юстиніану) человека и начальника единоплеменниковъ»: τῷ ἄρχοντι τῶν ὁμοφυλῶν. Не слѣдуетъ ли объяснять это извѣстнымъ принципомъ хазарскаго управленія, по которому для cadaго народа назначались особые судьи? Тогда Папацъ былъ бы княземъ или судьей Грековъ. Правитель Босфора (Юстиніану) носилъ имя Балгица (Theorhan, p. 373, 13: Βαλγίτζιν). Никифоръ, опять пропуская имя, дѣлаетъ (p. 41, 9), можетъ быть, не лишнюю значенія прибавку къ слову Воспоръ въ видѣ эпитета «Скиевскій»: τοῦ Βοσπόρου τοῦ Σκιδικοῦ.

2) Кромѣ Теофана, Никифора и латинской обработки Теофана, о Тервелѣ, или Тервелѣ, упоминаетъ еще армянская Исторія халифовъ Гевонда

номъ и византійскимъ императоромъ, между тестемъ и зятемъ нѣкоторое время были не вполне дружественны. Не извѣстно, по желанію ли самихъ Херсонцевъ, или же съ приложеніемъ такого или другаго насилія и давленія, только городъ Херсонъ, все еще сохранявшій свою автономію подъ верховнымъ покровительствомъ императоровъ, поступилъ теперь подъ протекторатъ хазарскаго хагана. По истеченіи пяти лѣтъ послѣ возвращенія къ власти (въ 710 году) Юстиніанъ II отправилъ огромный флотъ для покоренія Херсона, или, какъ говорятъ наши источники, для того, чтобъ отомстить тамошнимъ гражданамъ за прежнюю непочтительность. Въ городѣ, какъ оказалось, ¹²¹ ходился уже намѣстникъ хагана, или тудунъ, взятый въ плѣнъ Византійцами, послѣ возвращенный съ извинительными объясненіями въ Херсонъ, а отсюда къ хагану, но на дорогѣ умершій. Херсонцы обращались къ хагану съ требованіями о присылкѣ хазарскаго гарнизона въ ихъ городъ для защиты его противъ греческихъ силъ; хазарское войско дѣйствительно явилось потомъ подъ стѣнами города и тѣмъ прекратило осадныя дѣйствія Юстиніановой арміи. Все это показываетъ, что Хазары могли бѣ окончательно завладѣть Херсономъ, если бы къ тому настойчиво стремились. Но, повидимому, хаганъ предпочиталъ всякимъ такого рода пріобрѣтеніямъ дружественныя отношенія къ имперіи, съ которою онъ имѣлъ одного и того же главнаго врага — въ лицѣ халифа мусульманскаго.

Союзъ съ Византійей, скрѣпленный въ 732 году выдачею замужъ собственной дочери хагана за византійскаго наслѣдника, а потомъ императора — Константина, давалъ возможность обратить все вниманіе на борьбу съ Аравитянами, стремившимися съ своей стороны утвердиться на Кавказѣ. Мы не будемъ перечислять всѣхъ кровавыхъ столкновеній по ту или другую сторону Дербентскаго прохода, чрезъ который то Хазары проникали въ Арменію, то мусульмане вторгались въ землю Хазарскую. Такъ это продолжалось при халифахъ Езидѣ, Гишамѣ и Абдулмансурѣ. Въ 730 году войска халифа Гишама потерпѣли наи-

(стр. 11), гдѣ, однако, онъ самъ и Болгары представляются еще подданными хазарскаго хагана.

болѣе страшное пораженіе. Собственный сынъ хагана, предводительствуя многочисленнымъ войскомъ, прошелъ чрезъ Дербентъ, вторгнулся въ Азербейджанъ и разбилъ на голову спѣшившую ему на встрѣчу сильную мусульманскую армію. Предводитель ея Джаррахъ палъ въ битвѣ, а семейство его досталось въ руки побѣдителей. Не встрѣчая нигдѣ сопротивленія, Хазары опустошили Азербейджанъ и взяли Ардебиль; разѣзды ихъ появились въ окрестностяхъ Мосула. Въ 737 году Мерванъ, дядя халифа Гишамы, отправился со 100.000 войскомъ для наказанія Хазаръ и, дѣйствительно, нанесъ имъ нѣсколько чувствительныхъ поражений; арабскіе историки даже утверждаютъ, что въ 737 году Хазары принуждены были принять магометанскую вѣру, что однако или совсѣмъ невѣрно, или же осталось однимъ общаіемъ побѣжденных¹⁾. Арабскія извѣстія говорятъ о новомъ столкновеніи около 764 года, когда Хазары взяли Тифлисъ и опустошили Армению. Современный почти армянскій писатель 122 исторіи халифовъ повѣствуетъ, что война открылась по слѣдующему поводу: назначенный халифомъ правитель Арменіи Езидъ отправилъ депутацію къ царю сѣвера, котораго звали Хаганомъ, съ цѣлью породниться съ нимъ, чтобы чрезъ то соблюсти миръ съ нимъ и съ войсками хазарскими. Царь хазарскій согласился выдать за него дочь свою Хатунъ и вмѣстѣ съ нею отправилъ большое число слугъ, служанокъ и рабынь. Но Хатунъ чрезъ нѣсколько времени умерла, и этимъ нарушилось мирное согласіе между ними, потому что смерть ея приписали коварству. Собравъ сильное войско, Хаганъ поручилъ его полководцу своему Ражу-Тархану изъ поколѣнія Хатирлитбера и отправилъ на страну, находившуюся подъ управленіемъ Езида, то есть, Армению. Разсыпавшись по сѣверной сторонѣ рѣки Куры, Хазары овладѣли областями агванскими, покорили семь областей царства грузинскаго и, набравъ много добычи и плѣнныхъ, возвратились въ жилища свои²⁾.

Наконецъ, особенное значеніе имѣетъ для насъ закавказскій походъ Хазаръ, совершившійся въ 799 году. Если бы

1) В. В. Григорьевъ, Обз. полит. исторіи Хазаровъ, въ сборникѣ «Росія и Азія», стр. 54—57; D'Ohssoп, Les peuples du Caucase, p. 54—66.

2) Исторія халифовъ Гевонда въ переводѣ К. П. Патканова, стр. 92.

можно было признать вѣрнымъ указаніе, находимое нами у Вейля, что этому походу предшествовало убіеніе царствовавшего доселѣ хазарскаго хагана, то мы могли бы на этомъ точно опредѣленномъ хронологически фактѣ основать весьма важные выводы, прямо касающіеся нашей темы. Къ сожалѣнію, мы всего скорѣе должны предполагать ошибку, какъ это обнаруживается изъ слѣдующихъ строкъ, подлинно принадлежащихъ арабскимъ историкамъ¹⁾. Подъ 182 (798) годомъ у Ибн-ал-Асира читается:

123 «Въ этомъ году была отправлена къ ал-Фадлу Ибн-Яхъя (Бармехиду, визирю халифа) дочь Хагана, царя Хазарь, но она умерла въ Бердаа, и сопровождавшіе ее вернулись къ ея отцу и рассказали ему, что она была умерщвлена измѣннически. Вслѣдствіе того онъ сталъ готовиться къ походу противъ мусульманскихъ странъ».

А подъ 183 годомъ гиждры (799 г.) продолжается начатый рассказъ въ такомъ видѣ:

«Въ этомъ году выступили Хазары изъ-за дочери Хагана изъ Баб-ал-абваба (Дербента), произвели нападеніе на мусульманъ и ихъ союзниковъ, взяли въ плѣнъ болѣе 100,000 чело-вѣкъ и произвели страшный переполохъ, о подобіи котораго никогда не слыхивали на землѣ. Тогда ал-Рашидъ назначилъ Язида, сына Мазъяда, правителемъ Арменіи сверхъ Азербейджана (которымъ онъ ужъ управлялъ), и назначилъ Хузеймана, сына Ха-

1) За сообщеніе намъ выписокъ изъ двухъ печатныхъ арабскихъ историковъ и одного рукописнаго мы приносимъ глубокую благодарность барону В. Р. Розену. Поводъ, по которому мы обратились къ его неизмѣнной любезности и готовности помогать другимъ своими специальными знаніями, заключался въ словахъ Вейля, *Gesch. der Chalifen*, II, 158, примѣч. 1: «Nach Andern ward der Chakan von einem Araber erschlagen; der den Tod seines Vaters rächen wollte, den der Statthalter von Armenien hinrichten liess». Такъ какъ и въ Житіи Іоанна Готскаго, дѣйствовавшаго въ концѣ VIII вѣка, говорится о смерти хагана хазарскаго, за которою вскорѣ послѣдовала и кончина преподобнаго, то, очевидно, для насъ важно было провѣрить степень достовѣрности тѣхъ другихъ источниковъ арабскихъ, которые причиною похода Хазарь считали не смерть дочери, а убійство самого хагана. Вейль ссылается на Ибн-ал-Асира, Ибн-Халдуна и Яфеи. Имѣя теперь предъ глазами этихъ писателей, внимательный читатель увидитъ, что ни одинъ изъ нихъ не говоритъ о смерти хагана, и что показаніе «другихъ» находится у того же самаго Ибн-ал-Асира только вѣскольکو въ другомъ видѣ. Подчеркнутыя нами въ рассказѣ Ибн-ал-Асира слова, повидимому, объясняютъ ошибку Вейля.

зима, въ Нисибинѣ, въ помощь жителямъ Арменіи. Другіе говорятъ, что причиною выступленія Хазарь было то, что Саидъ Ибн-Сальмъ убилъ ал-Мунеджджима ас-Сулами, вслѣдствіе чего его сынъ ушелъ къ Хазарамъ и побудилъ ихъ къ войнѣ съ Саидомъ. Тогда они выступили и ворвались въ Арменію чрезъ проходъ. Саидъ былъ обращенъ въ бѣгство, а они (Хазары) оставались (въ Арменіи) около 70 дней. Тогда ал-Рашидъ отправилъ противъ нихъ Хузейму, сына Хазима, и Язида, сына Мазъяда, и они оба исправили то, что испортилъ Саидъ, выгнали Хазарь и укрѣпили проходъ».

Разказъ Ибн-Халдуна ничѣмъ не разнится отъ сейчасъ приведеннаго. Даже ал-Яфеи, располагавшій въ иныхъ случаяхъ своими особыми источниками, здѣсь нисколько не расходится съ Ибн-ал-Асиромъ: «Въ этомъ (183) году выступили враги божіи, Хазары. Дѣло въ томъ, что за Суб-тъ (или С-бу-тъ: чтеніе по неразборчивости рукописи весьма сомнительно), дочь Хагана, царя тюркского, сватался визирь ал-Фади-Яхъя-Бармекидъ, и она къ нему была отправлена въ 182 году; но она умерла въ дорогѣ, и бывшія съ нею войска вернулись и сказали Хагану, что она была измѣннически убита. Тогда онъ сильно разсердился и собрался на войну. И выступилъ онъ со своими войсками чрезъ Желѣзные ворота и напалъ на мусульманъ и ихъ союзниковъ: убивалъ, безчинствовалъ; число полоненныхъ 124 имъ дошло до 100,000 человекъ, и бѣдствіе мусульманъ было очень велико. — Гарунъ-ал-Рашидъ испугался и былъ этимъ сильно озабоченъ. И отправилъ онъ войска, и собрались мусульмане и выгнали врага изъ Арменіи; затѣмъ укрѣпили ворота, чрезъ которые онъ ворвался».

Предоставляя другимъ рѣшать вопросъ, откуда происходитъ сходство армянскаго разказа о судьбѣ дочери хазарскаго хагана, выданной за армянскаго намѣстника, съ повѣствованіемъ арабскимъ о такой же судьбѣ другой хазарской княжны, жившей нѣсколько позднѣе, мы должны удовольствоваться тѣмъ отрицательнымъ результатомъ, что хаганъ, который упоминается въ Житіи Іоанна Готскаго, не былъ убитъ какимъ-то Арабомъ около 799 года.

О положеніи христіанскаго населенія, находившагося подъ

властію Хазарь, помимо другихъ отдаленныхъ фактовъ и извѣстій, мы можемъ судить на основаніи любопытнаго разсказа объ одномъ обратившемся въ христіанство мусульманинѣ¹⁾. Мы разумѣемъ грузинскаго мученика Або, котораго судьба тѣмъ болѣе для насъ интересна, что онъ провелъ нѣкоторое время именно въ Крыму и былъ современникомъ Іоанна Готскаго, тоже имѣвшаго отношеніе къ Грузіи.

Въ то время какъ поклонники Магомета простерли свое владычество до предѣловъ Персіи, и вся Грузія стенала подъ тяжкимъ игомъ мусульманъ, эриставъ Карталинскій, по имени Нерсесъ, по доносу злыхъ людей былъ вытребованъ въ землю вавилонскую. Заключение въ темницу эмир-ал-мумининомъ Абдаллою, онъ былъ освобожденъ по смерти гонителя его сыномъ <?> и наслѣдникомъ Махдіемъ.

Во время пребыванія въ Багдадѣ (Вавилонѣ) грузинскій князь познакомился съ восемнадцатилѣтнимъ юношею свободаго сословія, по имени Або. Онъ исповѣдывалъ магометанскую вѣру, былъ большимъ знатокомъ магометанскихъ книгъ и въ то же время искуснымъ составителемъ благовоиныхъ мастей. Оставивъ отца и мать, Або послѣдовалъ за Нерсесомъ въ Карталинію, научился грузинскому языку, сталъ посѣщать храмъ Божій и отрекся отъ Магомета. До времени онъ не объявлялъ себя христіаниномъ, но искалъ удобнаго мѣста, гдѣ бы принять святое крещеніе, потому что боялся магометанъ, которые снова возстали на Нерсеса и принудили его удалиться изъ Карталиніи...

Господь однако сохранилъ Карталинскаго эристава отъ 125 руки враговъ. Нерсесъ благополучно прошелъ врата Осетіи, называемыя Дарі-эль, съ тремястами человекъ, въ числѣ которыхъ былъ и благочестивый Або. Но, боясь преслѣдованія, Нерсесъ не остался въ землѣ осетинской, а направилъ свой путь въ сѣверную страну, гдѣ жили Хазары, народъ дикій и свирѣпый, употреблявшій въ пищу кровь и не имѣвшій никакой религіи, хотя признававшій бытіе одного

1) М. Сабининъ, Полное жизнеописаніе святыхъ грузинской церкви, I, стр. 166 сл.; Brosset, Additions et éclaircissements à l'Histoire de la Géorgie, p. 133 sqq.

Бога ¹⁾. Царь хазарскій принялъ Нерсеса, какъ странника и преслѣдуемаго врагами; напиталъ его и его спутниковъ и снабдилъ одеждою. Блаженный Або, увидѣвъ себя въ безопасности отъ магометанъ, поспѣшилъ принять крещеніе отъ благочестиваго іерея. Въ этой странѣ, благодаря дѣйствию св. Духа, были города, въ которыхъ христіане безбоязненно служили Христу: повидимому, эти слова относятся именно къ Таврическому полуострову, который въ нѣкоторыхъ грузинскихъ источникахъ прямо названъ мѣстомъ убѣжища Нерсеса ²⁾. По прошествіи нѣкотораго времени Нерсесъ просилъ хазарскаго царя отпустить его въ Абхазію, куда онъ отправилъ мать, жену и дѣтей своихъ, такъ какъ земля абхазская была совершенно безопасна отъ магометанъ. Получивъ позволеніе и отправившись въ путь, Нерсесъ чрезъ три мѣсяца вступилъ въ предѣлы абхазскаго владѣтеля. Або, прославившійся уже святою жизнію, былъ также принять благосклонно какъ мѣстнымъ епископомъ, такъ и самимъ княземъ. Между тѣмъ племянникъ Нерсеса, получившій послѣ удаленія его еще въ 786 году фирманъ на управленіе Каргалиніей, выхлопоталъ теперь для своего дяди позволеніе воротиться на родину. Не смотря на всѣ предостереженія, Або послѣдовалъ за своимъ покровителемъ въ Грузію, въ которой, какъ природный магометанинъ, долженъ былъ ожидать злаго гоненія со стороны Сарацинъ, владѣвшихъ странною. Однако, цѣлые три года Або провелъ въ Тифлисѣ никѣмъ не тревожимый, и только тогда на него обратили вниманіе. Послѣ двукратнаго тюремнаго заключенія онъ былъ приговоренъ къ смерти, и предъ церковью 40 мучениковъ ему отрубили голову. Событіе относится къ 790 году по Р. Хр. и къ десятому послѣ воцаренія Константина.

126

1) Brosset, op. c. p. 133 sq.: «Il arriva dans le pays du Nord, où demeurent et campent les fils de Magog, c'est à dire les Khazars, gens sauvages, d'aspect terrible, de caractère féroce, buveurs de sang, peuple sans religion, si ce n'est qu'il connaît un Dieu créateur».

2) Brosset, Histoire de la Géorgie, I, 262.

4.

Житіе Іоанна Готскаго.

1. Преподобный отецъ нашъ Іоаннъ былъ епископомъ Готіи при императорахъ Константинѣ и Львѣ. Онъ происходилъ изъ расположенной на той сторонѣ земли Тавроскиевъ, подчиненной власти Готовъ, именно изъ торжища, называемаго Парѣениты, и былъ сыномъ Льва и Фотины. Отецъ этого Льва, родомъ изъ такъ называемаго Вона, лежащаго въ Полемоніевомъ Понтѣ, былъ кандофоромъ въ области (темѣ) Арменіаковъ. Сей преподобный Іоаннъ, подобно Іереміи и Самуилу, изъ дѣтства вполне былъ посвященъ Богу, потому что Фотина, мать преподобнаго, молила Бога, чтобъ онъ далъ ей плодъ, который она могла бы посвятить на служеніе Господу, и послѣ этого понесла во чревѣ. Родившись и возросши, онъ выбралъ себѣ жизнь подвижническую съ самой почти колыбели, словомъ и дѣломъ совершивъ всякую добродѣтель.

При императорѣ Константинѣ тогдашній епископъ Готіи, вызванный на собранный противъ святыхъ иконъ соборъ, склонился и подписалъ (то есть, постановленія иконоборческаго собора), и за то былъ поставленъ отъ царя митрополитомъ Тракійской Гераклеи.

2. Поэтому православные въ Готіи, не принимая участія въ новшествахъ незаконнаго собранія, но оставшись притомъ безъ пастыря, предложили въ пастыри сего преподобнаго. Онъ же, отправившись сначала во святой городъ, провелъ тамъ три года и, поклонившись всѣмъ святымъ мѣстамъ, ознаменованнымъ стопами божественными, воротился домой. Потомъ обитатели Готіи послали его въ Грузію (Иверію) къ католическому престолу (къ католикосу). Рукоположенный тамъ во епископа, онъ неприкосновенно сохранилъ догматы католической церкви и правую вѣру. Онъ отправляетъ съ діакономъ своимъ Лонгиномъ посланіе патриарху Іерусалимскому, чтобъ онъ созвалъ соборъ и прислалъ къ нему изложеніе вѣры. Тотъ исполнилъ это: собравъ изреченія изъ Ветхаго и Новаго Завѣта и всѣхъ избранныхъ отцовъ о святыхъ иконахъ, честныхъ мощахъ и заступленіи святыхъ,

они (то есть, члены собора) отослали это къ вышереченному преподобному.

3. Послѣ смерти императоровъ Константина и Льва и послѣ воцаренія Ирины и ея сына Іоаннъ послалъ этотъ самый свитокъ (томъ) тогдашнему патріарху Павлу и, получивъ разрѣшеніе отъ августи Ирины, явился самъ въ царствующій градъ; здѣсь онъ всѣмъ говорилъ со свободой и дерзновеніемъ о при- 127
нятіи святыхъ иконъ во святой каѳолической церкви и затѣмъ снова воротился восвоися. А святѣйшій патріархъ Павелъ, приближаясь къ кончинѣ и имѣя въ виду преподобнаго, удалился изъ патріархіи, сдѣлался монахомъ въ монастырѣ св. Богородицы Флора и заклиналъ государыню отмѣнить заблужденіе.

4. Послѣ успенія блаженнаго патріарха Павла предложенъ былъ протоасиритъ Тарасій, мужъ благочестивый и добродѣтельный, въ пользу котораго было и свидѣтельство Павла, чтобы быть ему патріархомъ. Но онъ не хотѣлъ взять на себя тяжести, пока цари не дадутъ ему обѣщанія устроить вышереченный соборъ. Когда же прибыли грамоты отъ четырехъ престоловъ и благочестивые мужи отъ лица патріарховъ, и когда собрались и епископы отовсюду (уже по рукоположеніи блаженнаго Тарасія), то они сперва засѣдали въ церкви св. Апостоловъ, гдѣ и возвѣщали догматы православія; но толпа схола-ріевъ, пришедшая съ сѣкирами и дреколіями, разстроила оный (соборъ), нанеся оскорбленіе и самому императорскому достоинству. Они потомъ были отправлены въ ссылку съ женами и дѣтьми, въ числѣ около шести тысячъ, а вмѣстѣ съ ними и нѣкоторые изъ еретическихъ епископовъ. Но съ наступленіемъ (удобнаго) времени тѣ же прежніе епископы и тѣ, которые заступали мѣсто апостольскаго престола (то есть, римскаго), опять сошлись въ Никей и здѣсь изложили опредѣленіе православія.

5. А преподобный епископъ Іоаннъ, послѣ этого, вмѣстѣ съ своимъ народомъ (своею паствою) выданъ былъ властителямъ хазарскимъ, потому что онъ вошелъ въ соглашеніе (заговоръ) съ господиномъ Готии и его властями и всѣмъ его народомъ, чтобы не владѣли страной ихъ вышесказанные Хазары. Ибо хаганъ пославши занялъ крѣпость ихъ, называемую Дорось, и поставилъ въ ней вооруженныхъ стражей. Ихъ-то и выгналъ

преподобный вмѣстѣ съ своимъ народомъ и завладѣлъ также Елисурами (Клисурами). Итакъ, видя, что архіерей преданъ однимъ селеніемъ (?), они прибѣгли къ хагану, и онъ, хотя и оказалъ пощаду господину Готіи, но семнадцать рабовъ ни въ чемъ неповинныхъ казнилъ. А преподобный, заключенный подъ стражею, получилъ возможность спастись бѣгствомъ и переправился въ Амастриду, христіолюбивый городъ. Когда онъ тамъ провелъ четыре года, онъ услышалъ о смерти хагана, и сказалъ тогда: «И я, братія мои, отхожу по истеченіи сорока дней судиться съ гонителемъ моимъ предъ Судіею и Богомъ».

128 6. Такимъ образомъ въ сороковый день, уча слову Божію и наставляя всѣхъ въ дѣлахъ спасенія, онъ предаль душу въ руки Божіи, согласно съ своимъ предсказаніемъ; и тотчасъ прибылъ корабль его, и вложили его въ гробницу. Георгій, святѣйшій епископъ Амастридскій, и весь городъ провожали его съ епіамомъ и свѣчами до самаго корабля. Такимъ образомъ онъ переплылъ (море и прибылъ) въ монастырь свой въ Парени-тахъ, называемый (монастыремъ) святыхъ Апостоловъ, и тамъ былъ погребенъ. Скорость его переѣзда представляетъ нѣчто чудесное. Ибо онъ скончался 26-го дня іюня мѣсяца, 27-го пустился въ море, а 29-го, ко всеошной, достигъ святыхъ апостоловъ въ монастырѣ. Монастырь этотъ преподобный снабдилъ всякимъ благолѣпнѣмъ зданій и святыхъ сосудовъ и различныхъ книгъ и помѣстилъ въ немъ множество монаховъ.

Чудеса. 7. Сей преподобный мужъ, украшенный дарами вѣры и дѣйствія, прозрѣвалъ отдаленное и предсказывалъ будущее. Такъ, Лонгинъ, ученикъ его, возвращаясь изъ святаго града Іерусалима, захваченъ былъ Сарацинами и, уже вознесенный на крестъ, призвалъ на помощь заступленіе преподобнаго: и тогда явился ему во-очію св. отецъ, и тотчасъ протоно-тарій эмира, давъ пятьсотъ миліарисій, снялъ его (со креста) и освободилъ. И еще разъ онъ былъ захваченъ другими и снова обратился къ преподобному, моляся объ освобожденіи: и внезапно спали узы съ ногъ его, и онъ былъ спасенъ. Когда же ученики его (то есть, Іоанна) находились въ темницѣ, въ которой они были содержимы Хазарами послѣ бѣгства его въ Романію, и когда они были взяты и представлены къ хагану, и

были приговорены имъ къ казни, то по молитвѣ святаго все-таки они освобождены были невредимыми, такъ какъ хаганъ сказалъ: «Они не имѣють вины». Въ тотъ самый часъ, когда они предстояли предъ хаганомъ, въ Амастридѣ преподобный, совершивъ утренній канонъ и воздѣвъ руки, молился внѣ церкви до третьяго часу; при этомъ видѣли, что онъ висѣлъ на воздухѣ на одинъ локоть отъ земли. И когда приближенные спросили его, ради чего онъ продолжилъ молитву, то онъ отвѣчалъ: «Въ этотъ часъ, сынъ мой, наши братья предстали хагану, а благій и милосердный Богъ освободилъ ихъ отъ смерти».

8. Одинъ монахъ, по имени Василій, ученикъ преподобнаго, былъ смущаемъ искушеніемъ оставить его и удалиться, но не рѣшался обнаружить помысль свой и такимъ образомъ получить свободу. Святой обличилъ его слѣдующимъ образомъ: 129 Святой находился въ торжищѣ Курасаитахъ и покоился въ церкви, внутри которой было весьма много гробницъ. По ночамъ онъ вставалъ и молился, при чемъ разговаривалъ съ ними (то есть, мертвыми), какъ съ живыми: одинъ изъ учениковъ преподобнаго слышалъ, какъ мертвые отвѣчали своимъ голосомъ и собесѣдовали преподобному. И вотъ опять въ другую ночь преподобный сказалъ къ лежащимъ тамъ мертвецамъ: «Что же, братія, вы лежите и не говорите? Вотъ Василій, ученикъ мой, мертвъ, а говоритъ». Василій, который не спалъ, услышалъ это и понялъ, что его намѣренія были открыты богоносному отцу. Павъ къ ногамъ его, онъ возвѣстилъ все, что было у него на сердцѣ, и испросилъ въ этомъ прощеніе.

9. Когда преподобный сидѣлъ подъ стражею въ Фуллахъ, то господинъ этихъ самыхъ Фуллъ пришелъ къ нему и повергъ къ ногамъ его отроча свое, покрытое ранами отъ головы до ногъ, такъ что не видно было на немъ образа человѣческаго. Но когда (святий) назнаменовалъ его и окрестилъ и принялъ на свои руки, то отрочъ тотчасъ очистился. — Другой человѣкъ несправедливо укорялъ преподобнаго, какъ виновнаго въ томъ, что крѣпость Готіи предана была хагану (?), и что при этомъ невинно нѣкоторые умерли; когда онъ поднималъ во гнѣвѣ ногу свою, чтобы сѣсть на коня, то упалъ навзничъ и испустилъ духъ. — Два человѣка ссорились между собою изъ-за вина, на-

ходившагося въ бочкѣ, и не захотѣли примириться, не смотря на посредничество преподобнаго; когда они ушли, то нашли вино сгустившимся въ бочкѣ, такъ что они вырѣзывали его какъ сыръ и выбросили вонъ.

10. Премного и другихъ чудесъ сотворилъ преподобный, о которыхъ жители той страны открыто всѣмъ рассказываютъ, приводя слушателей къ сокрушенію и къ обращенію къ Богу. Посему, отче святой и боговдохновенный, православныя вѣры свѣтлый вѣстникъ и хранитель божественныхъ и святыхъ догматовъ, вспомни и о насъ недостойныхъ и грѣшныхъ. Хотя въ дѣлѣ божественной и пламенной ревности мы много отстали отъ твоего благочестія, но твоимъ заступленіемъ подкрѣпи насъ, чтобы мы избавились отъ губительнаго сообщества свято-сжигателей и нечистыхъ еретиковъ и достигли вмѣстѣ съ тобою вѣчной жизни. Ибо благословенно есть и прославлено все-святое имя Отца и Сына и Святаго Духа нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Объясненія къ тексту Житія Іоанна Готскаго.

Глава первая. Свѣдѣнія, сообщаемыя въ самомъ началѣ Житія о происхожденіи епископа Іоанна, не лишены интереса и значенія. Подобно первымъ проповѣдникамъ христіанства среди (Крымскихъ) Готовъ, подобно знаменитому Вульфилѣ, Готскій епископъ VIII вѣка велъ свой родъ съ противоположащаго берега Чернаго моря. Его родословная служитъ новымъ доказательствомъ тѣсныхъ и непрерывныхъ связей между обоими берегами Понта. Въ началѣ VIII вѣка одинъ Грекъ съ византійскаго поморья, покончивъ свою службу въ мѣстномъ ополченіи, переселился на южный берегъ Крыма и основалъ себѣ мѣстопробываніе въ одномъ торговомъ мѣстечкѣ, принадлежавшемъ къ готской территоріи. Во второмъ поколѣніи внукъ его, нашъ Іоаннъ, является уже въ роли не только духовнаго вождя Готовъ, но даже предводителемъ ихъ въ борьбѣ за народную независимость, патріотическимъ и какъ бы національнымъ дѣятелемъ, что заставляетъ предполагать полное сближеніе съ его стороны

съ туземнымъ населеніемъ, то есть, вѣроятно, усвоеніе того языка, на которомъ здѣсь не только говорили въ общежитіи, но все еще читали и Священное Писаніе.

Οὗτος ὁ ὄσιος πατήρ ἡμῶν Ἰωάννης ἐπίσκοπος ἦν Γοτθίας ἐπὶ Κωνσταντίνου καὶ Λέοντος τῶν βασιλέων, ὁρμώμενος ἐκ τῆς περατικῆς τῶν Ταυροσκυθῶν γῆς, τῆς ὑπὸ τὴν χῶραν τῶν Γότθων τελοῦσης, ἐμπορίου λεγομένου Παρθενικῶν, Λέοντος καὶ Φωτεινῆς υἱὸς γεγονώς, οὗτινος Λέοντος ὁ πατήρ ἐκ τοῦ λεγομένου Βονοστοῦ κατὰ τὸ Πολεμώνιον τοῦ Πόντου καίμενου ὑπῆρχε, καὶ ἐν τῷ θέματι τῶν Ἀρμενιακῶν κανδοφόρος γενόμενος.

Дѣдъ Іоанна жилъ въ провинціи, которая въ Житіи названа и древнимъ своимъ именемъ, и средневѣковымъ византийскимъ. Полемоніевъ Понтъ въ первый вѣкъ Римской имперіи представлялъ область отъ рѣки Θερμοδонта до города Китеора (Cyteorum) и, кромѣ приморскаго города Полемонія (иначе Сиды), заключалъ въ себѣ территоріи внутреннихъ городовъ: Зилы, Новой Кесаріи и Севастіи (Мегалополя); свое названіе провинція получила отъ того самаго Полемона, который получилъ отъ Антонія и Августа, сверхъ всѣхъ другихъ щедротъ, и Босфоръ Киммерійскій. Во время Юстиніана, какъ видно изъ 28-й новеллы, къ Полемоніеву Понту причислялись города Неокесарія (теперь мѣстечко Никсарь), Комана (Κώμανα), Трапезунтъ, Керасунтъ и Полемоній; сверхъ того, сюда же относились укрѣпленія Питіунтъ-Пицунда и Севастополь-Зила; Амасія, Амисъ, 131 Синопь, Евхайта и другіе составляли Еленопонтъ. Но Юстиніанъ соединилъ обѣ провинціи въ одну подъ общимъ именемъ Еленопонта, такъ какъ имя Полемона, «одного изъ многихъ (?) тирановъ на Понтѣ», не заключало въ себѣ ничего почтеннаго. Тема Арменіаковъ, упоминаемая въ первый разъ у Θεοφана подъ 6159 годомъ, образовалась изъ такъ-называемой Третьей Каппадокіи и заключала семь городовъ: Амасію, Ивору, Залихъ, Андрапу, Аминсъ, Неокесарію и Синопь; свое названіе получила ради сосѣдства съ Арменіей (см. Constant. Porphyrog. de themat. p. 17—21). Хотя здѣсь городъ Полемоній уже не упомянуть, но нѣтъ сомнѣнія, что его территорія входила въ тему Арменіаковъ; а такъ какъ и до сихъ поръ существуютъ остатки его въ мѣстечкѣ Поламана (см. Τριανταφυλλίδου Τὰ Ποντικά,

р. 139), то и самый городъ, хотя утративъ свое значеніе, все еще былъ на лицо въ византійскія времена¹⁾. Можно предположить, что именно онъ самъ, а не провинція, и разумѣется въ вышеприведенномъ отрывкѣ Житія, что будетъ вполне соответствовать дальнѣйшимъ указаніямъ. Въ Житіи названо также и мѣстечко, откуда вела свой родъ фамилія; однако мы нигдѣ, не только около города Полемонія, но и во всѣхъ другихъ мѣстахъ, не найдемъ слѣдовъ этого мѣстечка, если только не рѣшимся сдѣлать поправку въ текстѣ, представляющуюся, впрочемъ, необходимою и съ грамматической точки зрѣнія. Въ изданіи болландистовъ читается: ἐκ τοῦ λεγομένου Βονοστοῦ, κατὰ τὸ Πολεμόνιον τοῦ Πόντου κειμένου. Предполагаемъ, что читать слѣдуетъ: ἐκ τοῦ λεγομένου Β(ο)ῶνος τοῦ κατὰ τὸ Πολεμώνιον τ. Π. κειμένου. «Изъ Воона, лежащаго въ Полемоніевой области Понта».

Воῶν, родит. Воῶνος, — мысъ, а также и мѣстечко (χωρίον), съ удобною пристанью, лучшею послѣ Синопа, называется теперь Вона (по греч. Βῶνα, Vona) и обозначается на всѣхъ картахъ Малой Азіи. Древній Полемоній, теперешній Поламанà, находится въ непосредственной близости съ этою пристанью²⁾.

132 Въ своей области (темѣ) дѣдъ Іоанна служилъ, нужно думать, копьеносцемъ. Слово *καυδοφόρος*, стоящее въ текстѣ, затрудняло издателей Житія и, какъ видно изъ комментарія въ Acta Sanctorum, вызвало не мало толкованій и попытокъ исправленія, отчасти довольно странныхъ (*καυδοφόρος* отъ *cauda*, хвостъ и т. д.). Наболѣе подходит къ дѣлу предложеніе читать *κοντοφόρος* (копьеносецъ), хотя и оно должно быть признано только удачнымъ объясненіемъ, а вовсе не необходимымъ исправленіемъ текста. Какъ мы теперь видимъ, то же самое слово оказывается въ новеллѣ Іоанна Цимисхія (972—975 гг.): εἰ τις ἐκ τῶν στρατιωτῶν δρουγγάριος εἶτε *καυδοφόρος* εἶτε *κόμης* —

1) Подъ актами собора 787 года подписывался епископъ Полемонія (τοῦ Πολεμόνιου). Ср. Texier, *Asie Mineure*, p. 619: Le Fleuve Balama ou Pulemon-chai marque la place de l'ancienne Polémon...; le petit village de Pulémon offre encore les restes d' une église octogone et de quelques épaisses murailles.

2) Arriani Peripl., § 23 (Geogr. gr. min., I, p. 390 Mull.): Ἀπὸ δὲ Καλίκων νήσου (Хойратъ-Келесси) εἰς Βοῶνα πέντε καὶ ἐβδομήκοντα· ἐν Βοῶνι ὄρμος ναυσί. Anonym. Peripl., § 32 (ibid., p. 409): Ἀπὸ δὲ τοῦ Γενήτου ποταμοῦ εἰς Βοῶνα ἀκροτήριον καὶ χωρίον.... Ἀπὸ δὲ Βοῶνος εἰς Κοτύωρον στάδια 90. Мысъ впрочемъ у Страбона называется Γενήτης, какъ рѣка у Анонима. Ср. Τριανταφυλλ. I. I.

διαπωλήσει ψυχάρια <Zachariae a Lingenthal, Jus Gr.-Rom., III, p. 302>. Здѣсь также безъ всякой нужды Дюканжъ предлагалъ чтеніе βανδοφόρος. Κανδοφόρος, конечно, то же, что и κονδοφόρος; слѣдовательно — «копыносецъ». Новогреч. κονδάρη = κοντάριον; у Маврикія L. III, cap. 14, p. 100 Scheffer. κονδάριον.

Мы полагаемъ, что уже дѣдъ Іоанна переселился по окончаніи своей военной — не особенно блестящей — службы въ Тавриду. Левъ, отецъ Іоанна и сынъ «копыносеца» темы Арменіаковъ, является въ Житіи уже осѣдлымъ жителемъ Готіи. Такъ какъ не сказано, чтобы побужденіемъ къ переселенію фамилии служила ревность по святымъ иконамъ (что никакъ не было бы опущено, еслибы дѣйствительность или хронологія допускали такое объясненіе), то во всякомъ случаѣ слѣдуетъ думать, что переселеніе совершилось ранѣе начала иконоборства (726 г.). Торговое мѣсто (ἐμπόριον τῶν Παρθενιτῶν), «торжище Парѣенитъ» (во множ.), безъ всякаго сомнѣнія, есть нынѣшній Партевитъ, на южномъ берегу Крима, при подошвѣ горы Аюдага¹⁾. Здѣсь, какъ увидимъ далѣе, въ недавнее время найдены любопытные и драгоцѣнные памятники, сохранившіе слѣды дѣтельности Іоанна. На картѣ Едризи (XII в.) Bertabit (на берегу Чернаго моря) стоитъ тамъ, гдѣ находился Парѣенитъ и находится Партевитъ. Въ концѣ XIV вѣка Парѣенита (ἢ Παρθενίτα), вмѣстѣ съ сосѣдними селеніями: Лампадомъ (отъ того общее для обоихъ названіе «Лампадопарѣенита»), Алустою, Сикитою (теперь Никита), Фуною и Аланіей составляли предметъ спора между двумя сосѣдними епархіями Херсона и Готіи²⁾. Не извѣстно и даже загадочно, какими основаніями и доводами митрополитъ Херсонскій убѣдилъ патріарха и его синодъ, что Парѣенита издревле 133 принадлежала къ епархіи Херсона, а не Готіи, и что только ближайшіе предшественники патріарха Нила отобрали ее вмѣстѣ съ другими приходами у Херсонской каѳедры въ пользу Готской.

Область, въ которой лежала Парѣенита, названа въ Житіи землю, во-первыхъ, «Заморскою», или лежащею на другомъ берегу, что указываетъ на мѣсто, откуда смотрѣлъ авторъ Житія

1) См. Кеппенъ, Крымскій Сборникъ, стр. 75. 166—168. 172. 183.

2) Miklosich et Müller, Acta patriarchatus Constantinop., № 367 отъ 1384 г. (t. II, p. 67), и № 419 отъ 1390 года (p. 150).

находится на южномъ берегу Крыма, и нужно прибавить, что это не единственный случай въ литературѣ того рода, къ которому принадлежитъ нашъ памятникъ. Въ греческомъ краткомъ 185 Житіи херсонскихъ мучениковъ, въ болѣе древней редакціи (см. Житіа св. епископовъ Херс., изд. В. В. Латышевымъ, въ Зап. Имп. Акад. Н. по Ист.-Фил. Отд., т. VIII, № 3, стр. 63, 18 слл. Ср. тамъ же стр. 5 и 23—30) говорится, что патриархъ Эрмонъ отправилъ проповѣдниковъ въ страну Тавроскиѳовъ, именно: Ефрема — въ Скиѳію, а Василя — въ Херсонъ. Здѣсь еще большая странность: земля Тавроскиѳовъ кажется болѣе общимъ названіемъ, чѣмъ Скиѳіа (замѣненная въ мѣсяцесловѣ Василя Турціей: εἰς Τουρκίαν). Не разумѣлась ли подъ Скиѳіей Готія южнаго берега Крыма? Во всякомъ случаѣ Тавроскиѳы являются здѣсь на южномъ берегу Крыма либо по недоразумѣнію, вслѣдствіе смѣшенія съ Скиѳотаврами, что у хорошихъ древнихъ писателей не одно и то же географически съ Тавроскиѳами, — либо вслѣдствіе другихъ какихъ-либо непонятныхъ причинъ.

Глава вторая. Житіе говоритъ, что неизвѣстный намъ по имени предшественникъ Іоанна¹⁾ участвовалъ въ иконоборческомъ соборѣ 754 года по приглашенію, очевидно — императора, и что вмѣстѣ съ другими онъ подписалъ отмѣну иконопочитанія, за что и возведенъ былъ въ санъ митрополита Гераклеи Фракійской: Ἡρακλείας τῆς Θράκης μητροπολίτης ὑπὸ τοῦ βασιλέως κατέστη. Но, какъ мы уже знаемъ изъ Житія Стефана Нового, власть Константина Копронима, который, по характеристическому выраженію Житія, «ставилъ» самъ епископовъ, не была на столько сильна въ Крыму, и особенно въ Готіи, чтобы заставить и тамъ уважать рѣшенія собора 754 года.

«Православные Готіи не хотѣли участвовать въ новшествѣ беззаконнаго собора» (ἔθεν οἱ τῆς Γοτθίας ὀρθοδοξοὶ μὴ κοινω-

1) Въ 787 году, какъ видно изъ подписей подъ соборными актами, митрополитомъ Гераклеи Фракійской былъ Левъ: то ли это лицо, о которомъ идетъ рѣчь въ Житіи, сказать положительно нельзя. Совершенно не понятно, откуда нѣкоторые ученые (напримѣръ, Hefele, Conciliengeschichte, III, 429, Zweite Aufl. 1877 г.) почерпаютъ совершенно ложное извѣстіе, что нашъ Іоаннъ былъ самъ на иконоборческомъ соборѣ и только послѣ отречения отъ его лжеученій.

νοῦντες τῇ καινοτομίᾳ τῆς ἀθέσμου συνόδου); на будущее время ихъ область остается убѣжищемъ для ревностныхъ почитателей иконъ, гонимыхъ въ имперіи или же не могшихъ примириться съ новыми порядками въ церкви. Теперь же, вѣроятно — вскорѣ послѣ иконоборческаго собора, слѣдовательно, около 755 года, они выбрали себѣ въ пастыри Іоанна; но Іоаннъ сначала отправился во святой городъ, то есть, Іерусалимъ, провелъ въ Палестинѣ три года и только по возвращеніи оттуда, то есть, приблизительно въ 758 или 760 году, былъ отправленъ въ Иверію или Грузію для посвященія. Объ этомъ фактѣ посвященія Готскаго епископа «католикосомъ» Грузіи сохранилась память въ самой Грузинской церкви съ нѣкоторыми особыми подробностями.

Въ Житіи знаменитаго основателя Иверской обители на Аѳонѣ, просвѣтителя всей Грузіи, св. Георгія Святогорца, написанномъ его ученикомъ Григоріемъ въ XI вѣкѣ, приводится рѣчь св. Георгія къ Антиохійскому патріарху Θεодосію въ отвѣтъ на разныя обвиненія противъ грузинской церкви и въ опроверженіе властолюбивыхъ притязаній, направленныхъ къ уничтоженію ея самостоятельности. Георгій говорилъ, между прочимъ: «Знай, владыко, что было время, когда во всей Греціи до такой степени поколеблено было православіе, что трудно было указать на какую-нибудь ея церковную область, чтобы въ ней исповѣдуемо было чисто апостольское православіе, между тѣмъ какъ въ то время - - наша страна твердо хранила - - переданное ей апостолами сокровище православнаго исповѣданія. Въ то трудное время не было почти православнаго храма въ греческихъ областяхъ для рукоположенія во епископа Готскаго св. Іоанна; поэтому его рукоположили у насъ въ нашемъ патріаршемъ (?) храмѣ животворящаго и мироточиваго столба Мцхетскаго, и затѣмъ онъ посланъ былъ на кафедру Готскую, какъ о томъ свидѣтельствуютъ и нашъ, и вашъ большой синаксарь¹⁾. Итакъ, въ сущности грузинскія свѣдѣнія объ Іоаннѣ Готскомъ ведутъ свое начало отъ того же греческаго Житія, которымъ мы теперь занимаемся, и сокращеніемъ котораго являются всѣ синаксари.

1) М. Сабининъ, Полн. жизнеописаніе святыхъ Грузинской церкви, II, 190.

Но тѣмъ не менѣе частное указаніе касательно мѣста назначенія не подлежитъ устраненію, а принадлежитъ скорѣе къ ряду тѣхъ подробностей, которыя разумѣются сами собою. Хотя древняя столица Грузіи, городъ Мцхетъ (теперь небольшое селеніе въ 22-хъ верстахъ отъ Тифлиса, при слияніи Куры и Арагвы), уже въ V вѣкѣ уступилъ свое значеніе Тифлису, все-таки прежній мцхетскій храмъ св. Миріана съ животворящимъ столбомъ, основанный еще св. Ниною, переименованный, впрочемъ, въ честь Двѣнадцати Апостоловъ, оставался первою святынею Грузіи. При учрежденіи въ Грузіи независимаго (отъ Антиохійскаго патріарха) католикосата царемъ Вахтангомъ около 488 года, эта церковь была сдѣлана каедральнымъ храмомъ католикоса Петра, и такъ это оставалось въ послѣдующее время¹⁾.

137 Далѣе рѣчь идетъ въ Житіи о сношеніяхъ новопоставленнаго Готскаго епископа съ Иерусалимскимъ патріархомъ: Γράφει οὖν διὰ Λογγίνου τοῦ διακόνου αὐτοῦ τῷ πατριάρχῃ Ἱεροσολύμων ποιῆσαι σύνοδον καὶ ἀποσταλῆναι ὄρον πίστεως πρὸς αὐτόν. ὃ δὲ καὶ ἐποίησεν· ἐκ γὰρ παλαιᾶς καὶ νέας διαθήκης καὶ πάντων τῶν ἐγκρίτων πατέρων ἀναδεξάμενος χρήσεις περὶ τῶν ἱερῶν εἰκόνων καὶ τιμίων λειψάνων καὶ τῶν πρεσβειῶν τῶν ἁγίων ἐξέπεμφαν τῷ εἰρημένῳ ἁγίῳ.

Едва ли нужно для объясненія этихъ сношеній прибѣгать къ какимъ-либо предположеніямъ о древнихъ преданіяхъ и старыхъ связяхъ Готской церкви въ Крыму съ Иерусалимомъ, хотя мы знаемъ, что по Херсонской легендѣ главными миссіонерами христіанства въ Тавридѣ были проповѣдники, отправленные Иерусалимскимъ патріархомъ Эрмономъ (а не Германомъ). Но такъ какъ это было въ началѣ IV вѣка, а собственно Крымскіе Готы уже ранѣе того ознакомились съ Евангеліемъ отъ другихъ ближай-

1) О столбѣ Мцхетскомъ см. Исторію Грузинской церкви Гоброна (Михаила) Сабинина, стр. 38 сл. Объ учрежденіи католикосовъ, тамъ же, стр. 90 сл., а также Врозет, Histoire de la Géorgie, I, 192. Изъ византійскихъ церковныхъ писателей объ автокефальности Иверской церкви говоритъ Вальсамонъ, писатель XII вѣка: см. Rhally et Potly, Σύσταγμα, II, 172. На его слова ссылается и почтенный академикъ, но только напрасно утверждаетъ, что въ Антиохіи, кромѣ Петра Кнафел, не было никакого другаго патріарха съ тѣмъ же именемъ. Извѣстенъ патріархъ Петръ въ самомъ концѣ XI вѣка и въ началѣ XII. <Ср. Церк. Вѣдомости, 1907, № 3, Прилож., стр. 107 сл.>

шихъ проповѣдниковъ, то нужно думать, что Херсонскіе мученики — епископы, пришедшіе изъ Іерусалима, не имѣли близкаго отношенія къ Готамъ. Сверхъ того, обращеніе Іоанна именно къ Іерусалимскому патріарху, объясняется его недавнимъ пребываніемъ въ Святой землѣ. Гораздо больше имѣетъ значеніе то указаніе на мѣстный Іерусалимскій соборъ противъ иконоклавстовъ, которое какъ бы мимоходомъ сообщается въ Житіи. У насъ есть и другія извѣстія о такомъ или же подобномъ соборѣ. Въ древнемъ каталогѣ соборовъ (въ такъ называемомъ *Libellus synodicus*), содержащемъ въ себѣ перечисленіе ихъ съ краткими указаніями на поводы и цѣли, говорится, что Θεодоръ, патріархъ Іерусалимскій, на соборѣ, имъ созванномъ, предалъ анаеѣмъ ересь святосожигателей, то есть, иконоборцевъ¹⁾. Хотя въ сейчасъ названномъ сочиненіи фактъ этотъ и поставленъ ранѣе иконоборческаго лжесобора 754 года, но это сдѣлано, повидимому, только потому, что уже выше зашла рѣчь объ отношеніи къ иконоборству царя и патріарха Константинопольскаго со сто- 138
роны остальныхъ вселенскихъ престоловъ, начиная съ Римскаго. Ничто не препятствуетъ намъ принять, что Житіе Іоанна Готскаго говоритъ о томъ же самомъ событіи, но только въ лучшей хронологической связи. Въ 767 году папа Константинъ извѣщалъ короля Пипина, что онъ получилъ отправленное еще на имя его предшественника соборное посланіе патріарха Іерусалимскаго Θεодора, съ которымъ вполне согласны патріархи Іерусалимскій и Антиохійскій; чтобы король могъ убѣдиться, «какая ревность ко святымъ иконамъ господствуетъ на востокѣ»²⁾, папа пересылалъ къ нему и самое посланіе въ греческомъ подлинникѣ и съ латинскимъ переводомъ. Сверхъ того, у византійскаго лѣтописца Θεοφана подъ 6255 годомъ (= 763—764) отмѣченъ соборъ трехъ патріарховъ, Θεодора Антиохійскаго, Θεο-

1) Fabricius-Harless, *Biblioth. Gr.*, XII, 413: здѣсь напечатано все сочиненіе подрядъ (начало на стр. 360); Mansi, *Sacr. Conciliorum nova et ampl. collectio*, XII, 680. 1185 sqq.: здѣсь извѣстія объ отдѣльныхъ соборахъ распределены по соответствующимъ мѣстамъ.

2) *Ut agnoscat, qualis fervor sanctarum imaginum orientalibus in partibus cunctis Christianis imminet.* См. Jaffé, *Regesta Pontif.*, ed. 2, t. I, p. 284, № 2375; *Codex Carolin.* (Jaffé, *Bibliotheca rerum Germ.*, IV, 147). Ср. Hefele, *Concilien-geschichte*, III, 430; Вахманн, *Die Politik der Päpste*, I, 260.

дора Іерусалимскаго и Козьмы Александрійскаго, на которомъ осужденъ былъ одинъ епископъ, приставшій къ иконоборству ради своихъ личныхъ расчетовъ¹⁾. Теперь становится весьма вѣроятнымъ, что Іоаннъ Готскій получилъ совершенно такое же посланіе, какъ и папа Константинъ, то есть, что Іерусалимскій патріархъ писалъ отъ имени и двухъ другихъ восточныхъ патріарховъ, что отправлено было это посланіе послѣ Іерусалимскаго собора 763 года, и что оно пришло въ Крымъ не позднѣе 767 года. Само собою разумѣется, что починъ, приписываемый въ дѣлѣ собранія собора Іоанну Готскому, не можетъ быть принимаемъ буквально; соборъ восточныхъ патріарховъ собирався не вслѣдствіе посольства изъ Тавриды въ лицѣ діакона Лонгина, а по другимъ болѣе общимъ побужденіямъ.

Восточный патріархъ, по словамъ автора Житія, въ своемъ посланіи доказывалъ Священнымъ Писаніемъ и свидѣтельствами отцовъ не только правильность иконопочитанія, но и возможность заступленія или ходатайства святыхъ предъ Богомъ: здѣсь, какъ и во всѣхъ почти житіяхъ иконоборческаго времени и даже какъ въ историческихъ сочиненіяхъ, предполагается, что соборъ 754 года отрицалъ ученіе о заступленіи святыхъ; но мы знаемъ, что это невѣрное и напрасное обвиненіе.

139 Глава третья. Послѣ смерти Константина Копронима и Льва Хазарскаго и послѣ воцаренія Ирины и ея сына, то есть, уже послѣ 780 года, епископъ Іоаннъ Готскій послалъ соборное постановленіе Іерусалимскаго синода тогдашнему патріарху Павлу: ἀπέστειλε τὸν αὐτὸν τόμον Παύλῳ τῷ ἀγιωτάτῳ τῷ τῆν-καὶτα πατριάρχῃ. Изъ этого слѣдуетъ заключать: 1) что въ свое время, то есть, въ 763 году, соборное опредѣленіе не было сообщено патріарху Константинопольскому такъ, какъ оно было сообщено римскому папѣ, и что 2) оно все-таки сдѣлалось извѣстнымъ въ Константинополѣ ранѣе открытія собора при патріархѣ Тарасіи (786 г.). Между тѣмъ, изъ актовъ седьмаго вселенскаго собора мы видимъ, что только предъ открытіемъ собора отъ имени восточныхъ патріарховъ, Антиохійскаго и Александрійскаго, пересланъ былъ патріарху Тарасію «синодикъ»

1) Theophan. Chronogr., p. 434, 1 sqq.

ихъ умершаго товарища, Θεοδора Ιερουσαλιμσкаго, который и былъ прочитанъ въ третьемъ засѣданіи собора. Кажущееся противорѣчіе, если такое есть, разрѣшается довольно просто. Синодикъ, присланный Тарасію, не есть постановленіе Ιερουσαλιμскаго собора, а обыкновенное исповѣданіе вѣры, рассылаемое епископами и патріархами послѣ возведенія ихъ на церковный престоль (извѣстно, что слово *συνοδικόν* имѣетъ и такое значеніе) и нѣкогда полученное двумя патріархами отъ возведеннаго на Ιερουσαλιμскую кафедру Θεοδора, послѣ же пересланное восточными архіереями ихъ константинопольскому собрату. Итакъ, нѣтъ причины подвергать какому-либу сомнѣнію извѣстіе нашего Житія о сношеніяхъ Іоанна съ патріархомъ Павломъ Кипрскимъ, основанныхъ на передачѣ вышеозначеннаго документа. Сообщение о прибытіи Іоанна въ Константинополь и о бесѣдахъ его съ духовными и свѣтскими властями въ пользу возстановленія иконопочитанія должно быть принято безъ всякихъ замѣчаній и оговорокъ. Подозрительна только та черта, отмѣченная притомъ въ какихъ-то несовсѣмъ ясныхъ выраженіяхъ, что патріархъ Павелъ предъ своею смертію рѣшился на свой всѣхъ поразившій удивленіемъ поступокъ, то есть, на оставленіе патріархіи вслѣдствіе внушеній или вліянія Іоанна Готскаго: *μέλλων δὲ τελευτᾶν Παῦλος ὁ ἀγιώτατος πατριάρχης, τὸν σκοπὸν ἔχων τοῦ ὁσίου, κατήλθεν ἐκ τοῦ πατριαρχείου καὶ γέγονε μοναχὸς εἰς τὴν μονὴν τῆς ἀγίας Θεοτόκου τῶν Φλώρου.* (Слова, отмѣченныя разрядкой, кажутся намъ неясными). Монастырь Богородицы Флоровъ, куда удалился патріархъ Павелъ, упоминается довольно часто въ византійскихъ источникахъ, но именно здѣсь онъ носитъ наиболѣе точный титулъ, показывающій, что названіе его Флоровымъ происходитъ только отъ мѣста, гдѣ онъ 140 построенъ, или отъ имени строителей, а не отъ святаго Флора, которому будто бы онъ былъ посвященъ. Подъ актами собора 787 года подписывался *Ἰλαρίων ἡγούμενος τῶν Φλώρων.* Въ хроникѣ Θεοφана (р. 457, 16 de Boog.) и въ почти буквально сходномъ текстѣ Амартола стоитъ: *ἐν τῇ μονῇ τῶν Φλώρου.* Въ русскомъ «Хожденіи Антонія Новгородскаго» (изд. П. И. Савваитова, стр. 137) упоминаются «святіи Флоръ и Лаверь», то есть, мощи ихъ, но предположеніе, котораго держится по-

чтенный комментаторъ «Хожденія», что эти мощи лежали именно въ монастырѣ Флоровомъ, кажется намъ ошибочнымъ¹⁾.

Что касается самаго факта удаленія патріарха Павла со своей патріархіи, то онъ съ большими подробностями разсказывается: а) въ посланіи императоровъ Константина и Ирины (sacra), прочитанномъ въ первомъ засѣданіи седьмаго вселенскаго собора; б) въ хроникахъ Теофана и Амартола, на основаніи одного и того же источника, и с) въ Житіи патріарха Тарасія, написанномъ діакономъ Игнатіемъ въ первой половинѣ слѣдующаго IX столѣтія. Приводимъ, съ нѣкоторыми дополненіями, разсказъ Теофана: «31-го августа седьмаго индикта (784 года) патріархъ Павелъ, сдѣлавшись боленъ (Ignatii Diaconi Vita Tarasii archiep. Constaninopolitani, *ed. Heikel* въ *Acta societatis scient. Fennicae*, XVII, p. 397, 29 sqq.: νόσφ - θάνατον ἐπαγούση περιπεσών), оставилъ свой престоль, и удалившись въ монастырь Флоровъ, принялъ монашескую схиму безъ вѣдома императрицы (Vita Tar.: <τοῦ θρόνου κρυφῆδὸν ἑαυτὸν ὑπεξίστησι, καὶ πρὸς τῷ σεμνείῳ τῶν Φλώρου γενόμενος τῇ μοναδικῇ μερίδι τῇ τοῦ σχήματος μεταμφιάσει φέρων ἑαυτὸν ἐγκατέλεξεν>). Узнавъ объ этомъ, императрица пришла къ нему съ сыномъ своимъ и стала съ горестію и гнѣвомъ говорить (V. Tar.: <θυμοῦ πλησθέντες καὶ δείματος ἀνηρέωνων>): «Зачѣмъ ты это сдѣлалъ?» А онъ со слезами отвѣчалъ ей: «О, если бѣ я никогда и прежде не садился на престоль священства, такъ какъ церковь Божія подверглась насилію, отлучилась отъ остальныхъ католическихъ престоловъ и подверглась анаемѣ» (Vita Tar.: <’Εμεῖ, θεῖον καὶ αὐτοκρατὲς βασιλεῖον, καὶ νόσος καὶ ἡ τοῦ θανάτου ἀπρόοπτος ἐπιστασία τοῦτο ποιεῖν κατηνάγκασε, πολὺ δὲ πρότερον εἰς τοῦτό με τὸ μέτρον προήγαγεν ἡ τῆς ἐκκλησίας ἀπρέπεια αἰρέσει καμνούσης> и т. д). Она же, призвавъ
141 патриціевъ и избранныхъ членовъ синклита, послала ихъ къ нему послушать, чтѣ онъ говоритъ. А патріархъ сказалъ имъ: «Если не соберется вселенскій соборъ и не будетъ исправлено заблужденіе, находящееся среди васъ, то вы не получите спасенія». Они же сказали ему: «А зачѣмъ ты подписался при сво-

1) Sich in's Kloster St. Florus begab: Hefele, Conciliengesch., III, 443. Im Kloster des Florus: Hergenr. Photius, I, 246.

емъ рукоположеніи въ томъ, чтобы не кланяться иконамъ?» Патріархъ отвѣчалъ: «Поэтому-то я и плачу и обратился къ покаянію и прошу у Бога, чтобы онъ не наказалъ меня, какъ іерея, молчавшаго донинѣ и не возвѣстившаго истины изъ страха безумія вашего». Послѣ того онъ почилъ въ мирѣ, оставивъ большую послѣ себя печаль какъ у царей, такъ и у благочестивыхъ людей государства; ибо это былъ мужъ благочестивый, отличался дѣлами милосердія выше всякой мѣры и былъ достоинъ всякаго уваженія; онъ пользовался большимъ довѣріемъ государей и общества. Съ этихъ поръ вопросъ о святыхъ иконахъ сталъ обсуждаться свободно всѣми» (Theophan. p. 457, 13 sq. de Boor.)¹⁾.

Глава четвертая. Въ четвертой главѣ рѣчь идетъ объ избраніи въ патріархи перваго императорскаго секретаря Тарасія и о седьмомъ вселенскомъ соборѣ. Эти событія, относящіеся къ общей исторіи христіанской церкви столько же, сколько и къ исторіи византійской, изложены гораздо подробнѣе въ другихъ вышеуказанныхъ источникахъ, и особенно въ подлинныхъ протоколахъ соборныхъ засѣданій. Было бъ излишне для объясненія краткихъ сообщений нашего Житія повторять здѣсь то, что въ общихъ чертахъ всѣмъ извѣстно и что подробно излагается во многихъ старыхъ и новыхъ сочиненіяхъ. Мы ограничимся только нѣкоторыми замѣчаніями къ тексту нашего источника и потомъ рѣшеніемъ вопроса о присутствіи или неприсутствіи на соборѣ Иоанна Готскаго.

Ταράσιος δὲ ὁ πρωτοασηκρήτης, -- προβληθεὶς μετὰ τὴν κοίμησιν τοῦ μακαρίου Παύλου τοῦ πατριάρχου, ὅς καὶ ὑπ' αὐτοῦ ἐμαρτυρήθη, γενέσθαι πατριάρχης, οὐχ εἴλατο δὲ βαρῆναι, ἕως ἂν ὑπέσχοντο οἱ βασιλεῖς ποιῆσαι τὴν εἰρημένην σύνοδον. Отсюда видно, что языкъ нашего Житія не только не отличается

1) Въ официальномъ повѣствованіи, прочитанномъ на соборѣ, патріархъ отвѣчалъ императрицѣ: «Потому что если я буду застигнутъ смертію на епископіи въ этомъ богохранимомъ царственномъ городѣ, то буду имѣть анаему отъ всей католической церкви... Ибо говорятъ, что здѣсь былъ какой-то соборъ, уничтожившій иконныя изображенія, которыя католическая церковь принимаетъ... Это напоминаетъ мнѣ о томъ, какъ бы избѣжать суда Божія за то, что я обращался съ такими людьми и былъ къ нимъ сопричтенъ». То же самое онъ сказалъ и нѣкоторымъ изъ знатнѣйшихъ властей нашихъ и такъ кончилъ жизнь».

аттическимъ изяществомъ рѣчи, но является довольно нескладнымъ, темнымъ, даже неправильнымъ, хотя въ то же время, въ противоположность другимъ такого же рода произведеніямъ, совершенно безыскусственнымъ. Что слова «онъ былъ отъ него засвидѣтельствованъ» объяснены въ нашемъ переводѣ правильно, — это доказывается и тѣмъ, что въ Житіи патріарха Тарасія прямо влагается въ уста Павлу рекомендація предъ императрицей Тарасія, такъ что объ этомъ фактѣ и новѣйшіе церковные историки могли бы говорить съ большею положительностію. Во второй отмѣченной разрядкою фразѣ мы принимаемъ слово βαρῆναι за 2 аог. pass. отъ глагола βαρέω = βαρύνω, хотя мы не беремъ на себя отвѣтственности ни за правильность формы, ни за правильность приданнаго слову смысла. Но понимать слово все-таки слѣдуетъ такъ, какъ мы его поняли: по словамъ посланія императрицы къ синоду, Тарасій отказывался отъ предложеннаго ему патріаршества, потому что это «иго было свыше его силъ» (ὕπερ αὐτὸν εἶναι τὸν ζυγὸν τῆς ἀρχιερωσύνης); и самъ патріархъ въ рѣчи къ народу, которая тоже находится въ актахъ собора, говорилъ тотчасъ послѣ избранія, ὡς τὸν ζυγὸν τοῦ φορτίου μὴ δυναμένου βαστάζειν ἢ ὑπενεγκεῖν. Если не выраженія, то мысль здѣсь та же самая, чтò и въ Житіи.

Далѣе замѣчается запутанность или же испорченность текста въ тѣхъ словахъ, въ которыхъ говорится о прибытіи уполномоченныхъ и грамотъ отъ другихъ патріарховъ. Подлинный текстъ читается такъ: καὶ ἱερῶν γραμμάτων ἐκ τῶν τεσσάρων θρόνων ἀνδρῶν εὐλαβῶν καὶ ἱερῶν γραμμάτων ἐκ προσώπου τῶν πατριαρχῶν συναθροισθέντων δὲ καὶ τῶν ἀπανταχοῦ ἐπισκόπων (ἡδὴ χειροτονηθέντος τοῦ μακαρίου Ταρασίου), πρῶτον μὲν ἐκαθέσθησαν и т. д. . . Нѣтъ особенной нужды хлопотать объ исправленіи текста, такъ какъ въ немъ идетъ рѣчь о весьма извѣстныхъ фактахъ, которые здѣсь, во всякомъ случаѣ, передаются неточно. Собственно отъ трехъ восточныхъ патріарховъ — отъ каждаго въ отдѣльности — не было ни грамотъ, ни уполномоченныхъ, а было то и другое только отъ папы Адріана... Двое уполномоченныхъ съ востока, подписывавшіеся каждый отъ имени трехъ восточныхъ патріаршескихъ престоловъ, были отправлены на

соборъ архіереями, находившимися подъ мусульманскою властію, изъ боязни гоненія и преслѣдованія не допустившими передачи посланій отъ Тарасія и императрицы самимъ патріархамъ, но скрывшими также и свои имена. Въ разсказѣ о военномъ бунтѣ важно только отмѣченное здѣсь число схоляріевъ, чего нѣтъ во всѣхъ другихъ источникахъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что самъ епископъ Іоаннъ не присутствовалъ на соборѣ 787 года, хотя иногда утверждается противное; еще болѣе ошибочно предположеніе, высказанное въ 143 статьѣ о Готской епархіи въ Крыму (архимандр. Арсенія), что онъ скончался ранѣе этого года, и что преемникомъ его былъ Никита, за котораго подписывался монахъ Кириллъ. Вотъ въ какомъ видѣ являются на самомъ дѣлѣ относящіяся сюда данныя въ актахъ собора:

1. Въ перечисленіи лицъ, участвовавшихъ въ первомъ засѣданіи, дѣйствительно упоминается монахъ Кириллъ, заступающій мѣсто Никиты, епископа Готіи (Mansi, XII, 994 C): *Κυρίλλου μοναχοῦ καὶ τὸν τόπον ἐπέχοντος Νικήτα ἐπισκόπου Γοτθίας.*

2. При поименной подачѣ голосовъ, потребованной во второмъ засѣданіи римскими, то есть, папскими легатами, въ протоколѣ отмѣченъ Кириллъ, епископъ Готіи (ibid. 1095 A): *Κύριλλος ἐπίσκοπος Γοτθίας ἐξεφώνησεν ὁμοίως.*

Но въ древнемъ латинскомъ переводѣ соборнаго дѣянія, принадлежащемъ Анастасію діакону (IX вѣка), сохранилась необходимая и здѣсь опущенная прибавка, что Кириллъ былъ только представителемъ своего епископа: *Cyrellus ex persona sanctissimi episcopi Gothiae promulgavit similiter.*

3. Въ третьемъ засѣданіи упомянуть опять Кириллъ монахъ и намѣстникъ Никиты, епископа Готіи (ibid. 1154 A): *Κύριλλος μοναχὸς καὶ τοποτηρητὴς Νικήτα ἐπισκόπου Γοτθίας.*

4. Только въ четвертомъ засѣданіи формулировано было постановленіе о почитаніи иконъ, и только здѣсь мы имѣемъ вмѣсто простаго перечисленія лицъ, согласившихся съ нимъ, собственные ихъ подписи. Монахъ Кириллъ подписался представителемъ Іоанна, епископа Готовъ (ibid. XIII, 137 D): *Κύριλλος μοναχὸς καὶ ἐκ προσώπου Ἰωάννου ἐπισκόπου Γότθων, ἐντραφεὶς τοῖς ἀπο-*

στολικοῖς κηρύγμασι καὶ τῶν πατέρων παραδόσεσι καὶ τὰ νῦν προεγεγραμμένα δεξάμενος, ὑπέγραψα.

5. Въ шестомъ засѣданіи не было подачи голосовъ, но въ числѣ присутствовавшихъ отмѣченъ (ibid. 365 D) монахъ Кириллъ, представитель Готскаго епископа (безъ имени): Κυρίλλου μοναχοῦ καὶ ἐκ προσώπου Γοτθίας.

144 6. Въ седьмомъ засѣданіи опять потребовались подписи; но на сей разъ и самая подпись монаха Кирилла сохранилась для насъ въ неисправномъ видѣ: въ греческомъ текстѣ епископъ, представляемый Кирилломъ, названъ уже Никоподемъ, и только въ латинскомъ переводѣ Анастасія имя, болѣе похожее на названіе города, замѣнено другимъ, напоминающимъ Никиту (ibid. 384): Κύριλλος ἀμαρτωλὸς μοναχὸς καὶ τὸν τόπον ἐπέχων Νικοπόλεως (въ лат. Niceri) ἐπίσκοπου Γοτθίας ὁμοίως.

Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что, не смотря на двукратное повтореніе имени Никиты въ протоколахъ, составлявшихся не всегда внимательными секретарями, и не смотря на очевидно неисправное чтеніе въ послѣднемъ, сейчасъ приведенномъ случаѣ, подпись въ четвертомъ засѣданіи должна быть признана вполнѣ точною и наилучше сохранившеюся. Что Іоаннъ Готскій пережилъ соборъ 787 года, видно какъ изъ хода и порядка событій, рассказываемыхъ Житіемъ, такъ и особенно изъ упоминанія объ Георгіи, епископѣ Амастриды. По актамъ собора 787 года легко убѣдиться, что Георгій сдѣлался епископомъ послѣ этого года, ибо на соборѣ присутствовалъ и подписывается еще епископомъ Амастридскимъ Григорій, а между тѣмъ, какъ увидимъ это послѣ, Георгій былъ все-таки поставленъ патріархомъ Тарасіемъ и дожилъ до начала слѣдующаго (IX) столѣтія.

Глава пятая. Затѣмъ слѣдуетъ наиболѣе важное въ историческомъ отношеніи мѣсто о столкновеніи епископа Іоанна съ Хазарскимъ хаганомъ, которое мы сначала приведемъ въ подлинникѣ.

‘Ο δὲ ὅσιος οὗτος ἐπίσκοπος Ἰωάννης μετὰ ταῦτα μετὰ τοῦ ἰδίου λαοῦ τοῖς ἄρχουσι τῶν Χαζάρων ἐξεδόθη, διὰ τὸ συσταθῆναι αὐτῷ τῷ κυρῷ Γοτθίας καὶ τοῖς ἄρχουσι αὐτοῦ καὶ παντὶ τῷ λαῷ πρὸς τὸ μὴ κατακυριεῦσαι τῆς χώρας αὐτῶν τοὺς εἰρημένους Χαζάρους. ἀποστείλας

γάρ ὁ χαγάνος παρέλαβε τὸ κάστρον αὐτῶν τὸ λεγόμενον Δορός, θέμενος ἐν αὐτῷ φύλακας ταξάτους, οὓς καὶ ἐξεδίωξεν ὁ εἰρημένος ὄσιος ἐπίσκοπος μετὰ τοῦ λαοῦ αὐτοῦ καὶ τὰς ἐλθούσας ἐκράτησεν. ὅθεν ἰδόντες τὸν ἀρχιερέα ὑπὸ ἐνὸς χωρίου παραδοθέντα προσέφυγον τῷ χαγάνῳ· καὶ τῷ μὲν κυρῷ Γοτθίας ἐφείσατο, δεκαεπτὰ δὲ δούλους ὁ χαγάνος ἐκούρασεν ἀναιτίους. ὁ δὲ ὄσιος παραφυλαχθεὶς ἠδυνήθη διαδράς ἀντιπερᾶσαι εἰς Ἄμαστρον τὴν φιλόχριστον πόλιν· κάκεῖ ἐπὶ τετραετῇ χρόνον περιηγόμενος, ἀκούσας τὴν τελευταίην τοῦ χαγάνου, ἔφη· Κάγῳ, ἀδελφοί, μετὰ τεσσαράκοντα ἡμέρας ἀπέρχομαι δικάσασθαι μετὰ τοῦ διώκτου μου ἔμπροσθεν τοῦ κριτοῦ καὶ θεοῦ.

Въ третьей главѣ введенія уже сообщены были факты изъ 145 предыдущей исторіи Хазарь, объясняющіе ихъ появленіе въ Крыму и столкновеніе съ Готами, жившими на югѣ полуострова. Изъ нашего источника видно, что около 787 года они овладѣли крѣпостью или городомъ Доросомъ, который во время Юстиніана II, около 705 г., еще не былъ въ ихъ рукахъ. Что Дорось, или же позднѣйшій Θεοδωρῳ, какъ въ надписи митрополита Даміана (см. ниже), совпадалъ съ Мангупомъ, а не съ Инкерманомъ, какъ думали Карамзинъ и Кенпенъ, — это теперь можно считать не только доказаннымъ, но и общепринятымъ мнѣніемъ. Заслуга здѣсь, какъ и во многихъ другихъ вопросахъ исторіи и географіи южной Россіи, принадлежитъ Ф. К. Бруну. Онъ утвердилъ на прочныхъ основаніяхъ мысль, высказанную еще Бюшингомъ и съ тѣхъ поръ позабытую... Въ италіанскихъ источникахъ говорится о Доросѣ (= Θεοδωρῳ) слѣдующимъ образомъ: *L'armata (Turca) era a campo a un castello fortissimo della Gotia, che si chiama Teodoro (Canale, Della Crimea, III, 354). Urbem Alexio cuidam Graeco, Theodori domino, quod oppidum parvo intervallo abest a Cembalo, tradiderunt (Фольетта). Del Theodoro, che è luogo vicino al Cembalo, и пр.* Одинъ италіанскій ученый, г. Десимони, занимающійся исторіей генуэзскихъ поселеній въ Крыму, и сначала отвергавшій теорію Ф. К. Бруна, потомъ сообщилъ ему наилучшее доказательство тождественности Θεοodoro и Мангупа; онъ нашелъ грамоту 1472 года, въ которой говорится о «владѣтелѣ Θεοodoro по имени Исайкѣ», между тѣмъ изъ русскихъ источниковъ давно былъ извѣстенъ Мангупскій князь Исайко: въ 1474 году онъ принималъ мо-

сковскаго посла въ Крыму Беклемишева и сваталь свою дочь въ невѣсты сыну Ивана III¹). Такимъ образомъ какъ все другое, такъ и это соотвѣтствіе въ титулахъ приводитъ къ тому заключенію, что Дѳросъ или Дорѳсъ, иначе Тео-дорѳ (въ позднѣйшихъ памятникахъ обычнѣе это послѣднее названіе), соотвѣтствуетъ городу Мангупу, разрушенному Турками въ 1492 году. Главный городъ всей Готіи (τὸ κάστρον τῆς Γοθίας), резиденція мѣстныхъ династовъ, престольный городъ епархіи, по имени котораго именовались позднѣйшіе готскіе митрополиты²), находился на той самой неприступной скалѣ между небомъ и землею, которая и теперь еще высится надъ Ай-готорскою долиною и носитъ на себѣ слѣды старинныхъ укрѣпленій — стѣнъ внутреннихъ и внѣшнихъ и башенъ, остатки христіанскихъ храмовъ съ образами, писанными красками на извести, и также развалины мечети, синагоги, фонтановъ и т. д. Однако, не смотря на выгодное мѣстоположеніе готской столицы, пробравшись ли по тѣмъ двумъ горнымъ тропинкамъ, которыя теперь ведутъ на верхъ живописной возвышенности, или какимъ другимъ путемъ и способомъ, но только Хазары около 787 года овладѣли ею, какъ послѣ (въ 1475 году) овладѣли ею Турки Османы, и хаганъ хазарскій поставилъ въ ней свой гарнизонъ. По всѣмъ соображеніямъ,

1) См. Карамзина, Ист. Г. Р., VI, примѣч. 125; Кеппена, Крымскій Сборникъ, стр. 216, 282 сл.; Бруна, Notices sur les colonies Ital. en Gazarie (Mém. de l'Acad. Imp. des Sciences de St.-Pét., VII-e Série, Tome X, № 9), pp. 63—77.

2) Въ сборникѣ Кеппена Мангупу посвящено обширное изслѣдованіе, стр. 261—290, къ которому приложены планы и старыя описанія замѣчательной мѣстности. Для насъ особенно важно описаніе Броневскаго, который видѣлъ Мангупъ вскорѣ послѣ разрушенія: «Городъ Манкопія лежитъ при горахъ и лѣсахъ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ моря; онъ имѣетъ два замка, построенныхъ на высокой и широкой скалѣ, драгоцѣнные греческіе храмы и зданія; нѣсколько ручьевъ, стекающихъ со скалы, чистыхъ и удивительныхъ. По покореніи его Турками, чрезъ 18 лѣтъ, онъ выгорѣлъ почти до основанія, какъ говорятъ греческіе христіане. Вотъ отчего и нѣтъ уже ничего примѣчательнаго, кромѣ верхняго замка, имѣющаго отличные ворота, украшенные греческими надписями и многимъ мраморомъ, и высокой каменный домъ. Въ этомъ домѣ, по варварской ярости хановъ, иногда содержатся въ заключеніи московскіе послы, съ которыми жестоко поступаютъ. Теперь тамъ уцѣлѣла только греческая церковь св. Константина и другая, весьма незначительная, св. Георгія. -- Все прочее въ развалинахъ и предано забвенію. -- О владѣльцахъ и народахъ, населявшихъ эти города и величайшіе замки, нѣтъ уже никакихъ лѣтописей» и т. д.

владѣніе укрѣпленнымъ и центральнымъ пунктомъ должно было повести къ подчиненію всей области, къ вассальной зависимости готскихъ князей отъ хазарскаго хагана. Такъ, повидимому, и было: мы далѣе усматриваемъ, что Іоаннъ, прогнѣвавъ хазарскаго государя, не можетъ долѣе оставаться даже на своей родинѣ въ Партенитѣ, что Фуллы тоже принадлежатъ Хазарамъ, и наконецъ читаемъ, что отъ милости хагана зависѣла судьба готскаго повелителя, что онъ властенъ былъ пощадить или наказать его. Хотя это подчиненіе чуждой власти и не подвергало какой-либо опасности религіозные интересы православной епархіи, такъ какъ Хазары не только отличались полною вѣротерпимостію, но даже давали въ своихъ владѣніяхъ убѣжище гонимымъ мусульманами христіанамъ, однако епископъ Готскій Іоаннъ сталъ во главѣ заговора, имѣвшаго цѣлю политическую и народную свободу Готовъ, освобожденіе отъ ига азіатскихъ пришельцевъ. Въ Житіи мы читаемъ о первоначальной удачѣ предпріятія и о печальной его развязкѣ: въ чемъ состояла первая, для насъ совершенно понятно, но какъ произошла вторая, — это въ текстѣ нашего документа изложено весьма темно. Гарнизонъ хазарскій былъ выгнанъ изъ Дорѹ, или Θεодорѹ, самимъ епископомъ, ставшимъ во главѣ своей паствы; онъ овладѣлъ и укрѣпленными горными проходами или клисурами: чтеніе *κλεισούρας* вмѣсто *ἐλυσούρας*, предложенное еще въ изданіи болландистовъ, не подлежитъ сомнѣнію, а остается только вопросъ о ближайшемъ пріуроченіи этихъ клисуръ къ данной мѣстности, что мы охотно оставляемъ рѣшенію знатоковъ ея и одесскихъ ученыхъ. — Но вскорѣ затѣмъ случилась катастрофа, вслѣдствіе которой епископъ очутился въ хазарской тюрьмѣ — повидимому, въ городѣ Фуллахъ, о которомъ говорится ниже въ чудесахъ. Какъ это случилось — это-то именно и составляетъ загадку. Въ Житіи сказано, что они, жители Готіи, прибѣгли къ хагану, то есть, нужно думать, снова покорились ему, когда увидѣли, что пастырь ихъ былъ преданъ одною какою-то мѣстностію. Судя по этому, дѣло нужно представлять такъ, что въ епархіи Іоанна была и такая партія, которая не хотѣла изгнанія Хазаръ, а стояла за ихъ власть, и эта-то партія такъ или иначе устроила выдачу главнаго руководителя во всемъ движеніи въ руки Хазаръ. Въ

синаксаряхъ, составленныхъ на основаніи того же самаго Житія, которое и мы изучаемъ, но, можетъ быть, по лучшимъ его спискамъ, высказывается то же самое пониманіе. Въ кратчайшемъ изъ этихъ синоксарей, помѣщенномъ въ Минологіи Василія Порфиророднаго (X—XI в.), употреблено выраженіе, что святой, преслѣдуемый собственнымъ народомъ, бѣжалъ въ Амастриду: *καὶ διαχθεις παρὰ τοῦ οἰκείου λαοῦ καὶ φυγὼν ἐν Ἀμαστρίδι ἐτελεύτησεν* <Ср. Synaxar. eccl. Constantinopol., col. 773, 8 sqq. >. Въ другомъ болѣе подробномъ, но, къ несчастію, дурно сохранившемся синоксарѣ (Synaxar. Chiffletian., приведенный въ АА. SS.), говорится какъ будто о смятеніи или бунтѣ, возбужденномъ приверженцами хагана: *στάσεως δὲ γενομένης ἐν τῇ χώρᾳ αὐτοῦ παρὰ τῶν χαγάνου...*

Какъ бы то ни было, Иоаннъ былъ въ темницѣ и оттуда бѣжалъ въ Амастриду, въ которой и умеръ послѣ четырехлѣтняго въ ней пребыванія. Если бы намъ былъ извѣстенъ годъ смерти хагана, то мы могли бы точно опредѣлить и годъ кончины святаго; но мы знаемъ, что извѣстіе объ убійствѣ хазарскаго хагана въ 798 году есть свѣдѣніе ненадежное и всего скорѣе ошибочное. Однако соображая, что не говорится объ особенной старости святаго при кончинѣ, и что посвященіе его, а слѣдовательно, и 30-тилѣтній, по крайней мѣрѣ, возрастъ относится 148 приблизительно къ 760 году, мы можемъ остановиться на 792—798 годахъ.

Глава шестая. Въ шестой главѣ Житія, кромѣ упоминанія объ Георгіи Амастридскомъ, на которомъ мы теперь не останавливаемся, заслуживаютъ вниманія данныя о мѣстѣ погребенія Иоанна Готскаго. *Καὶ οὕτως ἀντεπέρασεν εἰς τὸ μοναστήριον αὐτοῦ, τὸ ἐπονομαζόμενον τῶν ἀγίων ἀποστόλων, εἰς Παρθενίτας, καὶ κατετέθη ἐκεῖσε. -- ἔπερ μοναστήριον πᾶσιν εὐκοσμίαις κτίσεως τε καὶ ἱερῶν σκευῶν καὶ βιβλίων παντοίων κατακοσμήσας ὁ ὁσιος ὁσίων μοναχῶν πληθὺν ἐγκατέστησεν.*

Въ настоящее время уже не можетъ быть никакихъ сомнѣній о мѣстѣ, гдѣ находился упоминаемый здѣсь монастырь святыхъ Апостоловъ, построенный Иоанномъ, очевидно, на своей родинѣ.

Въ 1871 году открыты были художникомъ Струковымъ на южномъ берегу Крыма, въ имѣніи г. Раевского Партенитъ, зна-

чительные остатки большого христіанскаго храма. Изъ всѣхъ открытыхъ на южномъ берегу древнихъ церквей это была первая церковь сравнительно большихъ размѣровъ, имѣющая при томъ довольно богатія украшенія, какъ на примѣръ, мозаичный полъ, рѣзные карнизы и т. д. Извѣстно, что другія церкви, открытыя въ Крыму, имѣютъ видъ обыкновенныхъ церквей или даже часовень. Храмъ построенъ у самой подошвы горы Аюдага — съ той стороны его, которая обращена къ Партениту, и стоитъ на покатой плоскости, внизу которой протекаетъ горная Партенитская рѣчка. Еще въ 1869 году управляющій г. Раевскаго сталъ устраивать дорогу къ имѣнію вдоль сѣверовосточнаго склона горы Аюдага и тогда уже была открыта полукруглая стѣна храма (?). Открытый въ Партенитѣ храмъ имѣетъ ту еще несомнѣнную важность, что въ немъ найденъ былъ камень съ отчетливою греческою надписью, которая находилась въ предалтарной части храма, на камнѣ, вдѣланномъ въ полъ, и читалась слѣдующимъ образомъ¹⁾: «Этотъ всечестный 149 и божественный храмъ святыхъ славныхъ, всехвальныхъ и первоверховныхъ апостоловъ Петра и Павла былъ построенъ съ основанія въ давнія времена иже во святыхъ отцомъ нашимъ архіепископомъ города Θεодоро и всей Готіи Іоанномъ Исповѣдникомъ, нынѣ же возобновленъ, какъ онъ зрится, митрополитомъ города Θεодоро и всей Готіи киръ Даміаномъ въ лѣто 6936, индикта 6-го, въ десятый день сентября».

1) Надпись, равно какъ и предыдущія свѣдѣнія о мѣстѣ ея находки, мы заимствуемъ изъ статьи г. Караулова «Недавняя археологическая находка въ Крыму» въ Зап. Одесск. общ. ист. и древн., т. VIII, стр. 308 слл. Къ статьѣ г. Струкова, помѣщенной въ Русск. Вѣстн. за 1876 г. (сент., стр. 121 слл.): «Древніе христіанскіе памятники въ Тавридѣ», приложенъ самый планъ открытаго храма и содержатъ другія полезныя указанія, хотя статья вообще не отличается точностію сообщаемыхъ историческихъ свѣдѣній, да и самый русскій переводъ надписи здѣсь неполнѣ исправленъ. «Окончательно раскопанъ храмъ Н. И. Рѣпниковымъ. См. Изв. Имп. Арх. Комм., вып. 32, стр. 91—140». Подлинная надпись сохранилась весьма хорошо, и потому мы не считаемъ нужнымъ отмѣчать тѣ немногія мѣста, гдѣ восстановлены утраченныя или разбитыя буквы, не подлежащія вовсе спору или сомнѣнію. Грамматическія ошибки, оставшіяся въ текстѣ, принадлежатъ самой надписи. (Ср. новое изданіе надписи у В. В. Латышева, Сборн. греч. надписей христ. временъ изъ южной Россіи, стр. 78, № 70 и табл. IX. Тамъ же, стр. 74 слл. подъ № 69 надгробная надпись аввы Никиты, скончавшагося въ 906 г. игумена монастыря св. Апостоловъ»).

Ὁ πάνσεπτος καὶ θεῖος ναὸς τῶν ἁγίων, ἐνδόξων, πανευφήμεων καὶ πρωτοκορυφαίων ἀποστόλων [Πέτρου κ.] καὶ Πα[ύλο]υ ἐκτίσθη ἐκ βάρων πρὸ χρόνων πολλῶν παρὰ τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν καὶ ἀρχιεπισκόπου πόλεως Θεοδοροῦς καὶ πάσης Γοθθίας Ἰωάννου τοῦ ὁμολογητοῦ, ἀνεκαίνισθη δὲ νῦν καθὼς ὁρᾶται παρὰ τοῦ πανιερωτάτου μητροπολίτου πόλεως Θεοδοροῦς καὶ πάσης Γοθθίας κυροῦ Δαμιανοῦ ἔτους ἑξακισχιλιοστοῦ ἐννακισιοστοῦ τριακостоῦ ἔκτου, ἰνδικτιῶνος ἕκτης, μηνὶ Σεπτεμβρίῳ δεκάτῃ.

Одинъ изъ мѣстныхъ ученыхъ, г. Кондараки, въ статьѣ, помѣщенной въ Одесскомъ Вѣстникѣ, а также и художникъ Струковъ на основаніи того, что находка эта указывала на мѣстопробываніе и какъ бы каѳедру Готскаго епископа въ Парте-нитѣ, полагали, что Θεοδὸρὸς именно и есть Парте-нитѣ. Г. Карауловъ, который посвятилъ открытію г. Струкова обстоятель-ную и ученую статью въ Запискахъ Одесскаго общества исторіи и древностей, совершенно справедливо вооружается противъ такого взгляда. Мѣсто, приведенное нами изъ Житія, оставшееся, повидимому, неизвѣстнымъ для обоихъ ученыхъ, окончательно разъясняетъ вопросъ. Надпись 1425 года, сдѣланная при митрополитѣ Даміанѣ, несомнѣнно говоритъ о томъ Іоаннѣ Готскомъ, Житіемъ котораго мы занимаемся, и о томъ самомъ храмѣ святыхъ Апостоловъ, который, по свидѣтельству и нашего источника, былъ имъ основанъ въ Парте-нитѣ. Но въ томъ же самомъ Житіи совершенно ясно указано, что Парте-нитѣ былъ родиной, а не каѳедрой Іоанна, торжищемъ (ἐμπόριον), а не градомъ или замкомъ (τὸ κάστρον), и что церковь, построенная Іоанномъ въ Парте-нитѣ, была монастырская.

Главы 7—10. Чудеса. Что касается отдѣла, посвященнаго чудесамъ, которыя святой совершилъ еще при жизни своей, то этотъ отдѣлъ не требуетъ длинныхъ, обширныхъ и сложныхъ 150 комментаріевъ, какъ потому, что чудеса вообще не допускаютъ объясненій, такъ и потому, что изъ рассказовъ о такихъ событіяхъ не много извлекается историческихъ данныхъ. Мы видимъ, во-первыхъ, что діаконъ Лонгинъ, отправленный, около 760 года своимъ архіереемъ въ Іерусалимъ, подвергался на пути большимъ опасностямъ: два раза грозила ему смерть отъ руки Сарацинъ, и оба раза онъ былъ спасенъ заступленіемъ своего свя-

таго владыки, при чемъ въ первый разъ тотъ избралъ своимъ орудіемъ протонотарія сарацинскаго эмира, а въ другой — уже проявилъ непосредственно свою силу. Буйство и насиліе со стороны Сарацинъ, нерѣдкія въ обычное спокойное время, тѣмъ болѣе возможны были во время междоусобицъ, которыми ознаменовано было правленіе халифа Абу-Джафаръ-Мансура; а въ лицѣ протонотарія, который выкупилъ Лонгина, слѣдуетъ представлять себѣ такого же образованнаго и знающаго греческій языкъ чиновника изъ христіанъ, какимъ былъ около этого времени при халифѣ отецъ Іоанна Дамаскина и онъ самъ. *Καὶ αὐτίκα ὁ πρωτονοτάριος τοῦ ἀμῆρῆου πεντακόσια δούς μιλιαρίσια, τοῦτον κατήγαγε καὶ ἀπέλυσε.* Пятсотъ миліарисій за христіанина, захваченнаго въ плѣнъ, — плѣна не высокая; потому что данную цифру нужно уменьшить по крайней мѣрѣ въ четверо, чтобы получить соотвѣтствующее ей число рублей.

Важнѣе по своему содержанію рассказъ о слѣдующемъ чудѣ. *Καὶ τῶν μαθητῶν αὐτοῦ τῶν ὄντων ἐν τῇ φυλακῇ, ἐν ἣ παρεφυλάττετο ὑπὸ τῶν Χαζάρων, φυγόντος αὐτοῦ εἰς Ῥωμανίαν, κρατηθέντων καὶ τῶ χαγάνῳ παραστάντων καὶ κουρασθῆναι ὑπ' αὐτοῦ ὀρισθέντων, τῇ τοῦ ὀσίου εὐχῇ ἀπελύθησαν ὑγιεῖς, φήσαντος τοῦ χαγάνου ὅτι: Οὗτοι πταῖσμα οὐκ ἔχουσιν. ὅθεν τῇ αὐτῇ ὥρᾳ, ὅτε παρέστησαν τῶ χαγάνῳ, ὁ ὀσιος ἐν Ἀμάστριδι - - ἦν εὐχόμενος.* Здѣсь мы узнаемъ, что политическій процессъ, бывший послѣдствіемъ возстанія въ Готіи, продолжался и послѣ бѣгства главнаго виновника, но что хазарскій хаганъ весьма благоразумно и на этотъ разъ человѣколюбиво освободилъ тѣхъ, кто былъ невинною жертвою преданности своему духовному пастырю. Название же противоположныхъ Крыму азіатскихъ провинцій Романіей весьма обыкновенно; оно встрѣчается въ письмахъ папы Мартина изъ Херсона, въ сочиненіи Константина Багрянороднаго объ управленіи имперіей, гдѣ онъ говоритъ о сношеніяхъ херсонской общины съ южно-бережными припонтійскими городами, а также и въ хроникахъ; наконецъ оно удержалось и во время Турокъ Селджукидовъ, когда изъ части Малой Азіи образовалось государство «Румъ».

Чудо съ Василиемъ имѣетъ историческое значеніе только 151

- 1) по указанію на мѣстность, которая названа Курасайтами, и
- 2) по указанію на присутствіе многихъ гробницъ во храмѣ. 'Ев

Κουρασαίτοις τῶ ἐμπορίῳ ἀναπαυόμενος εἰς ἐκκλησίαν ἣν ὁ ὄσιος, ἐν ἧ ἔνδον ὑπῆρχεν μνήματα πλείστα. Подъ Курасаитами, по объясненію Бюшинга и Кеппена, нужно разумѣть то самое укрѣпленіе Горзувиты (Γορζουβίται), которое нѣкогда было построено Юстиніаномъ въ одно время съ Алуштою, хотя оно тогда, по прямому смыслу словъ Прокоція (см. выше), и не принадлежало къ Готіи, далѣе — то самое укрѣпленіе, которое долго существовало подъ именемъ Гурзуфа, Курзуфа¹⁾, и развалины котораго описаны были Палласомъ²⁾. Не лишнимъ будетъ, однако, припомнить здѣсь и монастырь Киризу (ἡ τῆς Κυρίζου σεβασμία μονή, τὸ τῆς Κυρίζου μετόχιον), который находился въ Крымской Хазаріи и упоминается въ патріаршихъ грамотахъ конца XIV вѣка³⁾. Что касается церкви съ гробницами, то, вѣроятно, здѣсь нужно разумѣть одну изъ тѣхъ пещерныхъ церквей, какихъ такое множество открывается теперь въ Крыму, и которыя во многомъ папоминаютъ церкви римскихъ катакомбъ, а еще болѣе — подобныя же пещерныя церкви, разсѣяныя въ Каппадокіи и Галатіи, но еще мало изслѣдованныя.

Въ девятой главѣ сообщаются три чуда. Первое совершилось въ Фуллахъ, при чемъ оказывается, что и тюрьма святаго находилась именно въ этомъ городѣ, такъ рѣдко упоминаемомъ въ древнихъ источникахъ и потомъ совсѣмъ затерявшемся, а между тѣмъ для насъ любопытномъ по пребыванію въ немъ св. Кирилла, Славянскаго просвѣтителя. Ἐν δὲ τῇ φυλακῇ τῶν Φούλων τοῦ ὁσίου καθεζομένου, ὁ κύριος τῶν αὐτῶν Φούλων ἐλθὼν ἔρριψεν εἰς τοὺς πόδας αὐτοῦ τὸ παιδίον αὐτοῦ --, τοῦτο σφραγίσας καὶ βαπτίσας -- αὐτίκα ἐκαθαρίσθη. Отсюда мы можемъ вывести такія заключенія, что 1) Фуллы въ данное время находились во власти хазарскаго хагана, и что 2) однако здѣсь оставался свой особый мѣстный владѣтель, или династѣ, христіанскаго исповѣданія, подчиненный, разумѣется, хазарскому владычеству. Если же мы допустимъ, что и второе чудо (этой главы) совершилось тоже въ

1) <Ср. Ю. А. Кулаковскаго, Замѣтки по ист. и топогр. Крыма, III (въ Археологич. Извѣстіяхъ и Замѣткахъ, № 1), стр. 5 сл.>

2) Кеппенъ, Крымскій Сборникъ, стр. 175—177 и др.

3) Miclosich et Müller, Acta patriarchat. Constantinop., №№ 492, 497 (t. II, pp. 249. 258).

Фуллахъ, какъ то несомнѣнно слѣдуетъ по связи и ходу разсказа, то окажется, что въ Фуллахъ были жители, проникнутые сознаниемъ общности готскихъ, такъ сказать, національныхъ интересовъ и въ своемъ патріотическомъ увлеченіи дошедшіе до забвенія церковнаго долга, то есть, уваженія, подобающаго духовному сану епископа. То, что здѣсь во второй половинѣ IX вѣка, не смотря на христіанскую вѣру, продолжали совершать языческіе обряды, а равно и самая форма этихъ суевѣрныхъ привычекъ, состоявшая въ поклоненіи дубу¹⁾, — ни то, ни другое нисколько не будетъ противорѣчить предположенію о принадлежности «фульскаго языка» къ готскому. Точно также и самое мѣстоположеніе Фуллъ, на сколько оно обнаруживается изъ пограничности позднѣйшей Фульской епархіи съ Херсонскою съ одной стороны и Готскою съ другой, — можетъ служить только въ пользу такого предположенія. Ближайшее опредѣленіе мѣстности заключается, быть можетъ, въ существованіи на Никитскомъ мысѣ развалинъ и старинныхъ укрѣпленій (остатки стѣнъ, сквозная пещера), носящихъ у мѣстныхъ жителей имя «Русско-Фулей, Русскофиль-кале, Русскофлея»²⁾.

Упрекъ, такъ дерзко сдѣланный Іоанну, состоялъ въ томъ, что именно онъ былъ виновникомъ выдачи хагану замка Готіи и несправедливой казни невинныхъ людей: *ἕτερός τις, ἀδίκως ἐπιμεμφόμενος τῷ ὁσίῳ, ὡς αἰτίῳ γενομένῳ τοῦ παραδοθῆναι τῷ χαγάνῳ τὸ κάστρον τῆς Γοθίας καὶ τῶν ἀδίκως ἀποδανόντων, -- πρηνὴς πεισῶν ἐξέψυξε.*

Что упрекъ этотъ сдѣланъ послѣ неудачной попытки возстанія, но ранѣе бѣгства въ Амастриду, слѣдовательно, во время Фульскаго заключенія — это, какъ уже мы замѣтили, само собою очевидно. Нѣсколько труднѣе объяснить поводъ къ такому обвиненію. Епископъ Іоаннъ не могъ быть названъ виновникомъ

1) Любопытно, однако, что дубъ этотъ назывался Александромъ, что напоминаетъ алтарь Александру Великому около береговъ Днѣпра, о которомъ говорится у Амміана Марцеллина, XXII, 8, 40.

2) См. Кеппель, Крымскій Сборникъ, стр. 177—179; ср. 132 и т. д. Пограничность Фульской епархіи съ Сугдейскою обнаруживается изъ позднѣйшаго ихъ соединенія въ одну, а сосѣдство съ Готіей необходимо слѣдуетъ отсюда, такъ какъ на полуостровѣ не остается болѣе свободнаго мѣста, и сверхъ того того же требуютъ какъ житіе Іоанна Готскаго въ разбираемомъ нами мѣстѣ, такъ и славянская легенда.

передачи укрѣпленія Дори въ руки Хазаръ потому, что, по словамъ Житія, Хазары уже ранѣе овладѣли имъ и даже держали тамъ свой гарнизонъ. Онъ могъ быть обвиняемъ только въ томъ отношеніи, что его неудачная попытка возстанія повела къ отягченію участи покоренныхъ, къ гибели невинныхъ, казненныхъ 153 хаганомъ, и что его собственный плѣнъ, котораго однако онъ не былъ самъ причиною, повелъ къ общей покорности. . .

Изъ куріознаго разсказа объ отвердѣвшемъ въ бочкахъ винѣ можно вывести только то заключеніе, что винодѣліе въ концѣ VIII вѣка также существовало на южныхъ берегахъ Крыма, какъ это было въ древности и въ новѣйшія времена.

Наконецъ, въ заключительной главѣ должны быть отмѣчены тѣ выраженія, въ которыхъ содержатся хотя общія указанія на личность анонимнаго писателя Житія. Во-первыхъ, онъ самъ не былъ жителемъ Готскаго берега, такъ какъ онъ ссылается на разсказы о чудесахъ святаго жителей не этой, а той страны. *Καὶ ἕτερα δὲ θαύματα πλείστα ἐποίησεν ὁ ὁσιος, ἅτινα οἱ τῆς χώρας ἐκείνης πᾶσιν ἀναφανδὸν διηγούμενοι, εἰς κατάνυξιν -- ἐνάγουσιν.* Если мы припомнимъ, что страну Тавроскиевовъ, мѣсто рожденія святаго, онъ называетъ заморскою, *περατική*, находящеюся на другомъ берегу, то должны будемъ признать самымъ вѣроятнымъ предположеніе о жительствѣ автора на противоположныхъ, азіатскихъ берегахъ Понта. Точно такъ, во времена Трапезунтской имперіи, таврическое поморье, то есть, Корсунъ и Готскіе климаты, входившіе въ составъ владѣній Великихъ Комниновъ, обозначались въ ихъ официальномъ титулѣ выраженіемъ Заморья, *Περατεία*. Напротивъ, житель Θρακίи и окрестностей Константинополя потому не могъ бы такъ выразиться о Крымѣ, что уже азіатскія провинціи имперіи, Понтъ, Каппадокія, Пафлагонія, были для него заморскими, какъ онѣ и дѣйствительно именуется у писателей (*περατικὰ θέματα* у Теофана). Во-вторыхъ, изъ молитвеннаго обращенія объ избавленіи отъ общенія «съ святосжигателями и нечистыми еретиками» — *στήριξον ἡμᾶς, ὅπως ῥυσθείημεν τῆς ἐπιβλαβοῦς κοινωνίας τῶν ἀγιοκαυστῶν καὶ ἀκαθάρτων αἰρετικῶν* — несомнѣнно слѣдуетъ, что Житіе написано во время преобладанія иконоборства, возобновленнаго Львомъ Армяниномъ и державшагося при его преемникахъ: то

есть, не ранѣе 815 года и не позднѣе 842. Терминъ «святосожигатели» такъ шелъ къ иконоборцамъ и такъ часто встрѣчается въ приложеніи къ нимъ у современныхъ писателей, что нѣтъ никакой нужды приводить для этого отдѣльныя мѣста. Во второй періодъ иконоборства точно такъ же, какъ и въ первый, Готія осталась вѣрною православію и могла служить убѣжищемъ для почитателей иконъ. Изъ одного письма, адресованнаго Θεодоромъ Студитомъ (× 826) къ архимандриту Готіи (Ἀρχιμανδρίτῃ Γοθίας), мы видимъ, что здѣсь процвѣтало монашество — по крайней мѣрѣ въ численномъ отношеніи, такъ какъ въ другихъ дѣло представлялось сомнительнымъ... Отвѣчая на запросы лица, стоявшаго во главѣ готскихъ монастырей, знаменитый игуменъ Студійской обители дѣлаетъ такого рода наставленія: не слѣдуетъ принимать въ монахи и давать постриженіе всякому приходящему и желающему безъ разбора, но за то слѣдуетъ всячески избѣгать и разстриженія; не слѣдуетъ монахамъ заводить споры и вести тяжбы предъ мірянами; неприлично, чтобы монахъ держалъ при себѣ въ монастырѣ раба: это также странно, какъ еслибъ онъ имѣлъ съ собою женщину, и т. д. Видно также, что не было мира и согласія между монастырями и мѣстною церковною іерархіей, и Θεодоръ Студитъ долженъ былъ взять на себя обязанность посредника и примирителя, и для этого писать епископу Филарету¹⁾. Въ лицѣ этого Филарета мы должны видѣть либо преемника Іоанну Готскому на его собственной кафедрѣ, либо іерарха сосѣдней Сурожской епархіи, того самаго Филарета, о которомъ говорится въ Житіи Стефана Сурожскаго²⁾.

1) Οὗ χάριν ἠναγκάσθημεν ἐπιστεῖλαι καὶ τοῖς θεοφιλεστάτοις πατρὶ καὶ ἀρχιερεῖς κυρίως Φιλάρτου. Epist. Theod. Stud., lib. II, № 164 (Migne, Patr. gr. 99, 1520).

2) Не считая нужнымъ излагать дальнѣйшую исторію Готской епархіи въ Крыму, такъ какъ въ Журналѣ Мин. Нар. Пр. уже напечатана статья, посвященная этому предмету, мы ограничимся указаніемъ новыхъ данныхъ для пополненія списка Готскихъ митрополитовъ. Эти данныя находятся въ описи патриаршихъ грамотъ у Саеы (Bibliotheca graeca, vol. III), p. 587: въ 1652 году былъ низложенъ митрополитъ Готіи Анеимъ, и на его мѣсто былъ избранъ Даніилъ; p. 599: въ 1673 году митрополитомъ былъ Меоводій; p. 604: въ 1678 году митрополія Готская была соединена съ Кафинскою (Καδῆ): точно такъ прежде были соединены (въ 1666 году) Кафа, Фуллы и Амасія (p. 597). Въ церковной исторіи Сергія Макрея (ibid. p. 334) упоминается о подчиненіи Готской епархіи Св. Синоду въ Петербургѣ въ 1783 году.

Труды В. Г. Васильевского. Томъ I. (Византия и Печенѣги. — Варяго-русская и варяго-англійская дружина въ Константинополь. — О Варяго-Руссахъ). 1908. Цѣна 2 р. = 4 Mrk. 50 Pf.

— Томъ II. Выпускъ 1. 1909. Цѣна 1 р. 75 коп. = 3 Mrk. 90 Pf.

Цѣна 2-го выпуска II-го тома 75 коп.; Prix 1 M. 75 Pf.

Продаются въ Книжномъ Складѣ Академіи и у ея коммиссіонеровъ:

И. И. Глазунова и Н. Л. Риннера въ С.-Петербургѣ, Н. П. Карбасникова въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Варшавѣ и Вильнѣ, Н. Я. Оглоблина въ С.-Петербургѣ и Кіевѣ, Н. Киммеля въ Ригѣ, Фоссъ (Г. В. Зоргенфрей) въ Лейпцигѣ, Лозанъ и Комп. въ Лондонѣ.

Commissionnaires de l'Académie IMPÉRIALE des Sciences:

J. Glasounof et C. Ricker à St.-Petersbourg, N. Karbasnikof à St.-Petersbourg, Moscou, Varsovie et Vilna, N. Oglobline à St.-Petersbourg et Kiof, N. Kymmel à Riga, Voss' Sortiment (G. W. Sorgenfrey) à Leipsic, Luzac & Cie à Londres.